

**АЗИАТСКО-
ТИХООКЕАНСКИЙ
РЕГИОН**



- ◆ Экономика
- ◆ Политика
- ◆ Право

**2016
№ 4**

**Научный
и общественно-политический
журнал**

**АЗИАТСКО-
ТИХООКЕАНСКИЙ
РЕГИОН**



- ◆ Экономика
- ◆ Политика
- ◆ Право

Журнал основан в 1999 году

Учредитель журнала – Дальневосточный федеральный университет
Министерства образования и науки Российской Федерации

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

**В.И. Курилов, доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

**Ч.Р. Айриш, П.Я. Бакланов, В.Г. Белкин,
Е.П. Жариков, С.Д. Князев, А.И. Коробеев, Ли Се Ун,
Пак Ноенг, В.Ф. Печерица, Н.Г. Присекина,
Дэниел Снайдер, Фу Куен-чен, Хуан Даосю**

**2016
№ 4**

**Научный
и общественно-политический
журнал**

Адрес редакции:

690922, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10, кампус ДВФУ,
корп. А (24), к. А920–923

Дальневосточный федеральный университет

Тел.: +7 (423) 265-24-24 (* 2383). Факс: +7 (423) 243-23-15

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-65746 от 20.05.2016

Владивосток

Дальневосточный федеральный университет

2016

PACIFIC RIM



- ◆ Economics
- ◆ Politics
- ◆ Law

The Journal was established in 1999

The founder: Far Eastern Federal University
The Ministry of Education and Science of the Russian Federation

EDITOR-IN-CHIEF

**V.I. Kurilov, Professor, Doctor of Law,
Honorary University Educationalist of the Russian Federation**

EDITORIAL BOARD

**C.R. Irish, P.Y. Baklanov, V.G. Belkin,
E.P. Zharikov, S.D. Knyazev, A.I. Korobeev, S.U. Lee,
N. Park, V.F. Pecheritsa, N.G. Prisekina,
D. Sneider, K.C. Fu and D. Huang**

**2016
№ 4**

**Research
and Socio-political
Journal**

Address:
Far Eastern Federal University
A920–923 Office, Bldg. A (2), Ajax St.,
Vladivostok, Russky Island, Russia, 690922
Tel.: +7 (423) 265-22-35 (* 2383). Fax: +7 (423) 243-23-15

Registration Certificate ПИ № ФС 77-65746 от 20.05.2016

Vladivostok
Far Eastern Federal University
2016

Содержание

К читателям журнала	6
ЕВРАЗИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СОЮЗ	
<i>Банников С.А., Краснов Е.В.</i> Евразийский экономический союз: предпосылки создания, первоначальные результаты функционирования и перспективы развития	9
ЭКОНОМИКА РЕГИОНА	
<i>Фокин Н.И., Кучук О.В.</i> Новые оценки опыта китайских реформ	23
<i>Жариков Е.П.</i> Морские перевозки нефти и газа: формирование восточного направления	38
<i>Кравченко А.А., Сергеева О.О.</i> Анализ потребительских предпочтений на рынках рыбопродукции в России и Китае	53
ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ	
<i>Шеховцов В.А., Евсеенко Е.Д.</i> К вопросу о народной законодательной инициативе в Российской Федерации и странах Азиатско-Тихоокеанского региона	66
<i>Кучина Я.О.</i> Облачные технологии: понятие и основы правового регулирования	77
<i>Надточий Ю.В., Прохоренко Д.В.</i> Уголовно-правовая охрана особо ценных диких животных: международный и национальный опыт	90
<i>Афонина Л.А.</i> Феномен религиозных объединений в КНР	103
УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ: ЗАКОНОТВОРЧЕСКИЙ ОПЫТ	
<i>Басова Т.Б., Харченко А.Н.</i> Уголовная ответственность за служебный подлог в странах АТР: законотворческий опыт Сингапура, Социалистической Республики Вьетнам и Таиланда	119
<i>Дворцов В.Е.</i> Ответственность за совершение преступлений в сфере кадастровой деятельности в аспекте сравнительно-правового анализа уголовного законодательства отдельных государств Азиатско-Тихоокеанского региона	132
Сведения о членах редколлегии	142

Contents

To the Readers	6
EURASIAN ECONOMIC UNION	
<i>Bannikov Sergey A., Krasnov Evgeniy V.</i> Eurasian Economic Union: background, initial results of the operation and development prospects	9
THE ECONOMY OF THE REGION	
<i>Fokin Nikolai I., Kuchuk Olga V.</i> New assessment of the experience of the Chinese reforms	23
<i>Zharikov Evgenie P.</i> Shipping of oil and gas: formation of the Eastern areas	38
<i>Kravchenko Alla A., Sergeeva Olesya O.</i> Analysis of consumer preferences at Russian and Chinese markets of fish products	53
PROBLEMS OF LEGAL REGULATION	
<i>Shekhovtsov Victor A., Evseenko Ekaterina D.</i> People`s legislative initiative in the Russian Federation and countries of the Asia-Pacific region	66
<i>Kuchina Yaroslava O.</i> Cloud computing: definition and the basics of its legal regulation	77
<i>Nadtochiy Julia V., Prokhorenko Dmitry V.</i> Juridical protection of the most valuable wildlife species: international and national experiences	90
<i>Afonina Liubov A.</i> The phenomenon of religious associations in China	103
CRIMINAL RESPONSIBILITY: LEGISLATIVE EXPERIENCE	
<i>Basova Tatyana B., Kharchenko Aleksei N.</i> Criminal liability for falsification of documents committed by public officers in the Asia-Pacific region: legal experience of Singapore, Socialist Republic of Vietnam and Thailand	119
<i>Dvortsov Vadim E.</i> Responsibility for crimes in cadastral activities in the context of comparative legal analysis of the legislation of individual states in Asia-Pacific region	132
Editorial Board`s Data	142

К читателям журнала

Либерализация экономики Российского Дальнего Востока (РДВ) создала реальные условия для развития внешнеэкономических связей со странами Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). Безусловно, интеграция в экономику тихоокеанских стран объективно зависит от комплекса политических, экономических, военно-стратегических и социально-психологических условий. Недостаточное внимание к ним и их слабая изученность чреваты замедлением интеграционных процессов. Поэтому издание журнала «Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право» весьма актуально в целях содействия развитию фундаментальных и прикладных исследований в области регионального сотрудничества РДВ со странами АТР, освещения проблем его участия в развитии интеграционных процессов, решения задач подготовки высокопрофессиональных специалистов в области международных отношений.

В соответствии с целью журнала, издаваемого Дальневосточным федеральным университетом, его рубрики содержат:

- статьи по экономике, внешнеэкономической деятельности РФ, политике, международному сотрудничеству стран АТР, Дальнего Востока, Приморского края;
- архивные материалы и комментарии к ним по истории сотрудничества России со странами АТР, политическим взаимоотношениям;
- материалы социологических исследований по важнейшим экономическим, общественно-политическим и правовым вопросам;
- справочные и законодательные материалы по регулированию национальных экономик, межстрановому взаимодействию в АТР;
- сравнительно-правовое исследование особенностей законодательства России и стран АТР в сфере противодействия новым угрозам и вызовам в условиях глобализации;
- обзоры деятельности региональных организаций;
- сообщения, официальную информацию по материалам региональных совещаний, конференций, дипломатических встреч.

Помимо указанных проблем в журнале освещаются и иные региональные аспекты – демографические, экологические и пр.

Учитывая важность затрагиваемых в журнале проблем, редколлегия приглашает к сотрудничеству специалистов из разных сфер деятельности, имеющих отношение к тематике журнала, в том числе сотрудников ДВФУ и других вузов, научных институтов, специалистов, знающих на практике проблемы Дальнего Востока и регионального взаимодействия.

Для публикации статьи в журнале необходимо прислать:

- материалы, согласно указанной рубрике, объемом не более 15 стр. машинописного текста, включая список литературы (на русском яз.) и references (на англ. яз.) – в конце статьи; поля все – 20 мм. К рукописи прилагать электронный вариант, шрифт Times New Roman, № 14.

- Ф.И.О. (полностью), учёную степень и учёное звание, должность, место работы – на русском и английском языках, e-mail (*всё оформить по образцу 2016 г.*);
- название статьи, УДК, аннотацию (250–300 слов), ключевые слова (не менее 20);
- ссылки внутритекстовые помещать в квадратных скобках, например, «Согласно работе [5], или при цитируемой ссылке [5, с. 18]».

Надеемся, что журнал «Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право» сыграет важную роль в обмене опытом между учёными и практиками Дальнего Востока и будет способствовать эффективному решению проблем региона.

Предложения, пожелания, заявки на участие в издательской деятельности журнала и его приобретение направлять по адресу: 690950, Владивосток, ул. Суханова, 8, зам. гл. редактора. Информация о журнале в Интернете: apm-magazine.dvfu.ru
Тел.: +7 (423) 265-24-24 (*2383). Факс: +7 (423) 243-23-15.
E-mail: zharikov.ep@dvfu.ru

To the Readers

The Liberalization of the economy of the Russian Far East (RFE) has created the environment for development of foreign economic ties with the countries in the region of Asia-Pacific (APR). Of course, that integration into the economies of the Pacific countries objectively depends on a complex blend of political, economic, military, strategic and socio-psychological conditions. Insufficient attention to these conditions and their insufficient study has led to a slowdown in integration processes. Therefore, the emergence of "The Pacific Rim: Economics, Politics, Law" Journal is very important in order to promote the development of fundamental and applied research in the field of regional cooperation of the RFE with Asia Pacific countries. Likewise, it is paramount in covering the issue of APR's participation in the development of the integration processes and solving problems of preparation of highly qualified specialists in the field of international relations.

In line with the purpose section of the journal, published by the far Eastern Federal University, the journal includes the coverage of the following topics:

- Articles on the economy, foreign economic activity, policy, international law cooperation of the countries of Asia-Pacific region, the Far East, Primorsky Krai;
- Archival materials and comments on the history of cooperation between Russia and Asian-Pacific countries, the political relations;

- Materials of sociological research on the most important economic, public-awareness, legal and policy;
- Legislative reference materials on the regulation of national economics and cross-country cooperation in the Asia-Pacific;
- Comparative-legal study features of the legislation of Russia and the Asia-Pacific countries in countering new threats and challenges in the context of globalization;
- Reviews of the activities of regional organizations;
- Messages and the official information materials of regional meetings, conferences, diplomatic meetings.

In addition to these problems, the journal covers other regional aspects, such as demographic, environmental, etc.

Given the importance of issues discussed in the journal, the editorial Board invites the cooperation and contribution of specialists from different spheres of activity relevant to the topics of the journal, including: employees of the FEFU and other universities, researchers from variety of research institutions, specialists in the problems of the Far East and its regional affairs.

For participation in publication, it is necessary to send:

- Materials according to the specified category, with a volume of no more than 15 pages of text, including references (list of Literatours in Russian languages and References in English languages should be placed at the end of the article); margins: all – 20 mm. The manuscript makes an electronic variant, font – Times New Roman, № 14.
- Full NAME (complete), professional position, academic degree and academic status in both Russian and English languages; access to e-mail (*all you need to draw on the model of 2016*);
- the manuscript's title, UDC, a brief abstract (250–300 words), keywords (at least 20);
- links placed in square brackets, for example, «According to [5], or the cited reference [5, p. 18]».

We hope that the journal the Asia-Pacific Region: Economics, Politics, Law will play an important role in experience exchange between the scientists and experts of the Far East, and will promote effective solution of the problems of the region.

Proposals, applications for participation in publishing the journal and its acquisition should be directed to: 8, Sukhanova St., Vladivostok, 690950, RUSSIA, Deputy Chief Editor. Use the following internet link to access the journal's website: ap-magazine.dvfu.ru

Tel.: +7 (423) 265-22-24 (*2383). Fax: +7 (423) 243-23-15.

E-mail: zharikov.ep@dvfu.ru

ЕВРАЗИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СОЮЗ

EURASIAN ECONOMIC UNION

УДК 339.992(4/5)

С.А. Банников¹

Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки, г. Москва, Россия

E-mail: sabann@bk.ru

Е.В. Краснов²

Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки, г. Москва, Россия

E-mail: krasnov_e1982@mail

ЕВРАЗИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СОЮЗ: ПРЕДПОСЫЛКИ СОЗДАНИЯ, ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Аннотация. С 1 января 2015 г. вступил в силу Договор о Евразийском экономическом союзе, закрепляя создание на географической политической карте мира межгосударственной интеграционной организации – Евразийского экономического союза, объединившего Республику Беларусь, Республику Казахстан и Российскую Федерацию. В течение 2015 г. к нему присоединились Республика Армения и Кыргызская Республика. Данное интеграционное объединение создано в целях всесторонней модернизации, кооперации, повышения конкурентоспособности национальных экономик и создания условий для стабильного развития в интересах повышения жизненного уровня населения государств-членов. Создание Евразийского

¹ Сергей Александрович Банников, начальник Управления государственных услуг Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки, государственный советник Российской Федерации 3 класса, кандидат экономических наук, доцент, г. Москва, Россия.

² Евгений Владимирович Краснов, консультант Управления государственных услуг Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки, советник государственной гражданской службы Российской Федерации 3 класса, кандидат экономических наук, доцент, г. Москва, Россия.

Для цитирования: Банников, С.А., Краснов, Е.В. Евразийский экономический союз: предпосылки создания, первоначальные результаты функционирования и перспективы развития // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2016. № 4. С. 9–22.

экономического союза стало движущим фактором экономического роста стран-участниц. В статье определены тренды развития мировой экономики, определившие создание и функционирование Евразийского экономического союза, общие направления инновационной политики в государствах – участниках Евразийского экономического союза, проанализированы базовые макроэкономические показатели государств – участников ЕАЭС, которые используются международными организациями для оценки уровня экономического развития стран, подведены итоги первого года деятельности ЕАЭС. На основе проведенного анализа определены основные ориентиры развития ЕАЭС до 2025 г., а также перспективные направления деятельности для интеграции образовательных систем в ЕАЭС. Одним из направлений дальнейшего развития международного сотрудничества является рассмотрение инициативы по созданию большого Евразийского партнерства с участием ЕАЭС и Китайской Народной Республики, Республики Индия, Исламской Республики Пакистан, Исламской Республики Иран, а также партнеров по СНГ и других заинтересованных государств и объединений.

Результаты исследования имеют практическую значимость и могут представлять большой научный интерес.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, Таможенный союз, евразийская экономическая интеграция, единое экономическое пространство, свобода движения товаров, единый рынок.

Sergey A. Bannikov¹

Federal service for supervision of education and science, Moscow, Russia

E-mail: sabann@bk.ru

Evgeniy V. Krasnov²

Federal service for supervision of education and science, Moscow, Russia

E-mail: krasnov_e1982@mail.ru

EURASIAN ECONOMIC UNION: BACKGROUND, INITIAL RESULTS OF THE OPERATION AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Abstract. On January 1, 2015 the Treaty on Eurasian Economic Union became effective thus enriching the global political map with an intergovernmental integration organization – the Eurasian Economic Union, which includes the Republic of Kazakhstan, the Republic of Belorussia and the Russian Federation. The Republic of Armenia and the Kyrgyz Republic also joined the Union in 2015. This integration entity was established to ensure a comprehensive modernization, cooperation and increasing the competitiveness of national economies and creating conditions for stable development and higher level of life in the member-countries. Establishment of the Eurasian Economic Union has become a trigger for economic development of the member-countries. The article describes the trends of global economic development that define establishment and functioning of the Eurasian Economic Union and general trends in the innovative policy in the member-countries; it has analyzed the principal macroeconomic indicators of the member-states that are used by international organizations for defining the level of economic development, and has summarized the results of the first year of the Union’s work. The analysis allows defining the major development areas of the EAEU until 2025 as well as its prospective operation areas for integrating the educational systems into the Union. One area of further development of the economic cooperation includes studying the initiative on creating a big Eurasian partnership involving the EAEU, the People’s Republic of China, Republic of India, Islamic Republic of Pakistan, Islamic Republic of Iran, as well as the

¹ Sergey A. Bannikov, Head of government services management, Federal service for supervision of education and science, State Advisor of the Russian Federation 3rd class, candidate of economic sciences, associate professor, Moscow, Russia.

² Evgeniy V. Krasnov, Consultant of government services management, Federal service for supervision of education and science, Advisor of state civil service of the Russian Federation 3rd class, candidate of economic sciences, associate professor, Moscow, Russia.

For citing: Bannikov, S.A., Krasnov, E.V. Eurasian Economic Union: background, initial results of the operation and development prospects // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2016. N 4. P. 9–22.

partners from the CIS and other interested countries and associations. The research results have a considerable practical relevance and can be of great academic interest.

Key words: Eurasian Economic Union, the Customs Union, Eurasian economic integration, single economic space, free movement of goods, single market.

На заседании Высшего Евразийского экономического совета 31 мая 2016 г. в городе Астана Республики Казахстан президентами государств – членов Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС, Союз) были определены приоритеты интеграции, в том числе по таким вопросам, как расширение торгово-экономических связей с основными партнерами и новыми растущими рынками, создание безбарьерной среды, а также устранение изъятий и ограничений во взаимной торговле, совершенствование таможенного регулирования, создание единого цифрового пространства, согласование образовательной политики и т.д. [1]. Значимость реализации указанных задач определяет актуальность данного научного исследования.

Тренды развития мировой экономики, определившие создание и функционирование Евразийского экономического союза

Изменения, происходящие в мировой экономике в настоящее время, затрагивают как непосредственно финансовые, торговые, инвестиционные сферы, так и целый ряд сфер, оказывающих значительное воздействие на конъюнктуру мировой экономики: мировой энергетический рынок, демографическую ситуацию, глобальное управление и институциональную среду. На протяжении последних десятилетий и в настоящее время для сохранения и укрепления своих позиций ведущие страны вынуждены отвечать на три основных глобальных вызова: геоэкономический, научно-технологический и социально-экономический.

Геоэкономический вызов характеризуется трансформацией мировой экономики, параллельным развитием регионализации и глобализации, потерей национального контроля вследствие транснационализации бизнеса.

При трансформации мировой экономики происходит смещение центров экономического роста в сторону стран Азии и Латинской Америки. Таким образом, Китайская Народная Республика и Республика Индия превращаются в основные локомотивы мирового экономического роста. При этом происходит обострение мировой конкуренции за факторы производства. Одновременно с глобализацией мировой экономики формируются региональные интеграционные объединения, способствующие встраиванию экономик государств-участников в более конкуренто-

способное экономическое объединение, которое способно реализовать их интеграционный потенциал.

Научно-технологический вызов определяется новым этапом научно-технологической революции, основанным на технологическом рывке в информатизации, роботизации, материаловедении, новой энергетике, биотехнологиях, для которого характерны две принципиальные особенности: возвращение производств технологичной продукции в развитые страны и создание новых производственных цепочек внутри нескольких региональных пространств.

Социально-экономический вызов характеризуется изменением модели развития в данной сфере, что отражается в следующих аспектах:

- исчерпание традиционных источников экономического роста, глобализация кризисных явлений и, как следствие, всё меньшая стабильность роста мировой экономики;
- рост сектора услуг в глобальной экономике: компании, производящие готовые товары, начинают предлагать сопутствующие услуги;
- расширение спектра рисков экономической безопасности;
- возрастание влияния социально-демографических процессов на экономику, включая изменение качества человеческого капитала и связанных с ним демографических процессов, миграции и безработицы, вызванной как турбулентностью в мировой экономике, так и внедрением в производство современных технологий.

Каждое из государств – участников ЕАЭС в своих программных документах выделяет схожие экономические риски развития мировой экономики (рис. 1), с учётом которых разрабатываются национальные меры экономического развития.

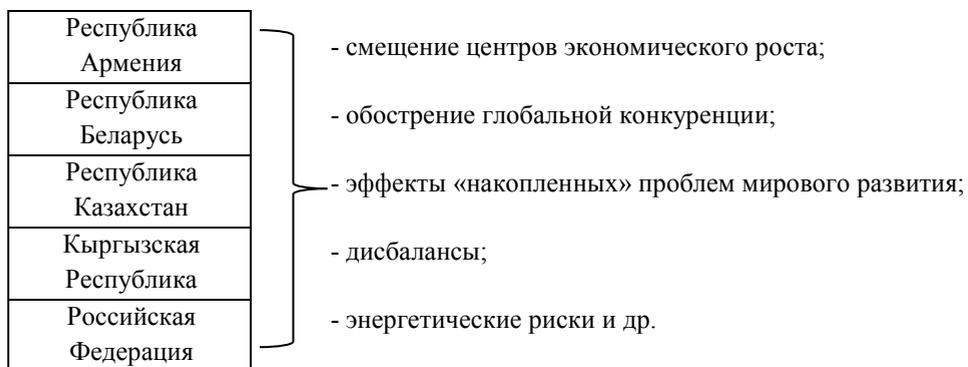


Рис. 1. Экономические риски развития мировой экономики

Для обеспечения конкурентоспособности национальных экономик каждое из государств – участников Союза реализует комплекс мер. Анализ принимаемых мер позволяет выделить общие направления проведения инновационной политики (рис. 2).

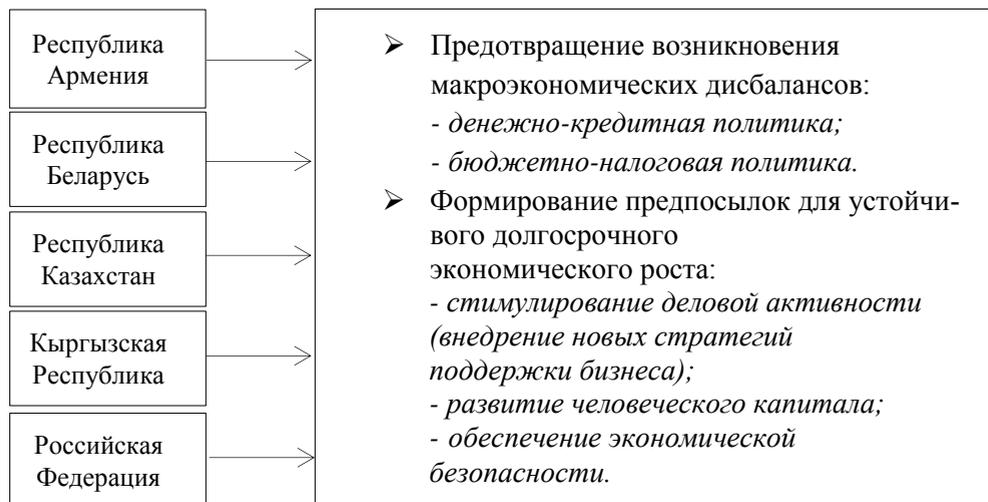


Рис. 2. Общие направления социально-экономической политики в государствах – участниках Союза

Анализ развития экономик государств – участников Союза показывает, что общими направлениями экономического развития и проведения структурных преобразований в период 2010–2015 гг. являлись поддержание макроэкономической стабильности и повышение конкурентоспособности национальных экономик. При этом ключевым приоритетом обеспечения устойчивого развития являлись переход на инновационный путь развития и реализация общесистемных преобразований экономики (рис. 3).

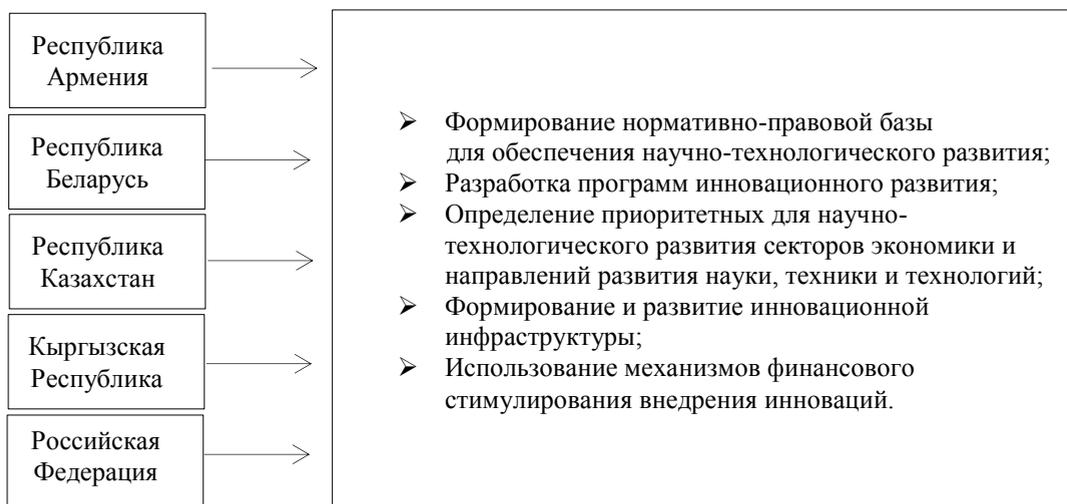


Рис. 3. Общие направления инновационной политики в государствах – участниках Союза

Состояние экономик каждого государства-участника с точки зрения ответа на социально-экономический вызов характеризуется базовыми макроэкономическими показателями, которые используются международными организациями для оценки уровня экономического развития стран (табл. 1, 2, 3, рис. 4).

Таблица 1

Объём и динамика валового внутреннего продукта стран – участниц Союза в текущих ценах [2]

Годы	Республика Армения	Республика Беларусь	Республика Казахстан	Кыргызская Республика	Российская Федерация
<i>в текущих ценах, миллиардов единиц национальной валюты</i>					
2011	3778	297158	29380	286	59698
2012	4001	530355	32194	310	66927
2013	4556	649111	37085	355	71017
2014	4843	778095	40755	401	77945
2015	5048	869702	40878	424	80804
<i>в текущих ценах, миллиардов долларов США</i>					
2011	10,1	58,8	200,4	6,2	2034,0
2012	9,9	63,4	215,9	6,6	2154,1
2013	11,1	72,4	243,8	7,3	2231,8
2014	11,7	75,8	227,4	7,5	2052,8
2015	10,6	53,5	184,3	6,6	1332,1

В течение 2010–2015 гг. ВВП в национальной валюте в странах – участницах Союза рос высокими темпами.

Таблица 2

Валовой внутренний продукт на душу населения в странах – участницах ЕАЭС, долларов США [2]

Годы	Республика Армения	Республика Беларусь	Республика Казахстан	Кыргызская Республика	Российская Федерация
2011	3363	6207	12103	1178	14228
2012	3293	6695	12858	1234	15042
2013	3680	7644	14310	1342	15552
2014	3864	8004	13155	1338	14058
2015	3515	5639	10478	1154	9099

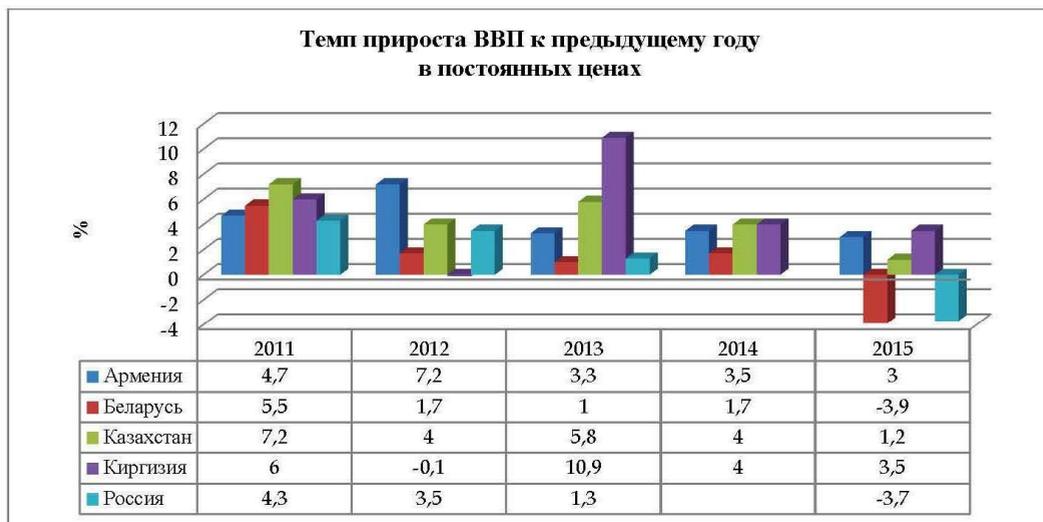


Рис. 4. Темп прироста валового внутреннего продукта
в процентах к предыдущему году в постоянных ценах (в процентах) [2]

В рассматриваемый период исследования принципиальных структурных изменений в экономиках стран – участниц Союза не происходило. Во всех странах ЕАЭС возросла доля сферы услуг в ВВП.

Структура экономик стран – участниц Союза в исследуемый период не являлась оптимальной, и возможности её оптимизации были ограничены из-за турбулентности в мировой экономике.

Таблица 3

**Денежные доходы на душу населения
в странах – участницах ЕАЭС (в месяц), долларов США* [2]**

Годы	Республика Армения	Республика Беларусь	Республика Казахстан	Кыргызская Республика	Российская Федерация
2011	92	260	313	64	708
2012	97	338	346	68	747
2013	104	434	370	69	815
2014	120	451	346	74	731
2015	...	304	300	...	500

* Для Республики Армения и Кыргызской Республики отсутствуют данные за 2015 г.

В период с 2010 г. по 2011 г. в Республике Армения, Республике Беларусь, Республике Казахстан, Кыргызской Республике и Российской Федерации самостоятельно проводили активную политику по адаптации и преодолению существующих глобальных экономических вызовов.

Накопленный практический опыт каждого из государств-участников по отдельным направлениям имеет высокую ценность с точки зрения мировой практики регулирования и может использоваться другими государствами.

На национальном уровне ни одному из государств – участников Союза не удалось в полном объеме решить поставленную задачу. Это способствовало усилению интеграционных процессов, что привело к формированию Евразийского экономического союза.

Идея реализации Евразийского интеграционного проекта была сформирована в начале 90-х годов. Предполагалось создание новой работающей взаимовыгодной интеграционной структуры. Заинтересованными государствами-участниками были предприняты попытки формирования единого экономического пространства и таможенного союза, в том числе единой нормативно-правовой базы, обеспечения свободного товарообмена, обеспечения добросовестной конкуренции и т.д. Данный проект не был практически реализован, но полученный опыт оказался уникальным для заинтересованных в дальнейшей интеграции государств при разработке последующей эффективной стратегии.

Кризис 2008 г. привёл к ускорению интеграционных процессов. С 2010 г. начал функционировать Таможенный союз Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации, подписаны соглашения, обеспечивающие формирование Единого экономического пространства.

Подписание президентами Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации Декларации о Евразийской экономической интеграции от 18 ноября 2011 г. привело к формированию Единого экономического пространства. Таким образом, были определены ориентиры практического взаимодействия, проведена кодификация международных договоров и произошло формирование на этой основе Евразийского экономического союза.

Евразийский экономический союз – международная организация региональной экономической интеграции, обладающая международной правосубъектностью, в рамках которой обеспечиваются свобода движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, проведение скоординированной, согласованной или единой политики в отраслях экономики, определённых Договором о Евразийском экономическом союзе и международными договорами в рамках Союза [3].

Основными целями Союза являются:

- создание условий для стабильного развития экономик государств-членов в интересах повышения жизненного уровня их населения;

- стремление к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в рамках Союза;
- всесторонняя модернизация, кооперация и повышение конкурентоспособности национальных экономик в условиях глобальной экономики.

Оценивая итоги первого года деятельности ЕАЭС, следует отметить:

1. Удельный вес взаимной торговли в общем объёме внешней торговли ЕАЭС увеличился по сравнению с предыдущим годом с 12,3% до 13,6%.

2. Товарная структура взаимной торговли остается более эффективной, по сравнению с общими внешнеторговыми показателями стран – участниц ЕАЭС за счёт более высокой доли в ней товаров с высокой степенью обработки, что свидетельствует об углублении производственных связей в рамках интеграционного объединения. Во взаимном товарообмене, уступая по укрупненным товарным группам лишь торговле энергоносителями (33,4%), весьма существенным сохраняется удельный вес машин, оборудования и транспортных средств (16,2%), из которых на рынки стран ЕАЭС 60,1% поступило из России и 36,9% – из Беларуси [4].

3. На фоне значительного сокращения объёма взаимных прямых иностранных инвестиций (ПИИ) стран СНГ (главным образом ввиду дестабилизации экономической и политической ситуации на Украине), составившего на конец 2014 г. 12% к уровню предыдущего года, инвестиционное взаимодействие стран – членов ЕАЭС демонстрировало стабильность, что и было отмечено Евразийским банком развития (далее – ЕАБР). Даже в условиях девальвации национальных валют, подчеркивалось в докладе ЕАБР, взаимные ПИИ в регионе ЕАЭС в течение 2014 г. увеличились с 24,8 до 25,1 миллиардов долларов США, причём во многом положительная динамика инвестиционных потоков в ЕАЭС объяснялась именно укреплением интеграционного взаимодействия [5]. В частности, размеры российских инвестиций, накопленные в экономиках Беларуси и Казахстана, достигли 18 миллиардов долларов США. В свою очередь эти страны вложили в российскую экономику порядка 10 миллиардов долларов США. В результате было создано более 7 тыс. совместных предприятий [6].

4. Сохранились гуманитарные связи между странами – членами ЕАЭС. Так, согласно данным ФМС России, центральных банков Российской Федерации и стран Центральной Азии, а также «Интеграционного барометра ЕАБР», после значительного спада объёмов миграции из стран Центральной Азии в Россию в первой половине 2015 г. ввиду экономического спада и ужесточения миграционного законодательства в Российской Федерации во второй половине года, миграционные настроения, в которых учитывалось желание приехать в Россию не только в целях заработка, но также на учёбу и на постоянное место жительства, вернулись на прежний уровень.

Основные ориентиры развития ЕАЭС до 2025 г.

Важным аспектом в настоящее время является определение места Союза в мировой экономической системе, выстраивание системы взаимодействия с региональными, интеграционными и экономическими объединениями, а также с другими странами.

Постоянно меняющаяся мировая экономическая конъюнктура приводит к ускорению темпов развития ЕАЭС путём использования в полном объёме прав Союза и вовлечения приоритетных направлений интеграционных процессов.

Программа развития Союза до 2025 г. определена Договором о Евразийском экономическом союзе, и её выполнение в срок является приоритетной задачей его дальнейшего функционирования.

Развитие Союза требует урегулирования многих областей социально-экономических отношений. Государства – участники Союза имеют взаимный интерес в сфере социального развития, что определяет создание единой основы для их взаимодействия в следующих направлениях:

- формирование общего образовательного пространства и развитие единого рынка рабочей силы;
- формирование евразийской инновационной системы для повышения конкурентоспособности государств – участников Союза в системе мирового разделения труда;
- формирование цифрового пространства Союза, в результате чего будут сняты барьеры в цифровой торговле и смогут развиваться трансфертные услуги и рынок цифровых технологий.

По результатам первого года работы выявлена необходимость совершенствования институциональной структуры Союза.

В дальнейшем государства – участники Союза могут представлять определенный интерес для участников региональных объединений, а Союз как единая межгосударственная интеграционная организация может стать движущим ориентиром в формировании Евразийского регионального мегапроекта.

Одним из направлений дальнейшего развития международного сотрудничества является рассмотрение инициативы по созданию большого Евразийского партнёрства с участием ЕАЭС и Китайской Народной Республики, Республики Индия, Исламской Республики Пакистан, Исламской Республики Иран, а также партнёров по СНГ и других заинтересованных государств и объединений.

Интеграция систем образования в рамках ЕАЭС

Создание Евразийского экономического союза – это возможность разрабатывать стратегию совместных мероприятий в гуманитарной сфере, что важно на первоначальном этапе экономической, а не политической интеграции. Именно на этом пространстве должна быть реализована возможность равноправного сотрудниче-

ства, постепенно создавая единое образовательное пространство, которое станет основой развития успешного экономического сотрудничества государств, строящих свои экономики на принципах инноваций и знания.

Образовательное сотрудничество в рамках ЕАЭС предполагает преференции для граждан стран – участниц ЕАЭС. Как правило, это признание документов об образовании, позволяющее относительно свободное поступление в образовательные учреждения стран – участниц ЕАЭС, академическая мобильность обучающихся и профессорско-преподавательского состава, а также трудоустройство с полученными документами в странах ЕАЭС [7].

Перспективные направления деятельности для интеграции образовательных систем в ЕАЭС представлены на рис. 5.

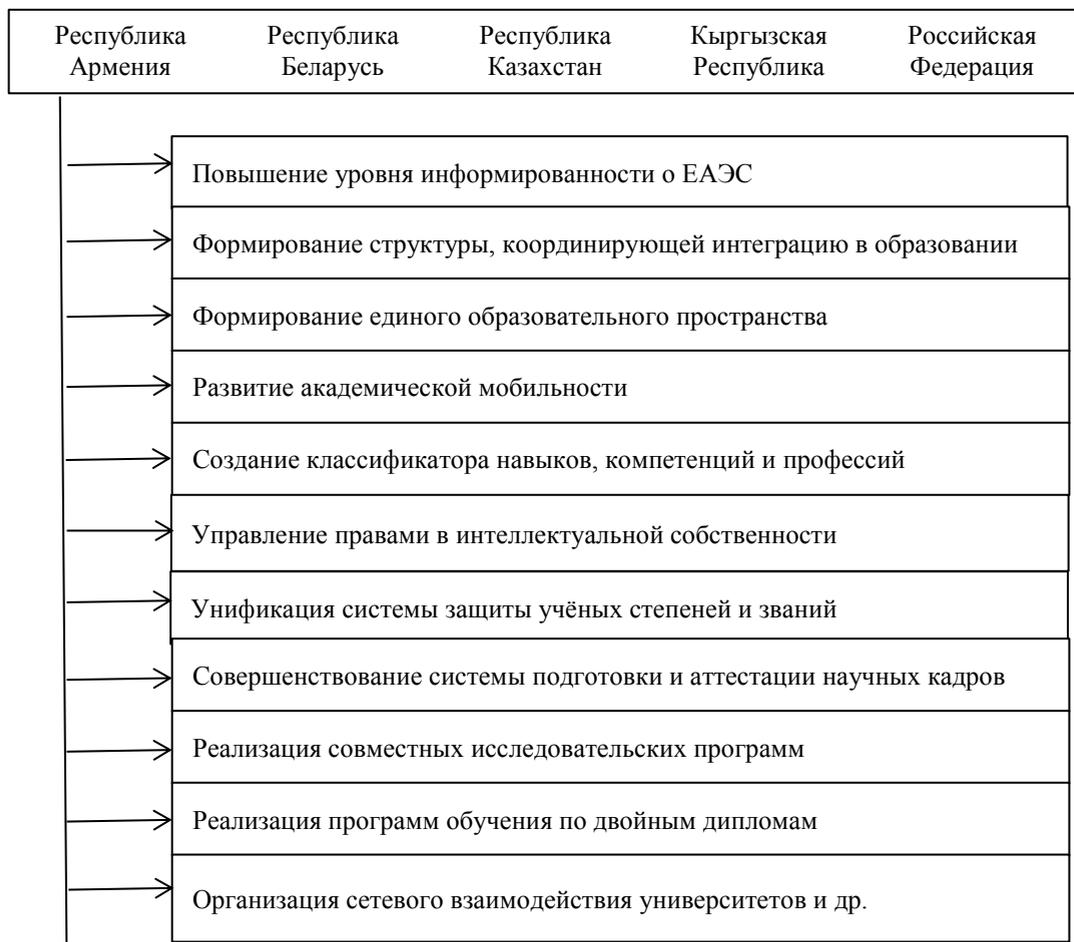


Рис. 5. Направления интеграции образовательных систем в рамках ЕАЭС

Основной целью интеграции систем образования в рамках ЕАЭС является создание общего евразийского пространства, сочетающего лучшие национальные традиции и мировые образовательные стандарты.

Выводы

Создание Евразийского экономического союза стало движущим фактором экономического роста стран-участниц. С учётом быстро меняющейся мировой экономической конъюнктуры следует рассматривать вопрос дальнейшего углубления интеграционных процессов, чему будет способствовать совершенствование положений Договора о Евразийском экономическом союзе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Начало заседания Высшего Евразийского экономического совета в расширенном составе 31 мая 2016 года [Электронный ресурс] // Президент России : офиц. сайт. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/52049>.
2. Евразийский экономический союз в цифрах : краткий статистический сборник / отв. за вып. Ю. К. Шокоманов. – М. : Евразийская экономическая комиссия, 2016. – 190 с.
3. Договор о Евразийском экономическом союзе [Электронный ресурс] : подписан в г. Астана 29 мая 2014 г. (ред. от 08 мая 2015 г.). – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/.
4. Об итогах взаимной торговли товарами Евразийского экономического союза [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/analytics/Documents/Analytics_I_201511.pdf.
5. Мониторинг взаимных инвестиций в странах СНГ – 2015 [Электронный ресурс] // Евразийский банк развития : офиц. сайт. – Режим доступа: http://www.eabr.org/r/research/centre/projectsCII/invest_monitoring/index.php?id_16=48970.
6. Заявления для прессы по итогам встречи лидеров России, Белоруссии и Казахстана 20 марта 2015 года [Электронный ресурс] // Президент России : офиц. сайт. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/47893>.
7. Краснова, Г. А. Образовательные альянсы Европейского союза и Евразийского экономического союза: состояние и перспективы расширения / Г. А. Краснова, Е. А. Полушкина // Экономика науки. – 2015. – Т. 1, № 3. – С. 198–210.

REFERENCES

1. Beginning of the session of the Eurasian Economic Union in expanded format on May 31, 2016. *President of Russia*. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/52049> (accessed 31 October 31 2016). (In Russian).
2. Shokomanov Yu.K., ed. *Evraziiskii ekonomicheskii soyuz v tsifrakh: kratkii statisticheskii sbornik* [Eurasian Economic Union in Numbers: short collected volume of statistic data]. Moscow: Eurasian Economic Committee Publ., 2016. 190 p.
3. Treaty on Eurasian Economic Union (signed in Astana on May, 29, 2014) (edited on May 29, 2014). Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (accessed 31 October 31 2016). (In Russian).
4. On the results of mutual trade of the goods of the Eurasian Economic Union. Available at: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/trade_stat/analytics/Documents/Analytics_I_201511.pdf (accessed 1 November 2016). (In Russian).
5. Monitoring of mutual investments in the CIS countries – 2015. Eurasian Development Bank. Available at: http://www.eabr.org/r/research/centre/projectsCII/invest_monitoring/index.php?id_16=48970 (accessed 1 November 2016). (In Russian).
6. Press-releases on the meetings of the leaders of Russia, Belorussia and Kazakhstan on March 20, 2015. *President of Russia*. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/47893> (accessed 1 November 2016). (In Russian).
7. Krasnova G.A., Polushkina E.A. Educational alliances of the European Union and Eurasian Economic Union: current state and expansion prospects. *Ekonomika nauki* [Economics of Science], 2015, vol.1, no.3, pp. 198–210. (In Russian).

ЭКОНОМИКА РЕГИОНА

THE ECONOMY OF THE REGION

УДК 338.24.021.8(510)

Н.И. Фокин¹

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

E-mail: fokin.ni@dvfu.ru

О.В. Кучук²

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

E-mail: kuchuk.ov@dvfu.ru

НОВЫЕ ОЦЕНКИ ОПЫТА КИТАЙСКИХ РЕФОРМ

Аннотация. В статье классифицируются и исследуются оценки опыта китайских реформ. В качестве метода классификации используется дихотомия – разделение оценок на две взаимоисключающие части по схеме «противоположной подчинённости». Для разделения применяется социальный, инструментальный, факторный, концептуальный, структурный и консенсуальный критерии. Проводится анализ полученных парных оценок. Опыт реформ оценивается и как безболезненный переход от плановой экономики к рыночной, и как «шоковый» опыт. В связке оценок опыта – конвенциональной и компаративной – особое внимание уделено последней оценке. Она даёт основания по-новому посмотреть на неудачи российских реформ – их объективные причины объясняются особой сравнительной ресурсной обеспеченностью российской экономики. Обобщение китайской практики позволяет оценить опыт реформ как опыт формирования жизнеспособности предприятия. Акцент на жизнеспособности, а не на конкурентоспособности пред-

¹ Николай Иванович Фокин, кандидат экономических наук, профессор кафедры мировой экономики Школы экономики и менеджмента Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия.

² Ольга Валерьевна Кучук, кандидат исторических наук, доцент кафедры Тихоокеанской Азии Восточного института – Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия.

Для цитирования: Фокин, Н.И., Кучук, О.В. Новые оценки опыта китайских реформ // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2016. № 4. С. 23–37.

приятия рассматривается как одно из условий успеха китайских экономических преобразований. Этот акцент предлагается привнести и в практику преобразований российской экономики. Изложены взгляды на оценку китайского опыта как опыта, реализующего идеи Пекинского, и Вашингтонского консенсусов. Выделен китайский опыт создания новой структурной экономики, показывающий, каким может быть механизм реализации роли государства в догоняющем развитии. В связке оценок опыта китайских реформ как позитивных, так и проблемных приведены аргументы «за» и «против» по каждой оценке.

Ключевые слова: государство в экономике, жизнеспособность предприятия, конкурентоспособность, новая структурная экономика, сравнительные преимущества, реформы, ресурсная обеспеченность, шоковая терапия.

Nikolai I. Fokin¹

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: fokin.ni@dvfu.ru

Olga V. Kuchuk²

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: kuchuk.ov@dvfu.ru

NEW ASSESSMENT OF THE EXPERIENCE OF THE CHINESE REFORMS

Abstract. The article deals with classification and analysis of Chinese reforms evaluations. As a method of classification the dichotomy is used. It implies the division of evaluations in two mutually exclusive parts according to the scheme of “contrary hierarchy”. Social, instrumental, factor-related, conceptual, structural and normative consensual criteria are used. The derived pair evaluations are researched. Both aspects of Chinese reforms experience are estimated: as a painless and “shock” experience. In the context of conventional and comparative evaluations, special attention is paid to the comparative one. It gives foundations to revise the failures of Russian reforms. Their objective causes

¹ Nikolai I. Fokin, PhD, Professor of the Department of World Economy of the School of Economics and Management of the Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

² Olga V. Kuchuk, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of East Asian Pacific Institute – School of Regional and International Studies of the Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

For citing: Fokin, Nikolai I., Kuchuk, Olga V. New assessment of the experience of the Chinese reforms // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2016. № 4. P. 23–37.

are explained by special comparative resource endowment of the Russian economy. Generalization of Chinese practice leads to experience of formation of enterprise viability. The accent on viability, but not on competitiveness is examined as the condition for success of Chinese economic reforms. This accent should be introduced into Russian economic practice. Chinese experience is evaluated on the basis of concept “without concept”. The ideas of Beijing and Washington consensus were examined with regard to Chinese reforms. Another evaluation deals with experience of new structural economic formation. It develops the mechanism for realization of the role of state in overtaking development. The arguments “pro” and “contra” were considered in the intersection of Chinese experience evaluations in both positive and negative contexts.

Key words: comparative advantages, competitiveness, enterprise viability state in economy, new structural economics, reforms, resource endowment, shock therapy.

Введение

Благодаря целому ряду исследований сложился широкий спектр оценок опыта китайских реформ. Даже устоявшееся понимание опыта экономических преобразований в Китае не приведено к одному знаменателю и представлено несколькими оценками. Возможно, что в основе такого многообразия – нарастающий вал научных публикаций на эту тему, каждая из которых обосновывает свою версию факторов китайского успеха.

Проблема в том, что многообразие оценок делает их не операционными, затрудняет осмысление и практическое использование китайского опыта в экономике других стран. В этой связи представляется актуальным классифицировать как сложившиеся оценки опыта китайских реформ, так и их новейшее осмысление. Обрисовка контуров такой классификации и анализ отдельных оценок определяет цель предпринимаемого исследования.

Движение к поставленной цели опирается на уже существующий задел. В его формирование внесли вклад многие российские и зарубежные экономисты, но для нас принципиально значимыми оказались идеи китайского экономиста Линь Ифу и российских синологов В. Г. Гельбраса и А.И. Островского.

В качестве основного метода классификации выбран дихотомический метод. Выбор обусловлен тем, что все различия смысловых оттенков встречающихся оценок рассмотреть не реально (и не рационально). Дихотомия же позволяет разделить объём понятия (в данном случае понятия опыт) на две содержательно взаимоисключающие части по схеме «противоположной соподчинённости». Тем самым количество подлежащих анализу оценок снижается в разы, а проблема критериев классификации трансформируется в проблему критериев разделения понятия

«опыт китайских реформ». Опыт же можно рассматривать через социальные, инструментальные, концептуальные, структурные и экономические критерии.

Перечисленные критерии образуют аналитический каркас исследования. Он определяет границы поиска аргументов, подтверждающих или опровергающих те или иные оценки опыта китайских реформ. При этом в каждой из рассматриваемых оценок анализируется и подвопрос о приемлемости того или иного понимания китайского опыта для России.

Социальный опыт реформ: приемлемый или «шоковый»?

Наиболее часто встречающиеся устоявшиеся оценки, несмотря на их разнообразие и взаимоисключающий характер, объединены одними рамками. Это рамки обыденных представлений или так называемого здравого смысла. Он, конечно, ожидаемо требует исходить из социальной направленности и социальной загрузки проводимых экономических реформ.

Отсюда первая оценка китайского опыта. Это опыт социально безболезненного перехода от плановой к рыночной экономике. Он позволил избежать социальных потрясений, отказаться от так называемой шоковой терапии – она в Китае не проводилась. Именно в этом убеждено большинство исследователей, как и в том, что китайский опыт может быть противопоставлен «шоковому» российскому опыту.

В качестве реперной можно привести точку зрения ведущего российского китаевода А.И. Островского. Он пишет: «Опыт китайских реформ – это опыт безболезненного перехода от плановой к рыночной экономике» [1]. При этом социальная мягкость перехода не стала препятствием для выхода на траекторию самых высоких в мире темпов экономического роста.

Каковы составляющие формулы китайского успеха? Выделяют две: реформация роли государства через снижение объёмов и форм его присутствия в экономике и градуализм в экономических преобразованиях. Эти составляющие и были имплементированы. Показатели динамики роли государства – за годы реформ (1978–2015) доля государства в ВВП упала с 77% до 35%, по другим источникам – 40% [2]. Показатели градуализма – ежегодное уменьшение доли государства составляло в среднем 1%.

Почему же в Китае стали возможны градуализм и стабилизирующая роль государства в экономике, а в России нет? Распространённый ответ – продуманная, в отличие от России, экономическая политика центра. На наш взгляд, это не главная составляющая китайского успеха. И у российской элиты было современное экономическое и историческое образование, была и политическая воля реформировать страну.

На наш взгляд, сказалась объективно принципиально разная ресурсная обеспеченность китайской и российской экономики, что и стало решающим фактором

успеха китайских реформ – и если не провалом, то затягиванием и болезненным течением российских реформ.

На эту точку зрения работает получившая Нобелевское признание теорема Хекшера – Улина [3, с. 56]. В академической формулировке – с открытием национальной экономики растут цены относительно избыточных ресурсов. Поскольку таким ресурсом в Китае является труд, то неизбежным стало повышение его цены и соответственно заработной платы. За период с 1995 г. по 2014 г. зарплата выросла с 5 348 юаней до 56 360 – в 10,4 раза [4]. Неизбежно комфортный социальный градус не столько сопровождал экономические реформы, сколько подогревал и стимулировал их.

Противоположная ситуация в российской экономике. Её изначально высокая обеспеченность природными ресурсами предопределила и относительно более высокий рост доходов тех и только тех, кто с этими ресурсами связан отношениями труда, собственности и управления. Статистика данное следствие теоремы убедительно верифицирует.

Поэтому в определённой степени закономерно относительное снижение средней заработной платы в России – в 2015 г. средняя зарплата в Китае поднялась до российского уровня. Результатом стала высокая социальная напряжённость и электоральная непривлекательность российских реформ. Их пробуксовка была неизбежной.

Китайский опыт реформ положителен не только в силу проводимой экономической политики, но и в силу исторически случайной высокой наделённости экономики трудовыми ресурсами. Если предельно обобщить ответ на вопрос: почему китайские реформы успешны, то он может быть парадоксально простым – потому что китайцев много. Эта особенность уже второй раз оказала мотивирующее воздействие на развитие китайской цивилизации – первый раз она обеспечила мировое технологическое лидерство Китая до XVII века.

Но не всё так очевидно. Есть и противоположная точка зрения. Её доказывает не менее именитый российский китаевед В.Г. Гельбрас. Он пишет: «Утверждают, что успех реформ в Китае был связан с тем, что в Китае не было «шоковой терапии». Это неправда. Примеров тому много» [5, с. 143].

Среди приводимых автором примеров – обрушение «народных коммун», которые в течение нескольких десятилетий рассматривались как единственно правильный и единственно возможный путь развития, как оптимальная ячейка настоящего и особенно будущего общества. Условия жизни абсолютного большинства населения и организация власти в течение нескольких лет в корне изменились. Само «признание партией оправданности роспуска «коллективного хозяйства» явилось колоссальным потрясением всего общества. Это ли не было шоком?» [5, с. 143].

Подобное признание экономической неэффективности коллективизма, сделанное в России в начале 90-х годов прошлого века, также стало шоком для большинства россиян. Оно и определило шоковый характер проводимых реформ.

Что в остатке? Неясность ответа на вопрос: сопровождалась ли реформы в Китае шоком или нет. Его поиски должны быть продолжены. Одним экономистам его не найти. К поиску ответа должны подключиться историки и социальные психологи. Но, возможно, что он никогда и не будет найден – экономическое мироощущение однозначно квантифицировать ещё никому не удавалось.

Инструментальный опыт: конвенциональный или компаративный?

Инструментальный критерий оценки требует рассматривать опыт через призму способов, используемых для проведения реформы. В этом ключе их можно разделить на две группы – группу конвенциональных и группу компаративных инструментов. Соответственно у опыта китайских реформ появляются ещё два оценочных предиката – конвенциональный и компаративный. Конвенциональные инструменты – это сложившиеся инструменты экономического развития и финансово-хозяйственной деятельности предприятия. Они, как следует из этимологии понятия «конвенциональный», проверены практикой и отвечают здравому смыслу. Это известные инструменты, посредством которых уменьшают объёмы государства в экономике, изменяют формы его присутствия, повышают конкурентоспособность предприятий. Опыт китайских реформ – конвенциональный опыт.

Компаративные инструменты определяются иной парадигмой экономического развития – парадигмой сравнительных преимуществ. Их английский эквивалент *comparative advantages* и подталкивает к предложенному нами названию. Данная парадигма, как облако представлений, по своим отдельным характеристикам выходит за рамки так называемого здравого смысла и общепринятого понимания экономической действительности.

Примером может служить стратегия использования сравнительных преимуществ, которая, по мнению китайских экономистов, является единственно возможной эффективной стратегией развития поднимающихся экономик. Стратегия исходит из того, что преимущества не формируются, а задаются структурой обеспеченности экономики факторами производства. Это противоречит мнению большинства людей, включая элиту. Они убеждены, что дело не в факторной обеспеченности, а в современных технологиях. Они считают, что именно их внедрение в развитых странах и даёт более высокие результаты.

На самом деле логика приведённого рассуждения чисто внешняя. Эффективен выбор не самой передовой технологии, а технологии, соответствующей структуре обеспеченности факторами производства. Но под гипноз этого мифа – «мифа о самой передовой технологии» попали большинство россиян и политическая элита России. Неисследованный же, но электорально привлекательный миф для судеб страны опаснее военного конфликта.

Именно поэтому важно, что обобщение практики китайских реформ, получившее теоретическое обрамление в виде концепции жизнеспособности предприятия, позволяет в значительной степени развеять этот миф.

Опыт устойчивого развития: жизнеспособность или конкурентоспособность предприятия?

Под жизнеспособностью предприятия авторы этой концепции понимают способность предприятия без государственной поддержки получать приемлемую нормальную прибыль в условиях открытого, свободного и конкурентного рынка [6, p. 115].

Приведённое определение по своему содержанию очень близко к определению конкурентоспособности предприятия. Как они соотносятся и в какой степени пересекаются? Что является конституирующим – жизнеспособность или конкурентоспособность предприятия? Анализ работ китайских экономистов даёт основания для следующих ответов.

Жизнеспособность предприятия в первую очередь обусловлена соответствием его производственно-технологической структуры обеспеченности экономики факторам производства. Конкурентоспособность предприятия, в первую очередь, обусловлена качеством менеджмента, маркетинга, кадровой политики.

Жизнеспособное предприятие при надлежащем менеджменте всегда окажется конкурентоспособным. В то время как конкурентоспособное предприятие при несоответствии структуры обеспеченности экономическим факторам со временем окажется нежизнеспособным и потому – неконкурентоспособным.

Акцент на жизнеспособности, а не на конкурентоспособности предприятия и стал движущей силой китайских экономических преобразований и фундаментом их успеха. Фокусировка на конкурентоспособности могла оказаться дезориентирующей для экономических реформ, что и подтверждает, по мнению Линь Ифу, новейшая экономическая история.

В автомобилестроении показателен сравнительный анализ производства автомобилей Fukang в городе Ухань и Honda Accord в городе Гуанчжоу. Для первого производства был приобретен сборочный конвейер у французской компании Citroen, для второго – у японской компании Honda. Технологические условия приобретения оказались разными. В первом случае – капиталоемкими (французский конвейер привезли целиком за 1,15 млрд дол.). Во втором случае – относительно трудоёмкими: японский конвейер адаптировали к китайским реалиям путём замены части оборудования ручным трудом. Прибыли от производства автомобилей Honda Accord намного превысили доходы от производства автомобилей Fukang.

В индустрии информационных технологий Китая показателен сравнительный анализ производства в различных по капиталоемкости секторах. Китайская компания в

самом капиталоемком секторе, производящем продукт на основе своей интеллектуальной собственности, оказывается «нежизнеспособной без защиты и субсидий со стороны государства, даже если она хорошо управляется» [6, р. 118]. Причина та же – несоответствие производственно-технологической структуры сектора обеспеченности экономики – факторам производств. Другое дело, китайские компании, работающие в секторах производства микросхем и, тем более, сборочного производства.

Отсюда возможны два вывода. Первый – жизнеспособность предприятий зависит не столько от качества менеджмента на них, сколько от того, реализуется ли в экономике страны стратегия использования сравнительных преимуществ. Вывод второй – иностранные технологии не могут быть настолько эффективными, чтобы изменить сравнительные преимущества развивающейся экономики.

Концептуальный опыт реформ: была ли концепция?

Возможна и такая оценка опыта китайских реформ, как их «не концептуальность». Эта оценка рассматривается в работах китайских экономистов. Они делают предположение, что фундаментальная характеристика концепции реформ в Китае – её отсутствие. Ведущий экономист Линь об этом прямо пишет: «В самом начале какой-либо детально продуманной концепции просто не существовало» [6, 187].

Но если концепция (как следует из первичного значения этого слова) – замысел, то концепция реформ – это представление о действиях, которые могут запустить экономические преобразования. Невозможно же двигаться без представлений о том, как действовать. Оказалось, что возможно, если концепцию понимать как представление о принципах действий, а под принципами понимать идеологемы.

Концепцию и заменили китайские идеологемы. Первая из них – «переправляться через реку, осторожно ощупывая камни». Она – своеобразное выражение принципа постепенности.

Китайские реформы проводились постепенно, в несколько этапов. На первом этапе главное внимание уделялось деревне. При этом исходили из того, что «плановая экономика – основа, рыночное регулирование – дополнение». На втором этапе центр тяжести реформы переместился из деревни в город. План остался в лозунге, который теперь читался как «плановая товарная экономика».

Лозунги первых этапов доказывают – экономикой предполагалось сделать всё же скорее плановой и лишь с отдельными вкраплениями рынка. Но, как отмечают китайские авторы, вырывающиеся из глубин экономической жизни процессы двигали Китай всё ближе к рыночной экономике и требовали исходить не из плановой экономики, а из «социалистической рыночной экономики». Эти слова и стали лозунгом третьего этапа, на котором рынок получил дальнейшее расширение на уровне макрорегулирования и управления предприятиями.

Четвёртый этап реформы был назван «этапом совершенствования социалистической рыночной экономики». В ходе нового этапа решается задача совершенствования институциональных механизмов рыночной экономики.

Почему же это движение не было остановлено? Почему по некоторым направлениям рынок для Китая стал более близким, чем для многих стран, столетиями живущим по рыночным законам?

Сказался эффект других китайских идеологем. В первую очередь, идеологем «поиска истины в фактах», «освобождение ума», «получить нечто из ничего». Возникающие проблемы решались в соответствии с этими идеологемами, что шаг за шагом и подталкивало страну к рынку.

Идеологемы успешно работали на реформы Китая. Основа успеха – в их связи с традициями, национальной психологией, такими чертами китайского характера, как основательность, неторопливость и последовательность.

В конечном итоге именно идеологемы, а не заранее начерченный план или придуманная концепция привели к знаменитому «двухколейному подходу». Он позволил совместить теоретически несовместимое – предприятия, работающие в соответствии со сравнительными преимуществами (одна колея), и госпредприятия, реализующие стратегию отказа от сравнительных преимуществ (другая колея). Логичной реакцией на появление неизбежных спутников такого совмещения – коррупции и погони за спекулятивной рентой – стала постепенная замена двухколейного подхода одноколейным – рыночным подходом.

Конечным итогом реализации такой концепции «без концепции» и стало китайское экономическое чудо. Обращение к его концептуальным истокам позволяет по-новому взглянуть на новейшую экономическую историю России: программу «500 дней», основные направления реформ, стратегии развития, программы политических партий и другие известные документы, с которыми были связаны такие надежды.

Возможно, что проблема не в том, есть ли на начальном этапе концепция реформ. Проблема в том, создают ли предпринимаемые на данный момент действия рабочие места, решаются ли социальные проблемы. Если да, то содержание предпринимаемых действий обобщается, и они получают статус концепции. Если нет, то предпринимаются другие действия.

Можно предположить, что наличие или отсутствие концепции реформ в её начале, как показывает китайский опыт, не принципиально для их результата. Согласиться с таким утверждением – значит приблизиться к выводу, что вектор и наполненность китайских реформ «без концепции» определил прагматический либерализм. Но одно лишь упоминание о возможном присутствии в китайском опыте такой составляющей, как либерализм взрывает сложившееся представление о путях экономического роста, представленных в известных неформальных договорах – Пекинском и Вашингтонском консенсусах.

Опыт консенсуса: Пекинского или Вашингтонского?

Ожидаемый ответ – опыт Пекинского консенсуса, или китайская модель. Но не только потому, что это китайский опыт. Главное, что это альтернатива либеральному, то есть «вашингтонскому» пути роста, проявившему свою ограниченность в конце XX века. Можно ли в этой связи говорить о либерализме в практике китайских реформ? На наш взгляд, и да, и нет.

Либерализм не имеет отношения к практике китайских реформ, потому что главная идея Пекинского консенсуса – идея роста при отрицании политических свобод и принципов правового государства. Это идея возможности успеха вне рамок капиталистической системы с США как с доминирующей силой. Это идея отсутствия единственно верных и подходящих для всех ситуаций решений, то есть идея невозможности универсальной концепции экономических реформ. Идеи подтверждены опытом китайских реформ.

Либерализм имеет отношение к практике китайских реформ, потому что их опыт подтверждён и другими идеями, которые оказываются ближе к Вашингтонскому консенсусу. Более того, реализация этих идей – практическое следование рекомендациям Вашингтонского консенсуса.

Первая из таких вербально спрятанных, но фактически реализуемых рекомендаций – право частной собственности. Заявленный в Пекинском консенсусе курс на формирование государственного капитализма за годы реформ (1978–2014 гг.) сопровождался более чем двукратным – в 2,3 раза снижением доли государства в производственных фондах предприятий: по данным официальной китайской статистики – с 85 до 36,8% [4]. Ещё более существенным стало падение доли инвестиций в государственные предприятия промышленного сектора в общем объёме инвестиций – в 2014 г. она приблизилась к 20% отметке.

Частные предприятия – это 99% от общего количества предприятий – 80% рабочих мест, 60% ВВП страны, 50% налоговых доходов бюджета государства, 65% патентов на изобретения и 80% создаваемых новых товаров [2]. Ещё более важным представляется повышение статуса предпринимательства и неразрывно связанного с ним института частной собственности в системе ценностей китайского общества, мироощущение которого в этом аспекте становится более либеральным.

Вторая по важности из фактически реализуемых идей Вашингтонского консенсуса – идея сравнительных преимуществ. Построенная на ней стратегия использования сравнительных преимуществ доказала свою «работоспособность» в китайских условиях и потому – универсальность. Тем самым базовый постулат Пекинского консенсуса о невозможности единственно верных и подходящих для всех ситуаций решений – не выдержал испытаний практикой китайских реформ. Идея же сравнительных преимуществ – это идея английского экономиста Рикардо, полу-

чившая своё продолжение в трудах шведских экономистов Хекшера и Улина и развитая в работах американских экономистов Самуэльсона и Столпера. Другими словами – это идея трансатлантической, то есть либеральной экономики.

Может быть, проблемы разграничения содержания Вашингтонского и Пекинского консенсусов связаны с тем, что Пекинский консенсус не был разработан в Пекине. У них фактически один и тот же автор. Этот автор – западные экономисты, которые по вектору своих воззрений являются либеральными экономистами.

Поэтому возможна оценка китайских реформ как уникальных и оригинальных по формам и методам проведения, но универсальных и либеральных по существу. Такая оценка не встречается в научной литературе, но аргументы в её пользу существуют.

Опыт создания новой структуры или повторение структуры развитых экономик?

«Не концептуальный» опыт привел к разработке концепции новой структурной экономики.

Концепция обобщает позитивный опыт развития Японии, Китая и новых индустриальных стран (НИС) – Южной Кореи, Сингапура, Гонконга и Тайваня. Она преодолевает господствующее представление о необходимости копирования отраслевой структуры развитых стран для достижения высоких темпов роста. Она отрицает искусственное изменение структуры экономики в пользу наукоёмких и капиталоемких производств и предлагает механизм реализации роли государства в догоняющем развитии. Этот механизм представляет следующие поэтапные действия государства.

Вначале составляется список стран со схожей структурой факторов производства. Из него выделяются страны с высокими и длительно стабильными (до 30 лет) темпами роста, затем страны с менее чем двукратными доходами на душу населения. В оставшихся странах отбираются отрасли с востребованной на протяжении не менее 20 лет продукцией. Эти отрасли и есть приоритетные отрасли для искомой страны.

В случае наличия приоритетных отраслей выявляются барьеры в их развитии, делаются инвестиции в их инфраструктуру, что повышает их привлекательность и увеличивает количество предприятий в них. Осуществляются эксперименты на локальном уровне для проверки эффективности политики новой структурной экономики.

В случае отсутствия таких отраслей, обеспечиваются дополнительные стимулы для привлечения иностранных игроков, стимулируется и появление местных фирм, что создаёт возможности для технологического трансфера и реализации местными производителями «преимущества отсталости».

Стимулируются и развиваются «пропущенные» отрасли, то есть не выявленные в качестве приоритетных, но уже доказавшие свою конкурентоспособность на международном рынке.

Новая структурная экономика обладает двумя важными в аспекте российских проблем качествами – универсальностью и одновременно локальностью. Универсальность означает, что, хотя принципы новой структурной экономики были разработаны и проверены в странах с избыточными трудовыми ресурсами, те же принципы и механизмы развития применимы в странах с избыточными природными ресурсами. Локальность означает применимость принципов новой структурной экономики и на региональном уровне, что подтверждается региональной политикой Китая.

Формирование новой структурной экономики позволяет использовать опыт успешного экономического развития НИС, Японии и Китая и реализовать преимущества отсталости, связанные с эффектом имитации, импортом передовых технологий, эффектом низкой капиталовооружённости труда.

Экономический опыт реформ: по большей мере позитивный или проблемный?

Российскими авторами китайский опыт оценивается главным образом как позитивный. Оценки китайских авторов более критические, особенно по отношению к проблеме жизнеспособности предприятий и смене базы сравнительных преимуществ. В основе критического восприятия – данные китайских источников.

О низкой жизнеспособности частных предприятий Китая свидетельствуют три факта: большое число ежедневно закрываемых компаний – около 2800; низкая средняя «продолжительность жизни» – 2,9 года [7]; пессимистичные прогнозы банкротства 60% существующих предприятий в ближайшие 5 лет [8].

Со временем ситуация ещё более обостряется, о чём свидетельствуют данные о динамике числа убыточных предприятий, представленные на рис. 1.

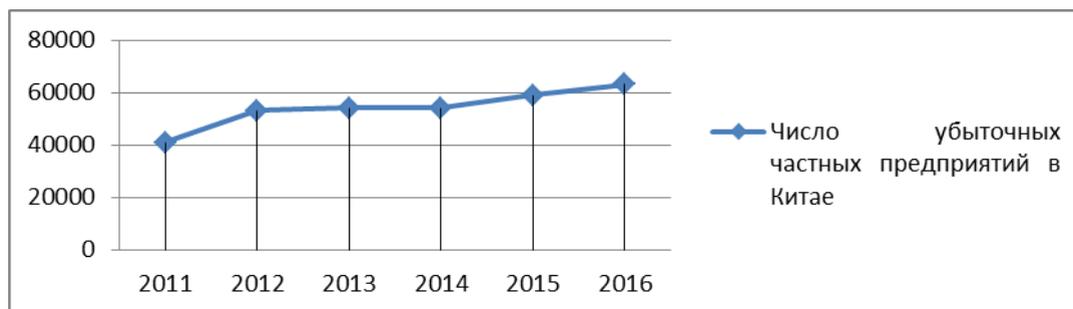


Рис. 1. Число убыточных частных предприятий в Китае (с 2011 г. по 2016 г.) [7]

Китайские экономисты дают критические оценки положению дел с формированием новой базы сравнительных преимуществ. На вопрос – привели ли реформы

к сдвигу сравнительных преимуществ от труда к капиталу? – даются взаимоисключающие ответы. Одни китайские исследователи, ссылаясь на увеличение доли машиностроения и электроники в китайском экспорте, утверждают, что да. Другие же авторы считают, что нет. Они доказывают, что официальная высокая оценка доли высокотехнологичных товаров в экспорте – это статистическая аберрация. На самом деле в Китае с помощью дешёвой рабочей силы собираются товары из импортных комплектующих, а такие товары не являются высокотехнологичными по международным стандартам [9, с. 158].

Критические оценки китайскому опыту дают и многие зарубежные экономисты. Их внимание фокусируется вокруг динамики долгового бремени – отношения национального долга к ВВП страны. Оно было равно 150% в 2008 г. и выросло к настоящему времени до 250% [10].

Вопрос о сильных и проблемных сторонах опыта китайских реформ требует дальнейшего обсуждения.

Выводы

Китайские реформы находятся в центре внимания российской и зарубежной экономической науки. Но их новые оценки к единому знаменателю не приведены. Это затрудняет осмысление и практическое использование китайского опыта в практике проведения российских экономических реформ. Дихотомический подход к анализу оценок опыта китайских реформ позволяет во многом преодолеть эти затруднения и выбрать те элементы китайского опыта, которые заслуживают внимания российских исследователей. Среди таких элементов: стратегия использования сравнительных преимуществ, формирование жизнеспособности предприятий, создание новой структурной экономики, отказ от клише обязательной концепции реформ, использование элементов экономического либерализма.

Дихотомический анализ полярных оценок по критериям социальной приемлемости, используемым инструментам, концептуальности, структуре экономики, соотношению идей Пекинского и Вашингтонского консенсусов даёт основания для вывода, что искомый ответ на вопрос о сути китайского опыта лежит не только между крайними оценками, но и в стороне от них. Именно такой подход позволяет выбрать операционные, то есть приемлемые для использования в российских условиях элементы китайского опыта реформ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Островский, А. И. Выступление на заседании общества российско-китайской дружбы 26.09.2012 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ifes-ras.ru/publications/online/589-63>.
2. Общее количество средних и малых предприятий в Китае [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://news.sina.com.cn/c/sd/2011-06-21/162322680080.shtml>. – Кит.
3. Улин, Б. Межрегиональная и международная торговля / Б. Улин. – М. : Дело, 2004. – 416 с.
4. China Statistical Year Book 2015. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2015/indexeh.htm>.
5. Гельбрас, В. Г. Экономика Китайской Народной Республики : важнейшие этапы развития, 1949–2007 : курс лекций / В. Г. Гельбрас ; Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Ин-т стран Азии и Африки. – М. : Гуманитарий, 2007. – 424 с.
6. Lin, J. Demystifying the Chinese Economy / J. Lin. – New York : Cambridge University Press, 2012. – 330 p.
7. Массовое закрытие частных китайских предприятий [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://blog.sina.com.cn/s/blog_54e2db310102w2gv.html. – Кит.
8. Анализ числа обанкротившихся китайских предприятий [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.lawtime.cn/.qiye/anli/pochananli/231593.html>. – Кит.
9. Экономика современного Китая : макротенденции, реформы, внешние связи : реф. сб. / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. глобал. и регион. проблем. Отд. Азии и Африки ; отв. ред. и ред.-сост. П. М. Мозиас. – М. : ИНИОН РАН, 2013. – 206 с.
10. China's uncannily stable growth versus the price of reform [Электронный ресурс] // *The Economist*. – 2016. – Oct. 19th. – Режим доступа: <http://http://www.economist.com/>.

REFERENCES

1. Ostrovskii A.I. *Speech on the session of society of Russian-Chinese friendship 26.09.2012*. Available at: <http://www.ifes-ras.ru/publications/online/589-63>. (accessed 20 October 2016). (In Russian).
2. *The total number of small and medium enterprises in China*. Available at: <http://news.sina.com.cn/c/sd/2011-06-21/162322680080.shtml> (accessed 20 October 2016). (In Chinese).
3. Ulin B. *Mezhregional'naya i mezhdunarodnaya trgovlya* [Interregional and International trade]. Moscow: Delo Publ., 2004. 416 p.
4. *China Statistical Year Book 2015*. Available at: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2015/indexeh.htm> (accessed 20 November 2016).

5. Gelbras V.G. *Ekonomika Kitaiskoi Narodnoi Respubliki : vazhneishie etapy razvitiya, 1949–2007 : kurs lektsii* [Economy of China People Republic: main stages of development, 1949–2007]. Moscow: Gumanitarii Publ., 2007. 424 c. (In Russian).

6. Lin J. *Demystifying the Chinese Economy*. New York: Cambridge University Press, 2012. 330 p.

7. Mass closure of private Chinese enterprises. Available at: http://blog.sina.com.cn/s/blog_54e2db310102w2gv.html. (accessed 20 November 2016). (In Chinese).

8. Analysis of the number of Chinese enterprises bankrupt. Available at : <http://www.lawtime.cn/> (accessed 20 November 2016). (In Chinese).

9. Moziyas, P.M., ed. *Ekonomika sovremennogo Kitaya : makrotendentsii, reformy, vneshnie svyazi* [Economy of Modern China: Macrotendencies, Reforms, External ties: Rev. digest]. Moscow: Publ. Inform. Institute of Russian Academy of Sci. Publ., 2013. 206 p. (In Russian).

10. China's uncannily stable growth versus the price of reform. *The Economist*, 2016, Oct 19th. Available at: [http:// http://www.economist.com/](http://http://www.economist.com/) (accessed 4 November 2016).

УДК 656.614.3.073.44:622.323(5:265)

Е.П. Жариков¹

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

E-mail: zharikov.ep@dvfpu.ru

МОРСКИЕ ПЕРЕВОЗКИ НЕФТИ И ГАЗА: ФОРМИРОВАНИЕ ВОСТОЧНОГО НАПРАВЛЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматривается роль морского транспорта в международных перевозках наливных грузов. Доля наливных грузов (нефти, нефтепродуктов, сжиженного газа, химических грузов и т.д.) в международных морских перевозках составляет около 50 %, из них свыше 80 % приходится на нефть и нефтепродукты. Современной мировой тенденцией является увеличение спроса на танкерные суда. Доля танкеров, занимающихся перевозками нефти и нефтепродуктов, в составе мирового торгового флота около 40 %. Рост спроса на сжиженный природный газ (СПГ) вызвал и повышенный спрос на танкеры-газовозы. Россия осуществляет перевозку российских грузов через морские порты России, Балтии и Украины. В динамике наблюдается увеличение грузовой базы морских портов России и уменьшение – морских портов стран Балтии и Украины. В перевозках через морские порты России наблюдается неуклонный рост экспорта, в своей основе – сырьевых ресурсов, при снижении импорта и транзита. В перспективе следует ожидать рост потребления нефти, в первую очередь со стороны Индии, развивающихся стран, Китая и США. Учитывая, что больше 50,0 % потребляемой в мире нефти приходится на транспортный сектор, можно считать автомобилизацию населения мира основным фактором сохранения и повышения спроса на нефть и нефтепродукты. Сопутствующие тенденции будут характерны и для газового рынка. По прогнозам, спрос на газ будет ежегодно расти на 1,5 %. Основные потребители – развивающиеся экономики стран Ближнего Востока, Индии, Китая и т.д. Активно растет мировой рынок СПГ, который за последние 15 лет увеличился более чем в два раза и в настоящее время занимает около 33 % от всей международной торговли газом. По оценкам, экспорт газа из России к 2040 г. вырастет почти на 25 % и будет поставляться как в Европу, так и в страны Азии. Доля России на мировом

¹Евгений Прокофьевич Жариков, доктор экономических наук, профессор кафедры мировой экономики Школы экономики и менеджмента Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия.

Для цитирования: Жариков, Е.П. Морские перевозки нефти и газа: формирование восточного направления // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2016. № 4. С. 38–52.

рынке СПГ около 5%. Ближайшие планы – увеличить присутствие на мировом рынке СПГ до 10%. Начало XXI в. ознаменовалось появлением быстро растущих новых рынков сбыта, в первую очередь в Азии. Это даёт возможность диверсификации направлений участия России в экспорте энергоносителей, что расширяет транспортную конфигурацию и снижает зависимость от транзита через страны Балтии и Украину. А это обуславливает усиление восточного вектора поставок энергоресурсов на растущие рынки Азии. В этой связи в статье рассматриваются четыре направления поставок нефти и газа через так называемые «Восточные ворота», включая морские порты Дальнего Востока и Северный морской путь. Для эффективного выхода нефтегазодобывающих предприятий Арктики на рынки стран АТР необходимо повышение безопасности и качества движения по Северному морскому пути, а это требует современной инфраструктуры, включающей атомный ледокольный флот, станции слежения и т.д.

Ключевые слова: мировой рынок нефти и газа, сжиженный природный газ, экспорт, морские перевозки, морские порты России, Северный морской путь, страны Азии.

Evgenie P. Zharikov¹

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: zharikov.ep@dvfu.ru

SHIPPING OF OIL AND GAS: FORMATION OF THE EASTERN AREAS

Abstract. The article discusses the role of maritime transport in the international transport of bulk cargoes. The share of liquid cargo (oil, oil products, liquefied gas, chemical goods, etc.) in international maritime transport is about 50%, of which over 80% are oil and oil products. Modern global trend is the increase in demand for tanker vessels. Share tankers involved in transportation of oil and oil products, about 40% in the composition of the world's merchant fleet. Growth in demand for liquefied natural gas (LNG) has caused an increased demand for LNG tankers. Russia carries out transportation of cargoes through the seaports in Russia, the Baltic States and Ukraine. In dynamics, there

¹Evgenie P. Zharikov, Doctor of Economics, Professor, Department of International Economics Relations, School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

For citing: Zharikov, E.P. Shipping of oil and gas: formation of the eastern areas // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2016. № 4. P. 38–52.

is an increase in the cargo base of Russian seaports and reduction – in the sea ports of Baltic countries and Ukraine. Export cargos are growing at the expense of natural resources while the import and transit cargos are decreasing. In the future, we should expect the growth in oil consumption, in the first place by India, the developing countries, China and the United States. Given that more than 50.0% of the consumed oil in the world is used in the transport sector, the world's population motorization can be considered the major factor in maintaining and increasing demand for oil and petroleum products. Other trends are also characteristic of the gas market. According to forecasts, the demand for gas will grow annually by 1.5%. The main consumers of gas include the emerging economies of the Middle East, India, China, etc. There is a growing global LNG consumption. It has more than doubled over the past 15 years and currently holds about 33% of the international gas trade. Export of gas from Russia in 2040 will grow by nearly 25% and will be available both in Europe and in Asia. Russia accounts for about 5% of the world market for LNG. Future plans involve increasing the presence in the global LNG market to 10%. In the XXI century, new markets emerged in Asia. This makes it possible to increase the areas of Russia's participation in the export of energy that extends the configuration of transport and reduce its dependence on transit through the Baltic countries and Ukraine. This causes increase in the eastern vector of energy supplies to the growing markets in Asia. In this regard, the article examines four areas of oil and gas supplies through the so-called "Eastern Gate", including the ports of the Far East and the Northern Sea Route. To effectively release the Arctic oil and gas companies in the Asia-Pacific countries need to improve the safety and quality of movement along the Northern Sea Route, as it requires a modern infrastructure, including nuclear icebreaker fleet, tracking stations, etc.

Keywords: the world market of oil and gas, liquefied natural gas, export, shipping, sea ports of Russia, the Northern Sea Route, the countries of Asia.

Современные мировые морские перевозки нефти и газа

Перевозки морским транспортом различных категорий товаров и сырья в общем мировом грузообороте занимают более 60%; около 80% международных внешнеторговых отношений обслуживает транспортировка грузов морским транспортом [1], табл. 1.

Одним из важнейших направлений морских перевозок является перевозка наливных грузов, таких как нефть и нефтепродукты, химических грузов (перевозимых наливом), сжиженных газов и пищевых продуктов.

Доля наливных грузов в международных морских перевозках составляет около 50%, из них свыше 80% приходится на нефть и нефтепродукты, которые транспортируются из:

- ближневосточных государств в Западную Европу, Соединенные Штаты и Японию;
- района Карибского моря в Америку и Западную Европу.

Таблица 1

**Структура перевозок торговых грузов морскими судами
на 01.01.2015 г., %**

Страна	Обеспечение перевозок грузов морскими судами	Импорт	Экспорт
Великобритания	98,0	69,0	38,0
Япония	97,0	90,0	86,0
США	90,0	80,0	77,9
Индонезия	80,9	68,0	35,0
Китай	79,5	69,0	65,0
Австралия	78,5	85,0	66,0
Россия	68,0	45,0	35,0

Несмотря на появление относительно новых видов транспорта, в частности, трубопроводного, морская транспортировка нефти (около 25 % от всех товаров, перевозимых по морю) по-прежнему остается актуальной в международной экономике.

Анализ особенностей грузопотока сырьевой продукции показывает, что темп роста объемов морских грузоперевозок во всем мире начал снижаться. Если в период с 2010 г. по 2014 г. ежегодно товарооборот на морском транспорте увеличился почти на 5%, то в настоящее время прирост составляет около 2%. Считается, что основная причина в том, что в Китае уже нет такого спроса на сырьевые товары, как раньше [2]. Тем не менее, тенденцией современных морских грузоперевозок является увеличение спроса на танкерные суда почти на 5%. Эксперты связывают её с падением цен на нефть и увеличением на неё спроса. Количество танкеров и их доля в составе мирового торгового флота увеличивались с ростом добычи нефти и усилением её роли в качестве энергоносителя в промышленном производстве. Почти 40 % судов мирового флота – это танкеры, занимающиеся перевозкой нефти и нефтепродуктов.

По грузоподъемности танкерный флот подразделяется на следующие классы.

VLCC (Very Large Crude Carrier) грузоподъемностью около 300 тыс. т, вмещающий 2 млн баррелей нефти. Такие танкеры используются в основном на перевозках из портов Ближнего Востока в США, Японию и Южную Корею [3].

«Суэцмакс» – танкеры грузоподъемностью около 150 тыс. т, вмещающие 1 млн баррелей нефти и способные по своим габаритам проходить Суэцкий канал.

Они используются, как правило, на тех же направлениях, что и VLCC, а также для перевозок из Нигерии и нефтепромыслов Северного моря в США и Южный Китай.

«Афрамакс» – танкеры грузоподъемностью 95–110 тыс. тонн, предназначенные для перевозок около 500–700 тыс. баррелей нефти. Они работают на уже указанных выше направлениях и на более коротких маршрутах, например, из бассейна Карибского моря в США и в Европу, из Северной Европы в Великобританию, из Индонезии в Японию и т.д.

«Панамакс» – танкеры грузоподъемностью 60–80 тыс. т, способные проходить Панамский канал, используются в зависимости от объемов торговых партий, как и более мелкие танкеры.

В связи с тенденцией перевода электростанций с атомного топлива на газ (особенно после аварии на атомной электростанции «Фукусима», Япония, 2011 г.), мировой спрос на сжиженный природный газ (СПГ) начал быстро расти, что вызвало спрос на суда, транспортирующие СПГ [4].

В мировой практике используются газовозы LNG (Liquefied Natural Gas) для перевозки сжиженного природного газа и LPG (Liquefied petroleum gas) для перевозки сжиженного нефтяного газа. Типовой СПГ-танкер (*метановоз*) может перевозить 145–155 тыс. м³ сжиженного газа, из чего может быть получено порядка 89–95 млн м³ природного газа в результате регазификации. Следующее поколение СПГ-танкеров уже характеризуется более высокой грузоподъемностью (200–250 тыс. м³). Основной мировой центр строительства газовозов – Республика Корея (более 50 % заказов), а также Япония и Китай. Основная тенденция на рынке данного вида флота – рост спроса на СПГ-танкеры [5].

Перевозки через морские порты России

Россия осуществляет перевозку российских грузов через морские порты России, стран Балтии и Украины. В 2015 г. всего было транспортировано 739,2 млн т (из них: 353,2 млн т сухогрузов, 386,0 млн т наливных). Объем перевозок через порты России составил 676,8 млн т (сухогрузы – 273,5 млн т, наливные – 347,2 млн т), через морские порты стран Балтии и Украины – 62,4 млн т (40,9 млн т сухогрузы и 21,5 млн т наливные). В целом, в динамике наблюдается увеличение грузовой базы морских портов России (на 5,7 % к 2014 г.) и уменьшение – морских портов стран Балтии и Украины (на 18,5 %), что вполне закономерно на фоне обострения отношений между странами.

По мере роста перевозок через морские порты России меняется и структура грузооборота российских портов, табл. 2 [6]. Наблюдается неуклонный рост экспорта, в своей основе – сырьевых ресурсов, при снижении импорта и транзита, что, в основном, является следствием политики санкций.

Таблица 2

Структура грузооборота российских портов, %

Тип грузовой базы	2008	2010	2012	2013	2014	2015
Экспорт	75,6	76,8	78,9	78,1	78,9	79,7
Импорт	9,3	7,6	8,4	7,8	7,0	4,9
Транзит	8,7	8,7	7,1	8,0	7,6	7,1
Каботаж	6,4	6,9	5,6	6,1	6,5	8,3

В грузовой экспортной базе морских перевозок растёт доля нефти и нефтепродуктов, табл. 3.

Таблица 3

Объём перевалки грузов в портах России, млн т

Показатели	2008	2010	2012	2013	2014	2015
Объём перевалки грузов в портах России,	454,6	526,0	567,1	589,2	623,6	676,8
в т.ч. – наливных грузов,	262,8	314,4	315,3	333,5	331,2	364,5
из них:						
сырая нефть			198,4	170,4	187,1	202,1
нефтепродукты			114,0	111,8	128,2	146,0
сжиженный газ				11,1	12,2	12,9

Распределение перевалки грузов в морских портах по бассейнам (табл. 4) показывает, что усилилась роль морских портов Азово-Черноморского бассейна как в перевалке всего спектра грузов, так и наливных. В 2015 г. перевалка сухих грузов в бассейне увеличилась по отношению к 2014 г. в основном за счёт зерна на 14,2%, чёрных металлов на 22,3%, угля на 19,2%, руды на 37,8% и т.п. Объём перевалки наливных грузов увеличился в основном за счёт нефтепродуктов на 5,5%, сырой нефти на 1,5% и сжиженного газа в 1,6 раза [6].

Таблица 4

Перевалка грузов по морским бассейнам Российской Федерации, %

Морской бассейн	2013	2014	2015
Азово-Черноморский	29,6 / 33,6*	31,2 / 35,5	34,4 / 36,9
Балтийский	36,7 / 40,1	35,8 / 40,4	34,1 / 39,2
Дальневосточный	24,6 / 18,4	26,4 / 19,8	25,3 / 20,0
Арктический	7,8 / 6,4	5,6 / 3/0	5,2 / 1,0
Каспийский	1,3 / 1,4	1,3 / 1,3	1,0 / 2/9

* в числителе – доля бассейна в перевалке всех грузов в морских портах России, знаменателе – наливных.

Аналогичная тенденция прослеживается и в морских портах Дальневосточного бассейна. В 2015 г. грузооборот морских портов бассейна увеличился по сравнению с 2014 г. на 5,2 %. Увеличилась перевалка сухих грузов на 1,1 % и наливных грузов на 11,3 %. Объём перегрузки наливных грузов вырос за счёт увеличения перевалки сырой нефти на 20,2 % и сжиженного газа на 0,7 %. Перевалка нефтепродуктов снизилась на 2,2 %.

В портах Азово-Черноморского, Балтийского и Дальневосточного бассейнов в 2015 г. произошло снижение к предыдущему году перевалки грузов в контейнерах, соответственно на 5,2 %, 17,0 % и 17,6 %.

Перспективы добычи и потребления нефти и газа

Согласно данным МЭА (Международного энергетического агентства), тенденции производства и потребления нефти в 2015–2016 гг. относительно стабилизировались (табл. 5) и спрос на нефть в 2016 г. составит 95,8 млн барр./сутки, что на 1,1 млн барр./сутки превысит спрос 2015 г. [7].

Таблица 5

Производство и потребление нефти, млн барр. /сутки [9]

Производители и потребители	2015 г.			2016 г.
	2 кв.	3 кв.	4 кв.	1 кв.
Производство нефти				
ОПЕК	38,9	39,1	39,2	39,3
Саудовская Аравия	12,2	12,2	12,1	12,1
США	13,0	13,0	13,0	12,7
Россия	11,0	11,0	11,1	11,2
Мир	96,3	97,0	97,2	96,4
Потребление нефти				
Китай	11,4	11,5	11,5	11,5
Европа (ОЭСР)	13,6	14,1	13,7	13,5
США	19,5	20,0	19,7	19,6
Мир	94,1	95,5	95,5	95,0

В перспективе следует ожидать рост потребления нефти, что подтверждается многочисленными прогнозами, в том числе содержащими маловероятно осуществимые различные сценарии масштабного сокращения потребления нефти в мире (за счёт перехода на биотопливо, производство электромобилей и т.д.). Основной вариант прогноза МЭА развития спроса и предложения на рынке нефти до 2040 г. учитывает обещания стран в рамках Парижского соглашения по сокращению вредных выбросов. По этому сценарию мировой спрос на нефть к 2040 г. – до 103,5 млн

бarr./сутки. Основная доля в росте спроса на нефть в этом периоде отводится Индии и развивающимся странам, а Китай станет крупнейшим потребителем нефти, опередив США к началу 2030-х годов [8].

30.11.2016 г. страны ОПЕК договорились сократить добычу нефти в общей сложности на 1,2 млн бarr./сутки, что составит снижение мирового производства нефти примерно на 1,0 %. Другие нефтедобывающие страны, не входящие в ОПЕК, вместе должны снизить производство нефти на 600 тыс. бarr./сутки, в том числе Россия – на 300 тыс. бarr./сутки. Данное соглашение приведёт к росту цен на нефть (на 03.12.2016 цена на нефть марки Brent уже поднялась до 54,3 долл./бarr., и это пока не предел), что относительно стабилизирует рынок нефти [9,10]. В дальнейшем рынок освоится с новым уровнем цен, который задаст более умеренные темпы потребления нефти, если опять не возникнут непреодолимые разногласия между основными её производителями. Основания к этому есть, во-первых, договорённости пока предусматриваются на 6 месяцев, во-вторых, при цене 50–60 долл./ бarr., опять будут выгодны разработки сланцевой нефти со всеми вытекающими отсюда последствиями. Учитывая, что более 50,0 % потребляемой в мире нефти приходится на транспортный сектор (особенно активно прогрессирующий в развивающихся странах с большим населением), где наибольшая доля потребленного топлива приходится на легковые автомобили, можно считать автомобилизацию населения мира основным фактором сохранения и повышения спроса на нефть и нефтепродукты. Это даёт основание считать, что мировое потребление нефти будет расти даже при некотором повышении цен.

Россия около 60% нефти экспортирует морским путём, 40% – международными нефтепроводами и, частично, по железной дороге. В последние годы отмечается рост использования морского транспорта в экспорте нефти, обусловленный необходимостью обеспечить гибкость поставок, а также независимость от транзитных стран. Страны Европы пока остаются наиболее крупными потребителями российской нефти, покупающими около 80% всего экспорта нефти из России [11].

Сопутствующие тенденции будут характерны и для газового рынка. По прогнозам МЭА, до 2021 г. спрос на газ будет ежегодно расти на 1,5 %, затем установится относительное равновесие на данный энергоноситель. Производство сжиженного природного газа (СПГ) вырастет к 2021 г. на 45%. Около 90 % этого прироста должны обеспечить США и Австралия. В Европе потребление газа будет ежегодно расти на 0,3%. Ожидается, что российский газ ограничит поставки в Европу СПГ [12]. Значительный рост потребности в природном газе идёт за счёт развития экономик прогрессирующих стран Ближнего Востока, Индии, Китая. Спрос на газ будет также расти во Вьетнаме, Индонезии, Малайзии, странах Африки [13].

Следует отметить, что мировой рынок СПГ за последние 15 лет увеличился более чем в два раза и в настоящее время занимает около 33 % от всей междуна-

родной торговли газом. Предполагается, что к 2030 г. доля потребления СПГ на международном газовом рынке достигнет 50%. Его рост обусловило то, что транспортировка СПГ газовозами резко повысила гибкость поставок и расширение возможностей доставить газ потребителям в любую точку Мирового океана. При очевидной экономической предпочтительности газопроводов над газовозами (включая необходимость сжижения газа, меры по обеспечению безопасности и т.п.), способы доставки газа (собственно, как и нефти) в конкретных условиях определяются географией добычи, переработки, дислокацией потребителей и прогнозами потребления соответствующих энергоносителей. Поэтому обычно считается, что морские перевозки газа используются в основном тогда, когда отсутствует возможность доставки сырья по суше.

Крупнейшими импортёрами СПГ в Азии являются Япония, Республика Корея, Индия, Китай (50-55 % импорта СПГ от общего объёма мирового рынка). Испания, Франция, Великобритания и США являются крупнейшими импортёрами СПГ в Атлантическом бассейне. Роль крупнейших производителей и экспортёров СПГ отводится Катару, Малайзии и Индонезии (40-45% экспорта мирового рынка). На подходе к ним такие производители, как Нигерия, Алжир, Австралия и др.

Россия по добыче газа в мире прочно занимает второе место после США (642,9 млрд куб. м в 2015 г.) и первое место по его экспорту (196 млрд куб. м в 2015 г.), затем с солидным отрывом идут Катар, Норвегия [14]. Основная доля газа на экспорт (30,5 % от добычи) поставляется в Европу, незначительная – в страны СНГ. В перспективе, по оценкам МЭА, экспорт газа из России к 2040 г. вырастет почти на 25 %. Газ будет поставляться как в Европу, так и по новым газопроводам в Китай.

По производству СПГ Россия находится в начале пути, около 5% мирового рынка. Пока функционирует один завод по производству СПГ в Сахалинской области, производя 10,8 млн т СПГ, который отправляется на экспорт в страны АТР. Ближайшие планы – увеличить своё присутствие на мировом рынке СПГ до 10%. В настоящее время единственным реальным крупным проектом, находящимся на стадии практической реализации, является проект «Ямал СПГ» мощностью 16,5 млн т/год. Весь будущий СПГ фактически законтрактован, и его основной объём будет поставляться в страны АТР. Ожидается, что 1-я очередь проекта, мощностью 5,5 млн т/год СПГ, начнёт работу в 2017 г., в настоящее время степень её готовности более 75 % [15].

Тем не менее, в перспективе для России существуют значительные риски на рынке энергоресурсов:

- это и политика Европы по диверсификации источников поставок энергоресурсов;
- увеличение доли поставок за счёт стран Латинской Америки и США;

- диверсификация поставок Китаем за счёт стран Центральной Азии;
- производство Китаем собственного сланцевого газа из своих месторождений, крупнейших в мире.

Перспективы «Восточных ворот» поставок энергоносителей в Азию

Начало XXI в. ознаменовалось появлением быстро растущих новых рынков сбыта, в первую очередь в Азии. Это даёт возможность диверсификации направлений участия России в экспорте энергоносителей, что расширяет транспортную конфигурацию и снижает зависимость от транзита через страны Балтии и Украину. Такой парадигме содействует и то, что часть активно разрабатываемых и перспективных месторождений сосредоточено на Ямале (Западная часть Сибири), а также на Дальнем Востоке.

Как уже выше отмечалось, перевалка наливных грузов в портах Дальневосточного бассейна неуклонно возрастает и, следовательно, усиление восточного вектора поставок энергоресурсов на растущие рынки Азии обуславливает необходимость создания полноценной инфраструктуры. В настоящее время выделяются четыре направления поставок нефти и газа через восточные ворота.

Первое направление – через морские порты, включая нефтеналивной порт Козьмино. Порты Дальнего Востока являются конечными пунктами международного транспортного коридора «Восток – Запад» и играют важную роль во внешне-экономической деятельности региона. Наиболее крупные из них: Владивосток, Находка, Восточный, Ванино, Посьет. На их долю приходится более 70% грузооборота морского транспорта Дальнего Востока. Самый мощный порт по перевалке нефти – это порт Козьмино, расположенный в конечной точке трубопроводной системы «Восточная Сибирь – Тихий океан» (Приморский край). Строительство порта обеспечило России выход на масштабный экспорт нефти в страны АТР. Мощность порта после ввода в эксплуатацию второй очереди проекта составляет около 30 млн т/год. С конца 2009 г. (момента ввода в эксплуатацию) до середины 2016 г. через порт Козьмино экспортировано 139,035 млн т нефти. Основные потребители нефти – Китай, Республика Корея, Япония, США, Сингапур, Таиланд, Тайвань, Индонезия, Филиппины, Индия, Перу, Малайзия, Новая Зеландия, Австралия, Вьетнам [16]. Перевалка нефтепродуктов осуществляется большинством основных портов Дальнего Востока, в частности и специализированным Находкинским нефтеналивным морским торговым портом.

Второе направление – отгрузка нефти через порт Де-Кастри. Из трёх морских месторождений проекта «Сахалин-1» нефть по трубопроводу поступает в построенный в посёлке Де-Кастри нефтяной терминал, откуда её отгружают на экспорт в страны АТР. Погрузка нефти на танкер осуществляется через выносной точечный

причал (ВТП) (рис. 1), один из самых крупных в мире. Нефтеналивной терминал в Де-Кастри действует уже 10 лет. За это время из него на экспорт отправлено более 90 млн т нефти.



Рис. 1. Выносной точечный причал

Источник: <http://www.morvesti.ru/upload/iblock/21b/mp-08-14-0001.jpg>

Третье направление – отгрузка на экспорт сжиженного газа через Пригородный порт Корсаковского района (Сахалинская область) с пока единственного в России завода по производству СПГ. С начала ввода в эксплуатацию (март 2009 г.) по март 2015 г. было экспортировано около 135 млн м³ СПГ (около 60 млн т) в Китай, Японию, Южную Корею [17].

Четвёртое направление – поставки нефти, нефтепродуктов и СПГ в страны АТР по Северному морскому пути (СМП). Выше отмечалось, что поставки СПГ будут осуществляться по мере ввода в строй завода «Ямал СПГ». Первая транспортировка нефтепродуктов ОАО «Газпром нефть» в страны АТР по новому высокоширотному маршруту СМП была осуществлена танкером SCF Amur в августе 2012 г. Танкер с минимальным ледокольным сопровождением прошел по СМП за 7 суток, что значительно быстрее, чем по традиционному маршруту через Суэцкий канал [18].

Безусловно, потенциальная окупаемость СМП находится в зависимости, во-первых, от ресурсного освоения Арктики, морской путь через которую – наиболее удобный для экспорта ресурсов и продукции, во-вторых – от высоких цен на топливо, так как за счёт меньшей дистанции должны быть компенсированы затраты на ледокольное сопровождение и навигацию. Для эффективного выхода нефтегазодобывающих предприятий Арктики на рынки стран АТР необходимо повышение безопасности и качества движения по СМП, а это требует современной инфраструктуры, включающей современный ледокольный флот, станции слежения и т.д. Более подробно проблемы и перспективы транспортировки углеводородов по СМП рассмотрены в работе [19].

Перспективный рост объёмов производства обуславливает строительство новых газоперерабатывающих заводов, танкеров для перевозки нефти и нефтепродуктов и танкеров-газовозов, которые Россия заказывает на верфях Республики Корея. В этом плане большие надежды возлагаются на реализацию в Приморском крае программы строительства судов данного типа на отечественном судостроительном заводе «Звезда». На территории опережающего развития г. Большой Камень планируется создать первую в России верфь крупнотоннажного судостроения. Продукцию верфи составят высокотехнологичные крупнотоннажные суда, элементы морских и наземных нефтегазовых сооружений, морская техника, суда обслуживающего флота, в том числе ледового класса [20].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Морская транспортировка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.iccwbo.ru/blog/2016/morskaya-transportirovka-vse-tonkosti-protsess/>.
2. Грузоперевозки 2016: прогнозы экспертов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://crew-man.com/news/gruzoperevozki_2016_proгнозу_ekspertov.html.
3. Мировой танкерный флот [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.morvesti.ru/analytics/detail.php?ID=31948>.
4. Судоходные компании Греции стремятся на газовый рынок [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.morvesti.ru/analytics/detail.php?ID=27215>.
5. СПГ-танкеры: общие сведения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lngas.ru/transportation-lng/spg-tankery.html>.
6. Информационно-статистический отдел «Морцентр-ТЭК» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://transrussia.net/analytics/analytics.aspx>.
7. МЭА повысило прогноз мирового спроса на нефть в 2016 году [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.interfax.ru/business/498031>.
8. МЭА спрогнозировала пик мирового спроса на нефть не раньше 2040 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rbc.ru/economics/16/11/2016/582c38249a794710e6094dfe>.

9. Решение ОПЕК стало важным шагом к стабилизации рынка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://interfax.com.ua/news/economic/387993.html>.

10. Большое возвращение России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gosnovosti.com/>.

11. Энергетический бюллетень. – 2016. – Вып. 36 : Развитие транспортировки нефти. – 31 с.

12. МЭА снизило глобальный прогноз по спросу на газ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rbc.ru/economics/08/06/2016/5757eae89a794778625da298>.

13. Энергопотребление в мире будет расти [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2015/12/22/prognoz.html>.

14. 10 мировых лидеров по добыче газа в 2015 году [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://promtu.ru/dobyicha-resursovlidery-po-dobyichi-gaza>.

15. Обзор российских СПГ-проектов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vostockcapital.com/spg/sderzhannyiy-optimizm-obzor-rossiyskih-spg-proektov>.

16. Нефтеналивной порт «Козьмино» в Приморском крае [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://smitsmitty.livejournal.com/232392.html>.

17. Через Пригородный порт отправлена на экспорт 1000-я партия сжиженного природного газа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://neftegaz.ru/news/view/135443-Cherez-Prigorodnyj-port-otpravlena-na-eksport-1000-ya-partiya-szhizhennogo-prirodnogo-gaza>.

18. «Газпром» сообщил о первой транспортировке энергоресурсов танкером по СМП в страны АТР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.fleetmon.com/ru/vessels/Scf_Amur_28646.

19. Григорьев, М. Проблемы транспортировки углеводородов по Северному морскому пути [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://newsite.gecon.ru/wp-content/uploads/2012/10/OilGas-Journal-Russia-2012>.

20. Дальневосточный завод «Звезда» отмечает день рождения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://primorsky.ru/news/121182/>.

REFERENCES

1. *Marine transportation*. Available at: <http://www.iccwbo.ru/blog/2016/morskaya-transportirovka-vse-tonkosti-protsesta/> (accessed 12 December 2016). (In Russian).

2. *Cargo 2016: Expert forecasts*. Available at: http://crew-man.com/news/gruzo-perevozki_2016_prognozy_ekspertov.html (accessed 12 December 2016). (In Russian).

3. *The world tanker fleet*. Available at: <http://www.morvesti.ru/analytics/detail.php?ID=31948> (accessed 12 December 2016). (In Russian).

4. *Greek shipping companies tend to gas market*. Available at: <http://www.morvesti.ru/analytics/detail.php?ID=27215> (accessed 12 December 2016). (In Russian).
5. *LNG tankers: general information*. Available at: <http://lngas.ru/transportation-lng/spg-tankery.html> (accessed 12 December 2016). (In Russian).
6. *Information and Statistics Division «Mortsentr-TEK»*. Available at: <http://transrussia.net/analytics/analytics.aspx> (accessed 12 December 2016). (In Russian).
7. *The IEA raised its forecast for global oil demand in 2016*. Available at: <http://www.interfax.ru/business/498031> (accessed 12 December 2016). (In Russian).
8. *The IEA predicted a peak in global oil demand until 2040*. Available at: <http://www.rbc.ru/economics/16/11/2016/582c38249a794710e6094dfe> (accessed 12 December 2016). (In Russian).
9. *OPEC's decision was an important step towards the stabilization of the market*. Available at: <http://interfax.com.ua/news/economic/387993.html> (accessed 12 December 2016). (In Russian).
10. *Big return Russia*. Available at: <http://gosnovosti.com/> (accessed 12 December 2016). (In Russian).
11. *Energeticheskii byulleten'. Vyp. 36 : Razvitie transportirovki nefi* [Energy Bulletin. Vol. 36. The development of oil transportation]. Moscow, 2016. 31 p.
12. *IEA has lowered forecast for global demand for gas*. Available at: <http://www.rbc.ru/economics/08/06/2016/5757eae89a794778625da298> (accessed 12 December 2016). (In Russian).
13. *Energy consumption in the world will grow*. Available at: <https://rg.ru/2015/12/22/prognoz.html> (accessed 12 December 2016). (In Russian).
14. *10 world leaders in natural gas production in 2015*. Available at: <http://promtu.ru/dobyicha-resursov/lidery-po-dobyichi-gaza> (accessed 12 December 2016). (In Russian).
15. *Review of Russian LNG-projects*. Available at: <http://www.vostockcapital.com/spg/sderzhannyiy-optimizm-obzor-rossiyskih-spg-proektov> (accessed 12 December 2016). (In Russian).
16. *The oil port «Kozmino» in Primorsky Territory*. Available at: <http://smitsmitty.livejournal.com/232392.html> (accessed 12 December 2016). (In Russian).
17. *A Suburban port sent for export 1000 I Party liquefied natural gas*. Available at: <http://neftegaz.ru/news/view/135443-Cherez-Prigorodnyj-port-otpravlena-na-eksport-1000-ya-partiya-szhizhennogo-prirodnogo-gaza> (accessed 12 December 2016). (In Russian).

18. «Gazprom» announced the first tanker transportation of energy resources for SMEs in the Asia-Pacific countries. Available at: http://www.fleetmon.com/ru/vessels/Scf_Amur_28646 (accessed 12 December 2016). (In Russian).

19. Grigoryev M. *Hydrocarbon transportation problems along the Northern Sea Route*. Available at: <http://newsite.gecon.ru/wp-content/uploads/2012/10/OilGas-Journal-Russia-2012> (accessed 12 December 2016). (In Russian).

20. *Far East Plant «Zvezda» celebrates his birthday*. Available at: <http://primorsky.ru/news/121182/> (accessed 12 December 2016). (In Russian).

УДК 339.133.017:637.56(510+470)

А.А. Кравченко¹

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

E-mail: kravchenko.aa@dvfu.ru

О.О. Сергеева²

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

E-mail: sergeeva.oo@dvfu.ru

АНАЛИЗ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ НА РЫНКАХ РЫБОПРОДУКЦИИ В РОССИИ И КИТАЕ

Аннотация. В мировой международной торговле на долю рыбной продукции приходится лишь 1% в стоимостном выражении. При этом в сложившейся продовольственной ситуации человечеству всё чаще приходится обращаться к ресурсам Мирового океана как к источникам продовольствия. Более половины общемировой добычи рыбы и морепродуктов приходится на страны Азиатско-Тихоокеанского региона. Среднедушевое потребление рыбы в странах АТР имеет тенденцию к увеличению в среднем на 1,8% в год. Тихий океан, устойчиво занимая первое место в мире по добыче рыбы и морепродуктов, является основным районом международного рыболовства и играет важную роль в обеспечении продовольственной безопасности. В статье показано, что географическое расположение Приморского края по отношению к морям Тихого океана обуславливает значительную долю рыбы и рыбопродуктов в рационе жителей данного региона по сравнению с населением континентальной центральной части России. Однако это лишь направление поведения потребителей (населения регионов), проживающих на территориях, географически дифференцированно расположенных по отношению к морским акваториям. Поэтому в работе выявлены мотивационные факторы, влияющие на поведение потребителей рыбы и рыбопродуктов с позиции их предпочтений и возможностей. Представлены результаты социологического опроса российских и китайских домохозяйств, направленного на получение сведений о характеристике предпочтений

¹ Алла Анатольевна Кравченко – кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики Школы экономики и менеджмента ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

²Олеся Олеговна Сергеева – ассистент кафедры мировой экономики Школы экономики и менеджмента ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Для цитирования: Кравченко, А.А., Сергеева, О.О. Анализ потребительских предпочтений на рынках рыбопродукции в России и Китае // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2016. № 4. С. 53–65.

потребителя, приобретаемой продукции, а также оценке доступности и удовлетворённости потребителей рыбой и морепродуктами. Отмечается, что в вопросе приобретения рыбной продукции ведущую роль играют национальные традиции; если в Китае полезность продукции стоит на первом месте, то в России – на третьем. Традиционность прослеживается также и в отношении видового потребления рыбы. Ценовой фактор играет более существенную роль в возможности приобретения рыбопродукции россиянами, по сравнению с китайцами. В вопросе соотношения цены и качества россияне им не удовлетворены, китайские же респонденты считают, что цена рыбной продукции соответствует её качеству. Китайцы, по сравнению с российскими потребителями, практически имеют в два раза больше возможностей для приобретения нужных им рыбопродуктов. Это оказывает влияние на удовлетворенность потребителей качеством и ассортиментом рыбопродукции, предлагаемой на рынках.

Ключевые слова: рынок рыбопродукции, продовольственная безопасность, Азиатско-Тихоокеанский регион, потребительские предпочтения, экономическая доступность продовольствия, домохозяйство.

Alla A. Kravchenko¹

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: kravchenko.aa@dvf.u.ru

Olesya O. Sergeeva²

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: sergeeva.oo@dvf.u.ru

ANALYSIS OF CONSUMER PREFERENCES AT RUSSIAN AND CHINESE MARKETS OF FISH PRODUCTS

Abstract. Fish products account for only 1% of the international trade in terms of value. However, the current situation makes the humanity more extensively use the food resources of the Global Ocean. Countries of the Asia-Pacific Region account for over a half of the global fish and seafood yields. Average per capita consumption of fish in the

¹ Alla A. Kravchenko, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of World Economics, School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

² Olesya O. Sergeeva, Assistant of the Department of World Economics, School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

For citing: Kravchenko, Alla A., Sergeeva, Olesya O. Analysis of consumer preferences at Russian and Chinese markets of fish products // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2016. № 4. P. 53–65.

APR tends to grow by 1.8% per year on average. The Pacific Ocean, being the primary global source of fish and seafood, is the major area of international fishing activities, thus playing an important role in providing for the food security. The article shows that the geographic location of Primorsky Krai near the Pacific Ocean seas ensures a significant share of fish and seafood in the diet of the region's residents in comparison with the population of continental Russia. However, this is only a trend in the behavior of consumers (regional population) who reside on the territories in proximity to the ocean. Therefore, the article also defines the motivation factors that influence the behavior of fish and seafood consumers based on their preferences and capabilities. The work shows the results of opinion polls conducted among Russian and Chinese households and aimed at revealing the features of consumer preferences, purchased products as well as at assessing the availability and degree of satisfaction among consumers of fish and seafood. National traditions turn out to be instrumental in choosing fish products: in China, a healthy quality is the primary criterion whereas in Russia it is the third one. Traditions are also relevant in choosing the species of fish. Prices are more relevant for Russian consumers than for Chinese buyers. Russian consumers are not satisfied with the quality-to-price ratio while Chinese respondents have twice as many opportunities to buy the desired products. These factors affect the degree of satisfaction with the quality and selection of fish products offered at the markets.

Key words: fish products market, food security, Asia-Pacific Region, consumer preferences, economic accessibility of food, household.

В ряду глобальных проблем мировой экономики в современных условиях всё острее проявляется глобальная продовольственная проблема. Вопросы продовольственного обеспечения остаются актуальными на протяжении всего развития экономики как на национальном, так и на мировом уровне. В сложившейся продовольственной ситуации человечеству всё чаще приходится обращаться к ресурсам Мирового океана как источникам продовольствия, поэтому решение задачи обеспечения продовольственной безопасности с помощью биологических ресурсов Мирового океана находится под пристальным вниманием государств и международных организаций, учёных и экономистов [1].

Рыбная продукция составляет лишь 1% всей мировой международной торговли в стоимостном выражении и более 9% глобального сельскохозяйственного экспорта. В 2014 г. мировой экспорт рыбной продукции достиг 148 млрд долл., по сравнению с 8 млрд долл. в 1976 г. Объём экспорта рыбной продукции из развивающихся стран составил около 80 млрд долл., что обеспечило более высокую доходность по сравнению с экспортом мяса, табака, риса и сахара вместе взятых.

Рыба является одним из древнейших продуктов питания человечества благодаря своим ценным пищевым качествам. В её состав входят полноценные белки, содержащие все незаменимые аминокислоты и усваиваемые организмом человека на 98%, большое количество витаминов и минералов, а также легко усваиваемые жиры. Важное физиологическое значение мяса рыб определяется содержащимися в нём макро- и микроэлементами – фосфором, кальцием, калием, натрием [2]. 150 г обеспечивает около 50–60% дневной потребности взрослого человека в белках. В 2012 г. на долю рыбы приходилось около 20% процентов животного белка, потребляемого населением мира, и его доля склонна к росту. Такая тенденция открывает хорошие перспективы покрытия потребности в данном компоненте за счёт рыбных продуктов для густонаселенных стран с общим низким уровнем потребления белка [3].

Актуальность заявленной темы подтверждается не только важностью рыбопродукции как источника калорийной пищи и животного белка для большей части жителей Земли, но и сформировавшимися тенденциями, закономерностями развития мирового промышленного рыболовства и его особенностями [4].

1) Около 66% общемировой добычи рыбы и морепродуктов приходится на страны Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), среди которых на Китай приходится более 17% от мирового производства (в основном за счёт аквакультуры).

2) Среднедушевое потребление рыбы в странах АТР имеет тенденцию к увеличению в среднем на 1,8% в год. В 2013 г. среднедушевое потребление рыбы и морепродуктов в среднем достигло 30,4 кг/год на человека с достаточно сильной вариацией по странам. Наиболее высокое среднедушевое потребление рыбы показывает Республика Корея (59,3 кг/год), Япония (54,5 кг/год) и Китай (36,6 кг/год). В Китае и Республике Корея наблюдается устойчивая тенденция роста потребления в течение 2009–2013 гг. Только за последний год прирост среднедушевого потребления в этих странах составил 2,8% (Китай) и 3,0% (Республика Корея). Значительное увеличение среднедушевого потребления рыбопродукции показали Филиппины (6,6%) и Мексика (5,6%) [5].

В России среднедушевое потребление рыбы и рыбопродуктов также имеет тенденцию к увеличению. По данным Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО), среднедушевое потребление рыбы в России в 2013 г. составило 24,8 кг/год (в 2012 г. – 24 кг/год). По данным ЕМИСС (единой межведомственной информационно-статистической системы), в 2012 г. среднее потребление рыбы и рыбопродуктов на душу населения в России составило 17,1 кг [6].

3) По прогнозам, мировое производство рыбы достигнет к 2022 г. 181 млн т, что на 14,5% выше уровня 2012 г. За последнее десятилетие уровень глобального предложения рыбы превысил показатели прироста мирового населения, а рыба и морепродукты стали одним из самых ходовых пищевых товаров в мире. Промышленное рыболовство как вид экономической деятельности стало играть всё боль-

шую роль в обеспечении продовольственной безопасности населения и в развитии многих прибрежных районов [5].

4) Тихий океан устойчиво занимает первое место в мире по добыче рыбы и морепродуктов (в нём добывается более 50 %) и является основным районом международного рыболовства [7]. Это обуславливает возможность покрытия роста потребности в продовольствии стран АТР за счёт продуктов рыболовства, что, как было показано выше, и наблюдается в реальном времени. Таким образом, рыба и морепродукты занимают значительную часть в рационе питания населения приморских регионов, расположенных на берегу Японского моря и имеющих свободный выход в Тихий океан, что играет важную роль в обеспечении их продовольственной безопасности.

Данная тенденция достаточно хорошо подтверждается статистическими данными соотношения потребления мяса и мясопродуктов с потреблением рыбы и рыбопродуктов на примере одного из типичных приморских регионов российского Дальнего Востока – Приморского края. Сравнение графиков среднего потребления мяса и мясопродуктов в Приморском крае и в Российской Федерации в целом (рис. 1) показывает, что в Приморском крае оно было ниже, чем в России. В 1990–2006 гг. эта разница составляла 8 кг/год на чел., затем разрыв стал сокращаться, и в 2012 г. потребление мяса и мясопродуктов в Приморском крае составило 75 кг на чел., а в России – 74 кг на чел.

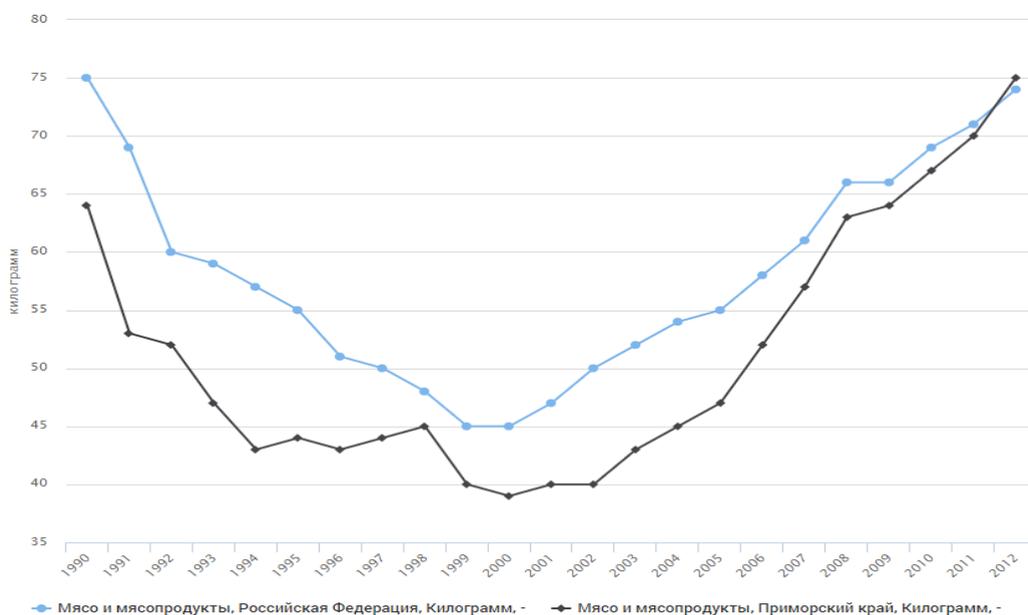


Рис. 1. Графики потребление мяса и мясопродуктов в Приморском крае и Российской Федерации на душу населения, кг/год [6]

Противоположная закономерность просматривается при сравнении потребления рыбы и рыбопродукции в сопоставляемых регионах. Согласно графикам (рис. 2), среднее потребление рыбы и рыбопродуктов в Приморском крае в 1990–2012 гг. превышало потребление по Российской Федерации на 15 кг/год на чел. В 2012 г. потребление рыбы и рыбопродуктов в Приморском крае составило 30,9 кг на чел., в России – 17,1 кг на чел.

Таким образом, географическое расположение Приморского края по отношению к морям Тихого океана обуславливает значительную долю рыбы и рыбопродуктов в рационе жителей данного региона по сравнению с населением континентальной центральной части России.

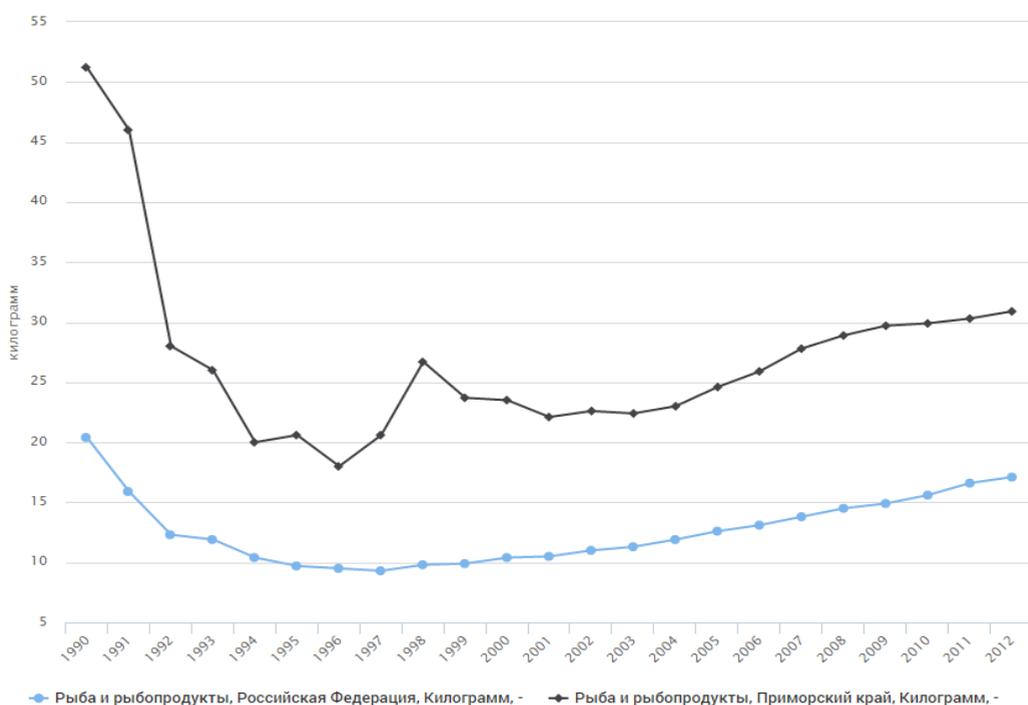


Рис. 2. Потребление рыбы и рыбопродуктов в Приморском крае и Российской Федерации на душу населения, кг/год [6]

Однако полученный выше результат показывает лишь направление поведения потребителей (населения регионов), проживающих на территориях, географически разно расположенных по отношению к морским акваториям. Поэтому представляет интерес выявление мотивационных факторов, влияющих на поведение потребителей рыбы и рыбопродуктов, с позиции их предпочтений и возможностей.

С целью выявления факторов, влияющих на поведение потребителей, был проведён социологический анкетный опрос респондентов с целью выявления факторов, влияющих на их потребительские предпочтения в отношении рыбы и рыбопродукции. Отметим, что опросы в домохозяйствах регулярно проводятся во многих странах АТР, их роль неоспорима в получении полезных данных, характеризующих различные аспекты, связанные с предложением и потреблением рыбы и морепродуктов, предпочтений жителей городов и сельских районов и т.д.

В опросе приняли участие 121 российское и 113 китайских домохозяйств. Анкета включала четыре части (22 вопроса).

1. Характеристика потребителя.
2. Характеристика предпочтений потребителя.
3. Характеристика приобретаемой продукции.
4. Оценка доступности и удовлетворенности потребителей рыбой и морепродуктами.

В результате обработки анкетных данных были получены результаты, отражающие:

- доли дохода семей, затрачиваемой на приобретение рыбы и морепродуктов;
- отношение потребителей к определенным видам рыбной продукции;
- регулярность и объёмы приобретения рыбной продукции и морепродуктов;
- отношение к производителям рыбных продуктов;
- оценку доступности и удовлетворённости потребителей рыбой и морепродуктами.

Состав респондентов. В анкетировании с обеих сторон приняли участие специалисты, в большинстве своём окончившие высшие учебные заведения и не занимающие руководящих должностей (54 %). Как в Китае, так и в России на дату опроса только 66% респондентов имели семью из трёх человек. Более 70 % опрошенных тратили на покупку продовольствия до 40% дохода семьи.

Предпочтения респондентов. В Китае 49 % потребителей приобретают рыбную продукцию, считая её полезной, в России – 26%. Для 40% российских респондентов основная причина покупки рыбной продукции – личные предпочтения (рис. 3). Анализируя диаграммы рис. 3, можно отметить различия подходов россиян и китайцев к приобретению рыбных товаров, обусловленные национальными традициями. Например, россияне: люблю – значит покупаю, китайцы: полезно – покупаю и т.д., что отражает различие шкал ценностей живущих по соседству народов по простой, казалось бы, проблеме.

В Китае большая часть респондентов предпочитает приобретать свежую рыбу, из них 44% покупают её один раз в месяц, 33% приобретают мороженую рыбу 2-4 раза в год, 35 % – рыбу не покупают. В России свежей рыбе предпочитают мо-

роженую: 22% опрошенных свежую рыбу не приобретают, 82% приобретают мороженую рыбу от одного раза в месяц до 1-2 раз в неделю.

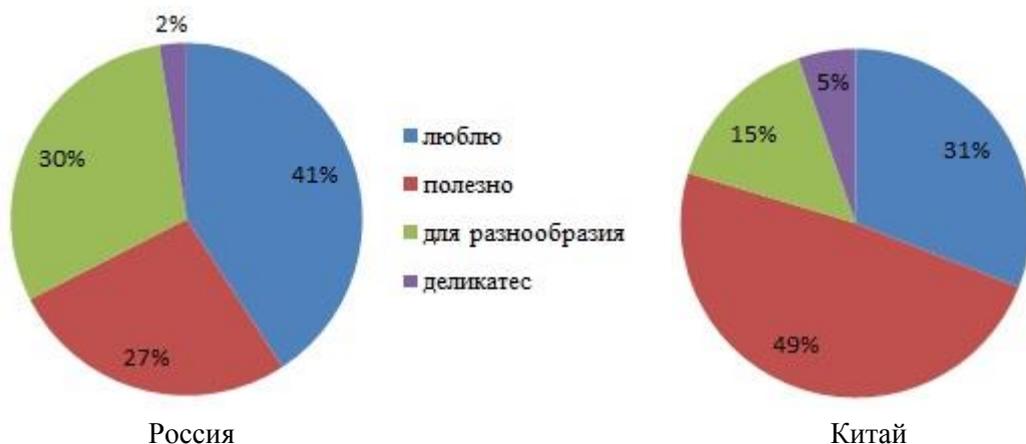


Рис. 3. Критерии приобретения рыбной продукции в России и Китае

Значительная дифференциация предпочтений прослеживается в отношении видов приобретаемой продукции. Среди российских респондентов наиболее популярными видами рыбы являются кета, горбуша, сельдь, навага. Большинство же китайских респондентов предпочитают приобретать морской окунь, треску, палтус (рис. 4).

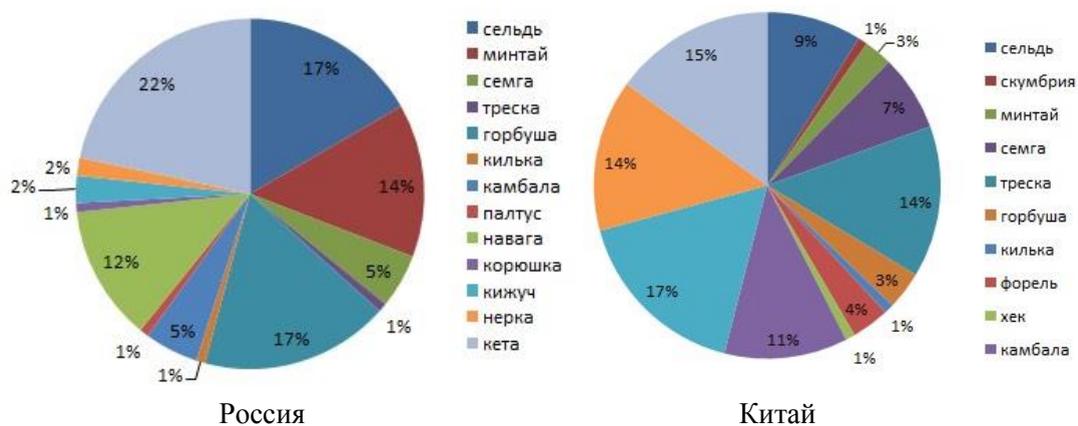


Рис. 4. Видовые предпочтения рыбной продукции в России и Китае

Морепродукты в Китае приобретают чаще, чем в России, в которой 63 % опрошенных вообще их не приобретают. Из 72 % китайских респондентов, приобретающих свежие морепродукты, треть из них покупает морепродукты 2-4 раза в год, треть – 2 раза в месяц и треть – 1-2 раза в неделю. Мороженые морепродукты особым спросом там не пользуются. В Китае большей популярностью пользуются креветки, 65% опрошенных приобретают их в первую очередь, в России – кальмар, 77 % респондентов из всех видов морепродуктов покупают именно его.

Рыбные консервы наиболее популярны в России, 34 % россиян приобретают их 2 раза в месяц, в Китае 55% опрошенных их вообще не приобретают.

Ценовой фактор. 46% россиян приобретают свежую (свежемороженую) рыбу в среднем по цене от 150 до 200 руб./кг, и практически никто её не покупает по цене свыше 400 руб./кг (рис. 5). При этом введение продовольственного эмбарго никак не повлияло на частоту приобретаемой рыбной продукции. Напротив, в Китае большая часть респондентов (более 60%) приобретают рыбную продукцию по цене свыше 400 руб./кг.

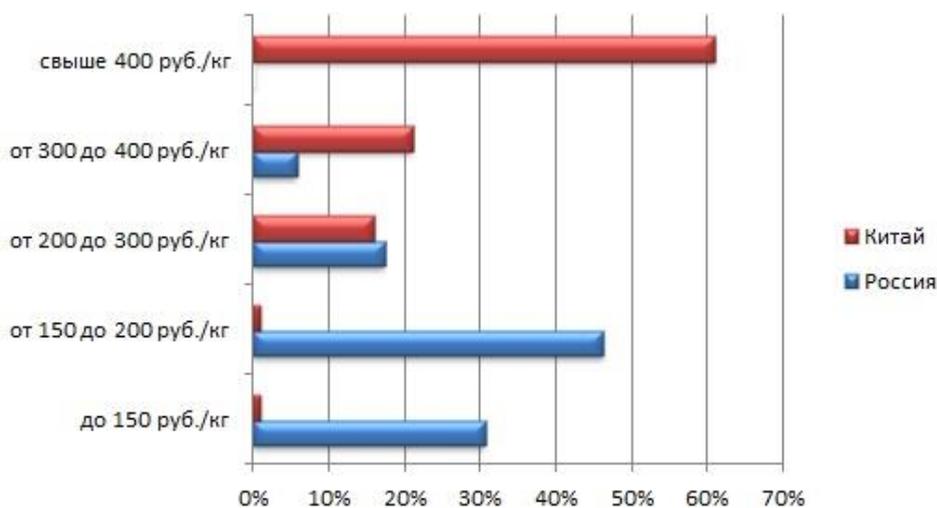


Рис. 5. Ценовые предпочтения респондентов России и Китая, приобретающих рыбную продукцию

Мнение респондентов двух стран относительно цен на рыбную продукцию существенно различается в разных регионах. В России большая часть опрошенных (64 %) считает, что стоимость рыбной продукции в их регионе выше, чем в других регионах, в Китае – 20 %. В вопросе соотношения цены и качества – 73% россиян им не удовлетворены, китайские респонденты считают, что цена рыбной продукции соответствует её качеству (рис. 6).

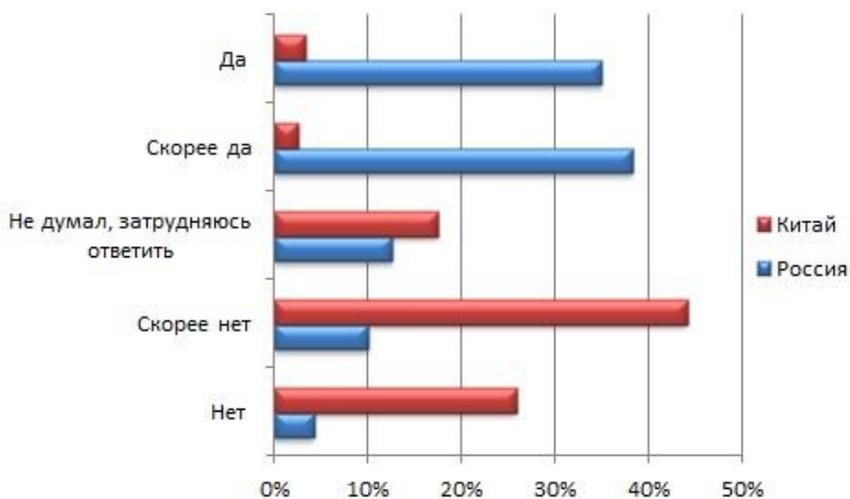


Рис. 6. Мнения респондентов России и Китая по соотношению цены и качества рыбной продукции

Фактор территории приобретения. 48% китайцев приобретают рыбную продукцию на рынках, в России лишь каждый пятый (рис. 7). 36% россиян предпочитают покупать свежую рыбу у частного рыбака или в фирменном магазине.

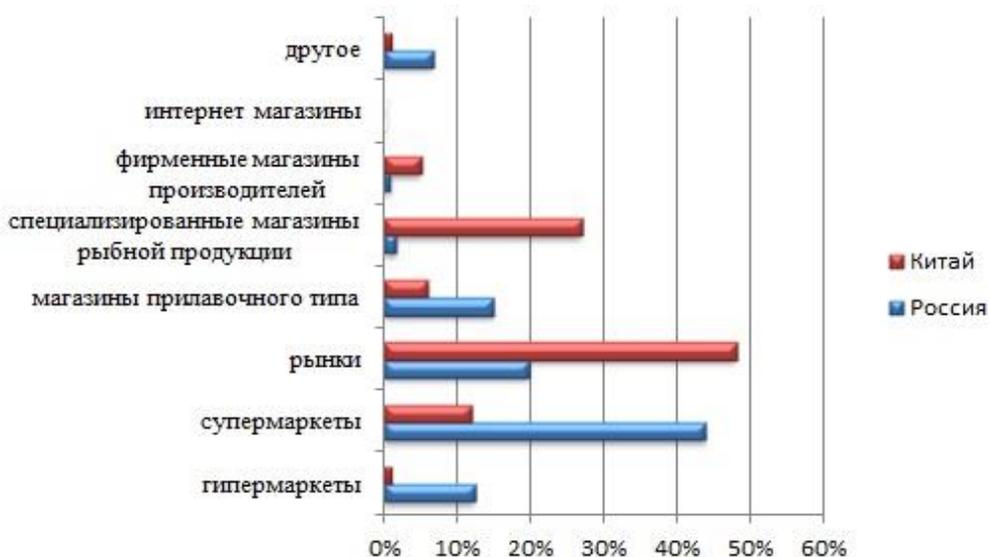


Рис. 7. Иерархия мест приобретения рыбной продукции в России и Китае

Фактор доступности и удовлетворенности. 70% респондентов Китая всегда могут купить нужные им рыбопродукты, в России только у 38 % респондентов желания совпадают с возможностью их приобретения (рис. 8).

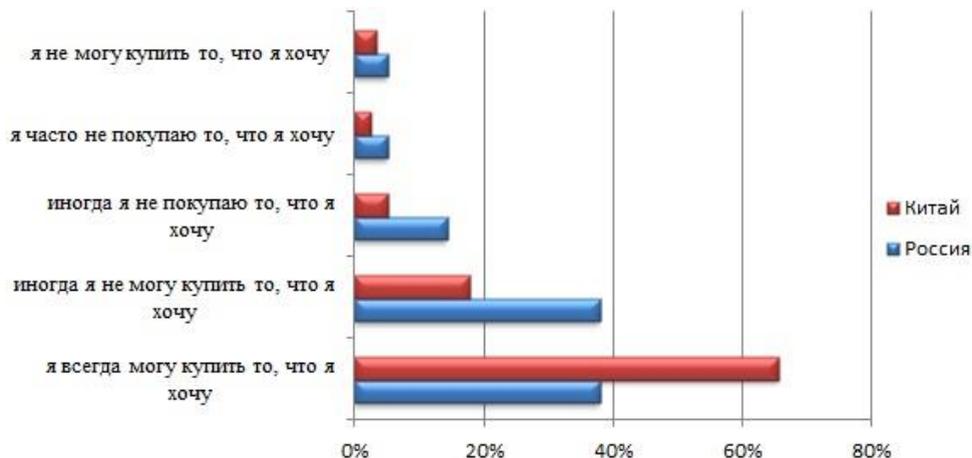


Рис. 8. Доступность рыбопродукции в России и Китае

Что касается удовлетворенности качеством приобретаемой рыбной продукции, то можно считать, что как в Китае, так и в России большее количество респондентов удовлетворены её качеством (80% и 46% соответственно).

Ассортимент предлагаемой рыбной продукции предприятиями розничной торговли удовлетворяет только почти половину россиян (48 % – «да», 44 % – «нет»). 77 % китайцев устраивает ассортимент рыбных продуктов.

У россиян не сложилось единого мнения о доминанте рыбной продукции или мясной (какая из них полезней?), 37 % китайцев считают рыбную продукцию полезнее мясной продукции. Так же нет единого мнения о содержании генетически модифицированного организма (ГМО) в рыбной продукции. 52 % китайцев приобретают рыбную продукцию потому, что считают, что она не содержит ГМО, 32 % россиян при покупке рыбной продукции вообще не обращают внимания на ГМО.

Выводы

Опрос респондентов Китая и России по их удовлетворенности в сфере обеспечения рыбной продукцией и морепродуктами дал следующие результаты.

1) В вопросе приобретения рыбной продукции ведущую роль играют национальные традиции; если в Китае полезность продукции стоит на первом месте, то в России – на третьем. Традиционность также прослеживается и в отношении видового потребления рыбы: для россиян – это кета, горбуша, сельдь, навага; для ки-

тайских респондентов – морской окунь, треска, палтус. Исходя из критерия полезности, китайцы чаще россиян приобретают морепродукты (популярны креветки), у россиян – кальмар.

2) Ценовой фактор играет существенную роль в возможности приобретения ценной рыбопродукции россиянами (палтуса, трески, сёмги и т.п.) по сравнению с китайцами, из которых 60% готовы платить 400 руб./кг, против 150–200 руб./кг – у россиян. В вопросе соотношения цены и качества: 73% россиян им не удовлетворены, китайские респонденты считают, что цена рыбной продукции соответствует её качеству.

3) Китайцы, по сравнению с российскими респондентами, имеют практически в два раза больше возможностей для приобретения нужных им рыбопродуктов. Это оказывает влияние на удовлетворенность качеством и ассортиментом предлагаемой на рынках рыбопродукции: почти 50% россиян ими не удовлетворены, по сравнению с 20 % китайцев.

Среднедушевое потребление рыбы в странах АТР имеет тенденцию к увеличению в среднем на 1,8% в год и достигло 30,4 кг/год на человека с достаточно сильной вариацией по странам [8]. Аналогичная тенденция характерна и для России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ковалёв, Е. Н. Мировая продовольственная проблема: новые аспекты // Мировая экономика и международные отношения. – 2013. – № 9. – С. 53–59.
2. Состояние мирового рыболовства и аквакультуры 2014: Ежегодный сборник ФАО [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fao.org/3/a-i3720e.pdf>.
3. Козырев, В. М. Роль ФАО в борьбе мирового сообщества с голодом и недоеданием / В.М. Козырев // Мир и политика. – 2011. – № 5. – С. 105–110.
4. Ухалова, Т. С. Особенности и тенденции развития Мирового промышленного рыболовства // Азиатско-Тихоокеанский регион : экономика, политика, право. – 2015. – № 1 (34). – С. 45–58.
5. Анализ развития мирового рыболовства [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fish-collection.com>.
6. Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС) [Электронный ресурс]. – <https://www.fedstat.ru/>.
7. Размещение рыбопродуктивных зон Тихого океана [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.zdorovoe.com/tag/tixij-okean>.
8. Основные аспекты специальных исследований: ежегодный сборник ФАО. Ч. 3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fao.org/3/a-i3720r/i3720r03.pdf>.

REFERENCES

1. Kovalev E.N. World Food Problem: new aspects. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2013, vol. 9, pp. 53–59. (In Russian).
2. *The State of World Fisheries and Aquaculture 2014: annual collection of FAO*. Available at: <http://www.fao.org/3/a-i3720e.pdf> (accessed 20 September 2016). (In Russian).
3. Kozyrev V.M. FAO role in the struggle of the world community against hunger and malnutrition. *Mir i politika*, 2011, vol. 5, pp. 105–110. (In Russian).
4. Uhalova T.S. Features and trends in the world of industrial fishing. *Aziatsko-Tikhookeanskii region: ekonomika, politika, pravo = PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*, 2015, vol. 1 (34), pp. 45–58. (In Russian).
5. *Analysis of world fisheries development*. Available at: <http://fish-collection.com> (accessed 02 November 2016). (In Russian)
6. *Unified interdepartmental information and statistical system (EMISS)*. Available at: <http://www.fedstat.ru/> (accessed 15 November 2016).
7. *Placing the fish productivity of the Pacific Ocean areas*. Available at: <http://www.zdorovoe.com/tag/tixij-okean> (accessed 10 September 2016). (In Russian).
8. *The main aspects of the special studies: an annual compendium of FAO, part 3*. Available at: <http://www.fao.org/3/a-i3720r/i3720r03.pdf> (accessed 26 September 2016). (In Russian).

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION

УДК 342.572(470+5:265)

В.А. Шеховцов¹

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

E-mail: parlament6348@mail.ru

Е.Д. Евсеенко²

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

E-mail: evseenko.lawyer@gmail.com

К ВОПРОСУ О НАРОДНОЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ИНИЦИАТИВЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И СТРАНАХ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА

Аннотация. Законодательный процесс является одним из основных конституционно-правовых институтов современного демократического государства. В общем виде он определяется как система процедур и действий, итогом которых является создание закона. Народная законодательная инициатива представляет собой форму непосредственного осуществления гражданами государственной власти посредством внесения законопроекта или законопредложения с целью последующего принятия парламентом нормативного правового акта. Развитие партнёрских отношений России со странами Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) обуславливает необходимость изучения их правовых систем. Осмысление новых правовых явлений, основных закономерностей позволяет использовать новейший зарубежный опыт в реалиях рос-

¹ Виктор Афанасьевич Шеховцов, кандидат юридических наук, профессор кафедры конституционного и административного права Юридической школы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия.

² Екатерина Дмитриевна Евсеенко, аспирант кафедры конституционного и административного права Юридической школы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия.

Для цитирования: Шеховцов, В.А., Евсеенко, Е.Д. К вопросу о народной законодательной инициативе в Российской Федерации и странах Азиатско-Тихоокеанского региона // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2016. № 4. С. 66–76.

сийского государства. По мнению авторов, изучение и обобщение опыта стран Азиатско-Тихоокеанского региона позволит развить и эффективно применять институт народной законодательной инициативы в условиях российского государства. В статье рассматриваются различные модели народной законодательной инициативы в правотворческой практике государств Азиатско-Тихоокеанского региона, анализируются основные элементы механизма реализации гражданами своего права на инициативу (на примере отдельных государств АТР), предлагается законодательно закрепить рассматриваемый институт на федеральном уровне в Российской Федерации. Полученные авторами выводы имеют несомненное значение для повышения эффективности законодательного процесса, поскольку изучение отдельных его особенностей, заимствование положительного опыта с учётом специфических черт конкретного государства может стать важнейшим шагом на пути совершенствования законодательной деятельности парламентов.

Ключевые слова: Азиатско-Тихоокеанский регион, демократический институт, закон, законодательный процесс, законодательное предложение, законопроект, конституция, краудсорсинг, народное голосование, народная законодательная инициатива, народовластие, общественная инициатива, парламент, петиционный референдум, прямая демократия, референдум.

Victor A. Shekhovtsov¹

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: parlament6348@mail.ru

Ekaterina D. Evseenko²

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: evseenko.lawyer@gmail.com

PEOPLE'S LEGISLATIVE INITIATIVE IN THE RUSSIAN FEDERATION AND COUNTRIES OF THE ASIA-PACIFIC REGION

Abstract. The legislative process is a fundamental constitutional institution of a modern democratic state. In general terms, it is defined as a system of procedures and actions necessary for the creation of a law. The people's legislative initiative is a form of direct public authority exercised by citizens through the introduction of a bill to subsequent adoption by parliament. Development of partnership relations between Russia and countries of the Asia-Pacific Region makes it necessary to study their legal systems. Understanding new legal phenomena and the basic patterns allows us to use the latest international experience within the realities of the Russian state. According to the authors, the study and generalization of the experience of Asia-Pacific countries will allow to develop and effectively implement the people's legislative initiative institute into the conditions of the Russian state. The article discusses different models of people's legislative initiative in law-making practice of the Asia-Pacific countries, it annualizes the main elements of an implementation mechanism for the citizens' right to propose a bill. It is suggested to stipulate the same institution in the Russian law at a federal level. These conclusions of the author's research are of undoubted importance to the effectiveness of the Russian legislative process, as the study of its individual features, borrowing positive experience, taking into account the specific features of a particular state can be an important step towards improving the legislative activities of parliaments.

Keywords: Asian Pacific Region, democratic institutions, law, legislative process, legislative proposal, bill, constitution, crowdsourcing, popular vote, people's legislative

¹ Victor A. Shekhovtsov, Candidate of Legal Sciences, Professor of Constitutional and Administrative Law Department Law School Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

² Ekaterina D. Evseenko, Postgraduate of Constitutional and Administrative Law Department Law School Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

For citing: Shekhovtsov, Victor A., Evseenko, Ekaterina D. People's legislative initiative in the Russian Federation and countries of the Asia-Pacific region // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2016. № 4. P. 66–76.

initiative, democracy, social initiative, parliament, referendum petition, direct democracy, referendum.

В современном мире одним из обязательных условий развития демократического государства является правовое обеспечение институтов народовластия. В этой связи предпринимаются попытки создания такой модели правления, в рамках которой народ будет эффективно использовать своё право на участие в осуществлении власти.

В странах Азиатско-Тихоокеанского региона наиболее важные параметры демократической государственности нашли отражение в конституциях. Российская Федерация в 1993 г. была провозглашена правовым государством, в котором носителем суверенитета и единственным источником власти является его многонациональный народ, который осуществляет принадлежащие ему полномочия как непосредственно, так и через своих представителей (ч. 1 ст. 1, ч. 1, 2 ст. 3 Конституции). «Суверенитет принадлежит Нации, которая делегирует его осуществление властям» – гласит Конституция Республики Чили, принятая в 1980 г. Аналогичные нормы содержатся в конституциях Филиппин, Перу, США, Эквадора, а также в конституционных актах Канады, Австралийского Союза и Новой Зеландии.

Мировая практика знает разные формы прямой демократии. Следует различать институты непосредственного осуществления власти народом (например, референдум, выборы, отзыв) и институты участия граждан в управлении делами государства (народная инициатива, петиции, сход избирателей и т.д.). Последние, выступая формой сотрудничества власти и народа, носят консультативный характер [17, р. 125–127].

В настоящее время значение такого рода институтов в механизме принятия государственных решений недооценивается, в связи с чем в юридической науке предлагается закрепить их конкретные формы в конституционно-правовых актах [3]. Остаётся актуальным вопрос развития института народной законодательной инициативы на общегосударственном уровне.

Народная инициатива как право на обращение в органы власти имеет многовековую историю развития. Возникнув как естественная реакция отдельных слоёв населения на деспотизм авторитарной власти, первоначально она существовала как стихийное социальное движение и только позже получила правовое закрепление, соответствующее национально-политическим и историческим особенностям тех или иных государств [7]. Первые формы реализации народной законодательной инициативы, содержащие минимальные требования к численности инициативной группы, уходят корнями в античность. В Спарте на протяжении трёх столетий действовал закон Ликурга, согласно которому каждый свободный гражданин мог вы-

ступить с законодательной инициативой. Однако в случае, если законопроект не принимался большинством, инициатора казнили [5, с. 149–152].

Впервые в современном виде институт народной законодательной инициативы появляется в Соединенных Штатах Америки в связи с принятием в 1715 г. закона штата Массачусетс, закрепившего право населения выдвигать соответствующие инициативы на местном уровне [6].

Народная законодательная инициатива – форма непосредственного осуществления гражданами государственной власти посредством внесения предложения либо проекта нового закона, проекта об отмене или изменении ранее принятых законов с целью последующего принятия нормативного акта парламентом соответствующего уровня [16, р. 10].

В настоящее время институт народной законодательной инициативы широко известен во многих странах мира и нормативно закреплён. В Азиатско-Тихоокеанском регионе на государственном уровне он действует в Перу, Колумбии, на Филиппинах. На региональном уровне право народной законодательной инициативы закреплено конституциями 24 американских штатов, правовыми актами некоторых субъектов Российской Федерации.

Как известно, согласно ч. 1 статьи 104 Конституции Российской Федерации правом законодательной инициативы обладают Президент, Совет Федерации, члены Совета Федерации, депутаты Государственной Думы, Правительство Российской Федерации, законодательные (представительные) органы субъектов РФ, а также Конституционный и Верховный суды России по вопросам их ведения. Ответственные организации, отдельные граждане, лишённые данного права, могут вносить свои инициативные законопроекты только через посредников – уполномоченных на то субъектов [12, с. 229–230].

Таким образом, в Конституции РФ народная законодательная инициатива не получила своего закрепления. Однако это не означает полного отрицания законодателем такого права граждан и возможности его реализации на общегосударственном уровне. Непосредственное осуществление власти народом является основой конституционного строя нашего государства, в связи с чем имеется возможность закрепить право народной законодательной инициативы, механизм и процедуры его осуществления в федеральном законе. Следует согласиться с мнением профессора С.А. Авакьяна о том, что с принятием федеральных законов о референдуме и выборах народная инициатива фактически стала конституционно-правовым институтом [4, с. 280].

Примечательно, что в данном случае региональное законодательство значительно опережает федеральное, что совсем нетипично для отечественной правовой системы. Нормативной основой является Федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «Об общих принципах организации законодательных

(представительных) и исполнительных органов власти субъектов Российской Федерации», согласно которому право законодательной инициативы может быть предоставлено общественным объединениям, а также гражданам, проживающим на территории данного региона.

В настоящее время конституции (уставы) около половины субъектов РФ закрепляют за гражданами это право. Отсутствие федерального правового регулирования рассматриваемого института открыло для регионов свободу творчества, что привело к значительному разнообразию определений этой формы демократии в субъектах Федерации. Народная законодательная инициатива именуется также «народная законотворческая инициатива» (Иркутская, Амурская, Мурманская области), «народная правотворческая инициатива» (Липецкая, Ярославская области), «народная инициатива (граждан)» (Томская область, Красноярский край), «законодательная инициатива граждан» (Смоленская, Омская области). Несмотря на значительный разброс, в основу большинства региональных подходов легли основные принципы, заимствованные из практики зарубежных стран, в том числе стран Азиатско-Тихоокеанского региона.

В Приморском крае право законодательной инициативы принадлежит общественным организациям, представителям профсоюзов, оно по своей природе не является народным. В данном случае речь идёт об общественной законодательной инициативе.

В практике государств АТР можно выделить различные варианты народной законодательной инициативы. Суть первой модели сводится к тому, что инициативные предложения граждан выносятся на народное голосование, минуя парламент. Рассматриваемый вариант, совмещающий в себе элементы сразу двух институтов непосредственной демократии – народной законодательной инициативы и референдума, носит название «петиционный референдум» [10, с. 133]. Подобный механизм предусмотрен конституциями ряда американских штатов (Калифорния, Арканзас и др.) и проводится по требованию определенного числа избирателей, подписавших петицию о принятии, отмене или изменении закона.

Законодательные инициативы граждан могут вноситься в представительный орган для предварительного обсуждения с последующим народным голосованием. Как и в первом случае, решающая роль принадлежит гражданам. Однако парламент занимает более значимые позиции, поскольку появляется обязательная стадия законодательного процесса – рассмотрение инициативы представительным органом. Он располагает весомыми рычагами воздействия на ход рассмотрения инициативы и принятия по ней решения [8]. Парламент может затянуть рассмотрение вопроса в процессе его обсуждения, потребовать от избирателей собрать дополнительные подписи, представить альтернативный законопроект. Такая модель применяется в 8 субъектах США, причем в 5 из них законодательные органы должны представить

на референдум свой альтернативный законопроект. Аналогичный механизм предусмотрен законодательством Эквадора [15], в соответствии с которым парламент наделён правом разработать свой контрпроект.

В странах Азиатско-Тихоокеанского региона широкое распространение получил вариант, когда инициативы граждан вносятся в представительный орган, который самостоятельно рассматривает и принимает по ним решения. Такой порядок предусмотрен в законодательстве ряда государств АТР (Республика Перу, Королевство Таиланд, Республика Колумбия, Австралийский Союз, Республика Филиппины и др.). Здесь решающая роль отводится парламенту, и в этой связи рассматриваемая модель представляет собой этап классического парламентского законодательного процесса – стадию законодательной инициативы, где главным актором выступает народ.

Законодательные акты ряда стран Азиатско-Тихоокеанского региона устанавливают, что для внесения гражданами проекта закона нужно собрать определенное число подписей избирателей, подлинность которых подвергается проверке и удостоверяется нотариусом или иными уполномоченными должностными лицами. Для определения легитимного количества собранных подписей применяются два метода: в виде указания абсолютного числа граждан, которые должны выступить в поддержку выдвигаемой инициативы, либо путём установления процентного соотношения от числа зарегистрированных избирателей. В Таиланде законопроект может быть внесён избирателями численностью не менее чем 10 тыс. [1]. В Республике Эквадор установлен минимальный барьер 8 % от общего числа зарегистрированных избирателей (ст. 105 Конституции 2008 г.).

Количество собранных подписей может варьироваться как в численном, так и в процентном соотношении. Например, в Перу для того, чтобы представить проект закона в Парламент в форме народной законодательной инициативы, необходимо собрать не менее 50 тыс. подписей избирателей страны [2]. Согласно Конституции Республики Колумбия 1991 г. законопроект вносится гражданами в количестве, равном или превышающем 5 % от общего числа зарегистрированных избирателей [14].

Право законодательной инициативы в государствах АТР может быть реализовано в форме законодательного предложения или готового законопроекта. Теоретическое различие между ними следует из буквального смысла терминов: первый вариант представляет собой концепцию будущего закона, второй предполагает наличие текста со всеми обязательными атрибутами, «то есть законодательное предложение отличается более облегченной формой реализации» [11, с. 61]. Например, Конституция Королевства Таиланд предусматривает возможность внесения гражданских инициатив как в форме предложений, так и в форме проекта. В свою очередь, в странах Латинской Америки (Колумбия, Перу, Эквадор), где

народная законодательная инициатива закреплена на государственном уровне, она может быть внесена только в виде готового законопроекта.

Содержательную сторону народной законодательной инициативы составляет круг вопросов, по которым она может осуществляться. Анализ законодательства стран Азиатско-Тихоокеанского региона позволяет классифицировать вопросы, по которым не допускается внесение народных законопроектов: налогообложение, амнистия, бюджетный процесс, внешняя политика и конституционное реформирование. Хотя в ряде стран какие-либо запреты отсутствуют. Например, Конституция Колумбии не закрепляет ограничения реализации гражданами своего права законодательной инициативы.

Следует отметить, что некоторым государствам АТР не известен институт народной законодательной инициативы, и тому есть вполне объективные причины. В Конституции Индии отсутствует право народа на референдум и законодательную инициативу, что объясняется высоким уровнем неграмотности населения. В странах с социалистическим политическим режимом (например, Вьетнам) народная инициатива присутствует в усечённой форме, такое право предоставлено отдельным общественным организациям.

Сравнительно-правовое исследование актов стран Азиатско-Тихоокеанского региона позволяет сделать ряд выводов, свидетельствующих о позитивном опыте развития рассматриваемого института. Прежде всего, в законодательстве государств АТР институту народной законодательной инициативы посвящены отдельные разделы конституций или отдельные нормативные правовые акты (например, в Колумбии, на Филиппинах). Предпринятая в нашей стране попытка урегулирования всего комплекса возникающих отношений в укрупненных федеральных законах, например об избирательных правах граждан или праве на референдум, не может быть признана удачной, поскольку по существу регулируются лишь процедурные вопросы подготовки голосования, а не сам законотворческий процесс [8].

Детальной регламентации требует предмет народной законодательной инициативы. На наш взгляд, перечень вопросов, по которым может быть выдвинуто предложение, должен быть закрытым, иначе рассматриваемое право может превратиться в политический инструмент давления.

В России на федеральном уровне предприняты первые шаги на пути к становлению института народной законодательной инициативы. Президентом изданы Указ от 07 мая 2012 г. № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления» и Указ от 04 марта 2013 г. № 183 (ред. от 23.06.2014) «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами РФ с использованием интернет-ресурса «Российская общественная инициатива». В настоящее время на специализированной интернет-площадке возможно публичное размещение предложений граждан, адресованных государственным органам. Если

за предложение «виртуально» проголосуют не менее 100 тыс. граждан в течение одного года, оно направляется в рабочую группу для проведения экспертизы и принятия решения о целесообразности разработки проекта соответствующего нормативного правового акта [9]. На сегодняшний день на портале «Российской общественной инициативы» зарегистрировано 8 950 предложений, двадцать три из которых уже были реализованы.

Следует согласиться с авторами, которые полагают, что данная новелла по существу является введением народной законодательной инициативы, однако в чисто юридическом смысле различие ощутимо [11]. При всесторонней законодательной регламентации именно краудсорсинг, на наш взгляд, может стать одним из ведущих средств реализации народных законодательных инициатив в Российской Федерации.

Дальнейшее изучение богатого зарубежного опыта правового регулирования народной законодательной инициативы позволит более глубоко понять природу рассматриваемого института, его роль в современном мире, механизм реализации и в результате усовершенствовать нормы российского законодательства и практику их применения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Королевства Таиланд от 24 августа 2007 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sunset-city.com/konstituciya-korolevstva-tayland>.
2. Конституция Республики Перу от 29 декабря 1993 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: worldconstitutions.ru/?p=534.
3. Авакьян, С. А. Гарантированное народовластие. Десять причин для конституционных реформ в России [Электронный ресурс] // Независимая газета. – 2012. – 16 октября. – Режим доступа: http://www.ng.ru/ng_politics/2012-10-16/15_narodovlastie.html.
4. Авакьян, С. А. Федеральное Собрание – парламент России / С. А. Авакьян. – М., 1999. – 432 с.
5. Графский, В. Г. Всеобщая история права и государства : учебник для вузов / В. Г. Графский. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма, 2007. – 752 с.
6. Зиммерман, Дж. Прямая демократия в Соединенных Штатах Америки: опыт и проблемы // Вестник МГУ. Сер. : Право. – 1991. – № 5. – С. 46–55.
7. Комарова, В. В. Народная правотворческая инициатива (история и практика регулирования в регионах) // Юрист. – 1999. – № 1. – С. 33–38.
8. Руденко, В. Н. Институт народной правотворческой инициативы // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской Академии наук. Вып. 2. – Екатеринбург : УрО РАН, 2001. – С. 303–342.

9. Рукавишникова, И. В. Гражданская инициатива как инструмент гражданского общества // Наука и образование; хозяйство и экономика; право и управление. – 2014. – № 3. – С. 66–70.
10. Синцов, Г. В. Современные конституционно-правовые модели института референдума в зарубежных странах : дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2009. – 383 с.
11. Чеботарев, Г. Н. Гражданская законодательная инициатива как форма осуществления населением государственной власти / Г. Н. Чеботарев, К. А. Иванова // Конституционное и муниципальное право. – 2013. – № 3. – С. 59–64.
12. Шеховцов, В. А. Развитие парламентаризма в России. Кн. первая / В. А. Шеховцов. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2006. – 279 с.
13. Интернет-портал «Российская общественная инициатива». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.roi.ru/>.
14. Constitution of Colombia on July 4, 1991 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://confinder.richmond.edu/admin/docs/colombia_const2.pdf.
15. Constitution of Ecuador on October 20, 2008. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.wipo.int/edocs/lexdocs/laws/es/ec/ec030es.pdf>.
16. Gregorczyk, H. Citizen Initiated Referenda / H. Gregorczyk. – Brisbane : Queensland Parliamentary Library, 1998. – 44 p.
17. Heywood, A. Key concepts in politics / A. Heywood. – NY : Palgrave Macmillan, 2010. – 293 p.

REFERENCES

1. *The Constitution of the Kingdom of Thailand, August 24, 2007*. Available at: <http://sunset-city.com/konstituciya-korolevstva-tayland> (accessed 12 December 2016). (In Russian).
2. *The Constitution of the Republic of Peru, December 29, 1993*. Available at: worldconstitutions.ru/?p=534 (accessed 12 December 2016). (In Russian).
3. Avakyan S.A. Guaranteed democracy. Ten reasons for a constitutional reform in Russia. *Nezavisimaya Gazeta*, 2012, 16 Oct. Available at: http://www.ng.ru/ng_politics/2012-10-16/15_narodovlastie.html (accessed 12 December 2016). (In Russian).
4. Avakyan S.A. *Federal'noe Sobranie – Parlament Rossii* [Federal Assembly – the Parliament of Russia]. Moscow, 1999. 432 p.
5. Grafsky V.G. *Vseobshchaya istoriya prava i gosudarstva* [The universal history of law and state: Textbook for universities]. 2nd ed., revis. and enlarg. Moscow: Norma Publ., 2007. 752 p.
6. Zimmerman G. Direct democracy in the United States of America: experience and problems. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Pravo*, 1991, no.5, p. 46–55. (In Russian).

7. Komarova V.V. The people's legislative initiative (the history and practice of regulation in regions). *Yurist*, 1999, no.1, p. 33–38. (In Russian).
8. Rudenko V.N. Institute of national legislative initiatives. *Nauchnyi ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossiiskoi Akademii nauk* [Scientific Yearbook of the Institute of philosophy and law Ural branch of the Russian Academy of Sciences]. Vol. 2. Ekaterinburg, 2001, p. 303–342. (In Russian).
9. Rukavishnikova I.V. Civil initiative as a tool for civil society. *Nauka i obrazovanie; khozyaistvo i ekonomika; pravo i upravlenie*, 2014, no. 3, p. 66–70. (In Russian).
10. Sintsov G.V. *Sovremennyye konstitutsionno-pravovyye modeli instituta referendum v zarubezhnykh stranakh* [Modern constitutional and legal model of the institution of the referendum in foreign countries]. Dr. Diss. (Legal Sci.). Moscow, 2009. 383 с.
11. Chebotarev G.N., Ivanova K.A. Civil legislative initiative as a form of implementation by public authorities. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe parvo*, 2013, no. 3, p. 59–64. (In Russian).
12. Shekhovtsov V.A. *Razvitie parlamentarizma v Rossi* [The Development of parliamentarism in Russia]. Book 1st. Vladivostok: Far Eastern University publishing, 2006. 279 p.
13. *Internet portal «The Russian public initiative»*. Available at: <https://www.roi.ru/> (accessed 26 December 2016). (In Russian).
14. Constitution of Colombia on July 4, 1991. Available at: http://confinder.richmond.edu/admin/docs/colombia_const2.pdf (accessed 26 December 2016).
15. Constitution of Ecuador on October 20, 2008. Available at: <http://www.wipo.int/edocs/lexdocs/laws/es/ec/ec030es.pdf> (accessed 26 December 2016).
16. Gregorczuk H. *Citizen Initiated Referenda*. Brisbane: Queensland Parliamentary Library, 1998. 44 p.
17. Heywood A. *Key concepts in politics*. NY: Palgrave Macmillan, 2010. 293 p.

УДК 004.771

Я.О. Кучина¹

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

E-mail: kuchina.yao@dvfu.ru

ОБЛАЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ: ПОНЯТИЕ И ОСНОВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация. Облачные технологии с каждым годом привлекают всё большее внимание науки и практики по причине снижения уровня затрат на поддержание технического обеспечения этих услуг, их общедоступности, а также количества и разнообразия предлагаемых облачных услуг. В академической литературе стран АТР широко распространено изучение регулирования предоставления облачных технологий, особенностей обеспечения их безопасности, безопасности и соблюдения прав пользователей облаков, анализ договорных практик и судебных прецедентов. Однако для науки и практики Российской Федерации эта область компьютерных технологий всё ещё является неисследованной. Цифровые технологии в современном мире зачастую лишены границ и ограничений. Как и любая конкурентоспособная ИТ-технология, технологии, специализирующиеся на обороте услуг в облаке, разработанные в одной стране, функционируют практически так же, как и в других странах. Это может быть основанием полагать, что законы в этих странах должны быть одинаковыми, но это не так. Особенности конкретной правовой системы, правовой истории и традиции государства приводят к различиям в этой сфере. В предлагаемой статье автор приводит основные понятия облачных технологий, главенствующих сейчас в науке стран АТР, объясняет их происхождение, а также кратко анализирует основные нормативно-правовые акты, являющиеся ключевыми в современном регулировании облачных услуг.

Ключевые слова: облачные технологии, облачные услуги, облака, компьютерные технологии, провайдер, сервер, виртуализация, законодательное регулирование в сфере ИТ, оборот данных.

¹ Ярослава Олеговна Кучина, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Юридической школы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия.

Для цитирования: Кучина, Я.О. Облачные технологии: понятие и основы правового регулирования // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2016. № 4. С. 77–89.

Yaroslava O. Kuchina¹

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation

E-mail: kuchina.yao@dvfu.ru

CLOUD COMPUTING: DEFINITION AND THE BASICS OF ITS LEGAL REGULATION

Abstract. Every year Cloud Computing attracts more and more attention of the science and practice due to lower expenses on the maintenance of these technical support services, their accessibility, as well as the number and variety of the cloud services offered to the consumers. In the academic literature of Asia-Pacific, the Cloud Computing is a widespread study, dedicated to the regulation of cloud technologies, features that ensure their safety, security and providing for the rights of cloud users, analysis of contractual practices and judicial precedents. However, for the legal science and practice of the Russian Federation, this area of computer technology is still unexplored. IT-technologies in the current reality often lack boundaries and limitations. Like any competitive IT-technology, the technology, specializing in the circulation of services in the cloud, designed in one country, operates in much the same way as in other countries. This may be a reason to believe that the laws in this area should be the same, but they are not. Specific features of a particular legal system, legal history and traditions of the state result in differences in this area. In this article, the author presents the basic concepts of cloud technologies, which are now dominant in the science of the Pacific Rim countries, explains their origin and briefly analyzes the main legal acts that are crucial in today's regulation of cloud services.

Key words: cloud computing, cloud services, cloud computing technology, provider, server, virtualization, legislative control of IT, data traffic.

В последние несколько лет облачные технологии (также известные как облака или облачные вычисления) вошли в десятку наиболее популярных стратегических компьютерных технологий, заняв решающую позицию среди ресурсных интересов коммерческих предприятий и представителей бизнеса в силу высокой потенциальной возможности снижать стоимость расходов на компьютерное и технологическое обеспечение. Представителям же малого бизнеса они позволяют выйти на более

¹ Yaroslava O. Kuchina, Candidate of Law Sciences, Assistant Professor of the Department of Criminal law and Criminology, Law School, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation.

For citing: Kuchina, Yaroslava O. Cloud computing: definition and the basics of its legal regulation // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2016. N 4. P. 77–89.

высокие уровни рынка без необходимости тратиться на поддержку эффективности работы компьютерной техники, а также тратить существенные материальные ресурсы на закупку программного обеспечения или технических носителей.

Международная информационная корпорация (International Data Corporation (IDC) в 2012 г. спрогнозировала, что на протяжении ближайшего десятилетия более 80% новых коммерческих приложений для бизнеса будет создаваться исключительно на базе облачных технологий [1]. Европейская комиссия также предполагает, что развитие облачных технологий будет добавлять к ВВП Евросоюза до 250 млрд евро в год, а к 2020 г. совокупное воздействие на экономику за период с 2015 г. до 2020 г. оценивается в 600 млрд евро [2, р. 8]. Кроме того, развитие облачных технологий будет способствовать увеличению количества рабочих мест, связанных с облачными технологиями, общее число которых превысит 3,8 миллионов.

Облачные технологии позволяют пользователю, особенно корпоративному, разгрузить три направления технического оснащения его текущей деятельности. Во-первых, системную инфраструктуру, связанную с управлением программным обеспечением и техническими носителями для него; после того, как потребитель обращается к облаку, обязанность этой деятельности возлагается на провайдера облачной технологии, а не её пользователя. Во-вторых, снижается стоимость обеспечения безопасности – её обязан осуществлять провайдер, и потребитель лишь выбирает объём предоставляемой безопасности в пределах, предусмотренных облачным сервисом, моделью облачной платформы и типом заключённого договора. В-третьих, облако становится сразу доступным для использования – с момента заключения соглашения все потребители и пользователи облака получают к нему доступ, без прохождения процесса установки, лицензирования, введения ключей и пр. Всё это существенно снижает стоимость, ведь приобретение собственной поддержки по трём указанным направлениям обычно дороже, чем сама услуга. По словам Филипа Кехлера, такие финансовые аспекты, которые изменяются благодаря конструктивным особенностям облаков, очень важны [3, р. 9]. Они – причина современного массового предпочтения облачных технологий традиционным, и они же являются основным мотивом для всё возрастающего интереса к их развитию и регулированию. Всё это заставляет задуматься о вопросах возникновения правоотношений в сфере предоставления и использования облачных технологий, и здесь же начинаются сложности в правовом определении их концепции, понятия, структуры и вопросов регулирования.

Проведя масштабное исследование, в рамках которого были проанализированы имеющиеся нормативно-правовое регулирование облачных технологий в странах АТР, Евросоюза, Северной и Латинской Америки, ЮАР, более полусотни доступных к изучению договоров о предоставлении облачных услуг, судебные прецеденты, а также основные академические и экспертные исследования этого явления,

мы можем заключить, что главная проблема в понимании правовой сущности облачных технологий лежит в своеобразии самого облака.

Как показывает проведённое нами исследование, отправной точки всякого явления – его единого понятия – применительно к облачным технологиям не существует. Эта лакуна, в зависимости от государства, заполняется различными путями, в том числе благодаря работам учёных, отчётам и исследованиям экспертов, а также судебной практике. Тем не менее, возможно выделить ряд определений, которые отличаются наибольшей цитируемостью в исследованиях облачных технологий.

Первым из таких определений является определение, данное Национальным Институтом Стандартов и Технологий США (NIST). Согласно ему, облачные технологии – это *модель, обеспечивающая повсеместный, удобный доступ по требованию к общей сети изменяемых вычислительных ресурсов (например, сети серверов, систем хранения, приложениям или услугам), которые могут быть быстро предоставлены для использования с минимальными административными затратами или вмешательством со стороны поставщика услуг (провайдера)* [4, р. 2].

Однако государственные органы повсеместно предпочитают игнорировать это определение и прилагающееся к нему исследование о сущности и основных признаках облачных технологий и отдают предпочтение дефинициям, разработанным самостоятельно. В результате разнообразие таких определений чрезвычайно велико, что, в свою очередь, влечёт разноречивость в экспертных оценках и судебной практике. К примеру, в официальном докладе Европейской комиссии под облачными технологиями предлагается понимать «эластичную среду предоставления ресурсов, включающую в себя широкий круг выгодоприобретателей и обеспечивающую предоставление измеримого объёма неоднородных по структуре услуг для заданного уровня качества обслуживания» [5, р. 8].

Как мы видим, эти определения напрямую зависят от технологических характеристик облаков и потому мало что могут дать правоприменителю или учёному-юристу. В академической среде, к сожалению, тоже принято следовать этому направлению, причём изначально. Так, Луис Вакуэро проанализировал двадцать два понятия облачных технологий из всех работ, упоминавших облака в 2008 г., и сделал вывод, что все они, так или иначе, зависят от конкретного технического признака, выбранного автором понятия в качестве основы. Спустя восемь лет после этого исследования мы можем заключить, что даже сейчас, когда облака стали повседневной частью компьютерных технологий, реальностью, это всё ещё актуально. Более того, эти характеристики (которые по сути – просто технические особенности облаков) перешли из научных исследований в закон и судебную практику. Что означает, что правовое регулирование и концепт облачных технологий в каждом отдельном государстве зависит от того конкретного технологического момента, который был избран как наиболее характерный. А это влечёт за собой невероят-

ное разнообразие в понятиях и мнениях. Однако даже в такой ситуации возможно выделить академическое понятие, которое стало наиболее важным для правового регулирования и судебной практики на 2015–2016 гг.

Оно принадлежит колледжу Королевы Мэри в Лондоне, чьё исследование 2013 г. по вопросу облачных технологий считается краеугольным для всех последующих исследований. Руководителем исследования Кристофером Миллардом облачная технология определяется как «технология, при которой вычислительные ресурсы предоставляются на гибкой, независимой от местоположения основе, что позволяет быстро и бесконтактно распределять ресурсы по требованию» [6 р. 29]. Миллард и его соавторы сравнивают облачные технологии с водой или электричеством, когда поставщик предоставляет ресурс и возможность его использования, а пользователь уже сам решает, когда и в каком объёме его потреблять.

Четвёртое определение, которое нам бы хотелось тут привести, было приведено на Сорок седьмой сессии Комиссии ООН по вопросам международной торговли (ЮНСИТРАЛ) в Предложении от правительства Канады. Согласно ему облако – это вычислительные услуги (например, данные хостинга или обработки данных), когда технология применяется не на базе персонального компьютера или на базе компьютерной системы, находящейся в собственности, но в ином другом месте через Интернет-соединение, благодаря форме ограниченного доступа, который предоставляется определённой группе индивидов [7 р. 2].

Исходя из всего этого полагаем, что облачные технологии могут быть вкратце определены как сервис по предоставлению компьютерных услуг через интернет без привязки его к конкретному оборудованию или носителю, что является, на наш взгляд, ключевым моментом. Существующие понятия облачных технологий зависят от того, какой именно технический аспект избран как ключевой для определения. Однако архитектура облачных технологий одинакова и, как мы увидим далее, юристам необходимо принимать во внимание все составные части, а не только те, что указаны в конкретном определении.

Обращаясь к проблеме регулирования облачных технологий, необходимо сразу отметить, что законодатель стал уделять внимание регулированию облачных технологий лишь в последние два-три года, в частности, после скандала, вызванного делом Эдварда Сноудена, раскрывшего злоупотребления Агентства национальной безопасности США в сфере обеспечения доступа к личной информации и личным данным. Взаимосвязь этих двух явлений обусловлена главным из признаков облачных технологий, которые отличают их от традиционных компьютерных технологий, – их виртуализацией (виртуализованностью) [8]. Облачные услуги по содержанию могут быть эквивалентны любой из традиционных компьютерных технологий: от базы данных и программного обеспечения (Adobe Lightroom) – до системы хранения (Dropbox, iCloud), компьютерной платформы для вебсайтов и пр. Их основ-

ное отличие – именно виртуализация, то есть все эти услуги предоставляются посредством сети Интернет и через неё, без привязки к установке на конкретный технический носитель (компьютер, планшет, телефон, т.д.), а места хранения переданной в облако информации и места предоставления услуг распределены по всему миру и не имеют четкой локализации. Вместо неё выступает физическое местонахождение провайдера облачных услуг, как правило, адрес регистрации юридического лица.

В одном из исследований, касающихся такого способа передачи и сохранения информации, как облако, говорится, что основная цель современных компьютерных технологий заключается в уничтожении барьеров между информационными услугами [9 р. 52]. Это выражается именно в том, что современные технологии не зависят более от географического положения провайдера услуг и эффективность рынка таких услуг прямо производна от скорости доступа, предоставленного пользователю, независимо от места его нахождения. Не привязанные более к стационарному компьютеру, пользователи, которые и являются владельцами информации, могут осуществлять такой доступ из любой точки мира при наличии доступа в Интернет. «Мобильная революция», которая произошла в 2008–2010 гг., осложнила законодательное регулирование защиты информации и, в то же время, вывела его на международный уровень не только в правовом смысле, но и в фактическом.

Это послужило причиной, по которой владельцы информации, например, такие крупные игроки информационного рынка, как Google или Apple, давно перешагнувшие через национальные границы государств, где они были созданы, более не заинтересованы в национальном регулировании информации. Одной из главных причин является интернационализация услуг, предоставляемых ими, – обе компании занимают первые места по количеству пользователей со всего мира. Национальное регулирование для них проблематично, потому что требует соответствовать законодательству каждой конкретной страны – рынка сбыта технологий, тогда как международные правовые акты создают стандарты предоставления и защиты информации, универсальные для любого государства и, более того, действующие в транснациональном правовом поле. Кроме того, международное законодательство поднимает планку информационного регулирования, минимизируя риски выхода на национальный рынок или пользования услугой, предоставляемой по законам другого государства, а также снижает количество правовых конфликтов между правовыми режимами различных государств.

Законодательное регулирование информационных технологий преследует две цели: во-первых, способствовать максимальному извлечению прибыли из технологического развития; во-вторых, регулируя его, соблюдать права и интересы, которые являются ценностными для конкретной страны. При этом законодательное регулирование должно строиться исходя из понимания того, чем является развитие

информационных технологий для конкретного государства, какие выгоды оно может принести экономике и обществу конкретной страны и насколько эта страна может быть частью происходящих процессов развития. Мы полагаем, что понимание этих трёх пунктов позволяет создавать адекватное законодательное регулирование информационных технологий, включая регулирование оборота данных. В противном же случае происходят отставание законодательства от развития правоотношений и подмена законодательного регулирования обычаями делового оборота, договорной практикой или, если речь идет о странах общей системы права, судебными прецедентами, как это произошло с США.

Обращаясь к международной законодательной практике регулирования информационных процессов, необходимо прежде всего отметить что основной сферой регулирования на сегодняшний момент является сфера регулирования оборота данных в сети Интернет, что подтверждается анализом многочисленных нормативно-правовых актов различных государств. Практически в любом государстве принят закон, касающийся регулирования виртуализированных данных, кроме того в ряде государств приняты и иные нормативно-правовые акты, регулирующие оборот отдельных видов данных, а также иные формы активности в Интернете, в том числе применительно к облачным услугам.

Однако здесь стоит отметить следующий немаловажный факт – юридическая «влиятельность» нормативно-правового акта в этой области определяется уже не его юридической силой или органом, от которого он исходит. Основной причиной разработки законов в сфере облачных технологий стало, как ни странно, распространение конкретной облачной услуги за пределы страны, в которой она была создана, поскольку большая часть крупных облачных провайдеров являются резидентами США или Евросоюза.

Согласно Международному справочнику законодательства о конфиденциальности данных [10] или же Руководству о международном законодательстве по защите данных [11], единственным по настоящему международным (и при этом специализированным) актом, регулирующим оборот данных, является Директива Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 95/46/ЕС от 24 октября 1995 г. «О защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных», вступившая в силу для регулирования оборота и защиты информации в пределах Евросоюза (далее – Директива 1995) [12]. Для Евросоюза этот акт стал ключевым в вопросах информационных технологий, напрямую обеспечивающим право на защиту данных – одно из фундаментальных прав личности, согласно Европейской конвенции о правах человека и Хартии Европейского Союза об основных правах. С момента введения в действие Лиссабонского договора в 2009 г. все права, перечисленные в упомянутых актах, имеют прямое и полное действие. В ст. 16 есть положение, согласно которому Европарламент обязан создать и воплотить в жизнь

правила, которые будут регулировать защиту данных и обяжут к этому государственные органы, органы Евросоюза и государств – членов ЕС.

Благодаря этому и возникла Директива 1995 г., а также Директива Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 2002/22/ЕС от 7 марта 2002 г. «Об универсальных услугах и правах пользователей в отношении сетей электронных коммуникаций и услуг (Директива об универсальных услугах)» [13], которая регулирует объём интернет-трафика, куки и спам. Директива 1995 и Директива об универсальных услугах на данный момент являются основными актами, регулирующими вопросы оборота виртуализированных данных в сети в пределах ЕС.

Особенность построения системы законодательства США исключает возможность регулирования информационных отношений одним нормативно-правовым актом. Поэтому некоторые учёные называют американское законодательство об информации «секторальным» [14]. Это означает, что законодательство о данных состоит из сочетания государственных законов (федеральных и штатов), низшего регулирования и саморегулирования, а не простого государственного вмешательства. Это законодательство распространяется не на весь круг правоотношений в сфере компьютерной информации вообще, а на его определенные секторы и обстоятельства (например, есть Закон о защите конфиденциальности видео 1988 г., Закон о защите кабельного телевидения и конкуренции 1992 г., Закон о добросовестной кредитной отчетности, а также Закон об ответственности и переносе данных о страховании здоровья граждан 1996 г. и т.д.). Все они составляют систему источников права о конфиденциальности и защите личной информации, а также иной цифровой информации. Это означает, что в США защита данных осуществляется в зависимости от специфики и содержания хранящейся на цифровых носителях информации.

Некоторые нормы законодательства США обязывают владельцев данных гарантировать, что их поставщики дополнительных услуг способны поддерживать конфиденциальность личной информации, доверенной им. Следовательно, определение частной информации варьируется в зависимости от выбранного закона или нормативного акта, регулирующего тот или иной вид информации, поэтому мы решили описать лишь общие законодательные рамки. В общем же контексте законов определение частной информации включает в себя следующее: имя человека, номер социального страхования, номер водительских прав или номер финансового счета. В остальных случаях определение частной информации гораздо шире. Хотя большая часть ныне действующих законов США применяется только к частной цифровой (электронной, если строго следовать терминологии) информации, часть из них относится и к информации в любой форме, в том числе в печатном виде и в виде рукописных записей. Но два федеральных правовых акта направлены на действие только в отношении провайдеров цифровых услуг: Закон об ответственности

и переносе данных о страховании здоровья граждан 1996 г. и Закон Грамма – Ли-ча – Блили [15, 16]. Кроме того разработаны федеральные законы, которые содержат ограничения для провайдеров цифровых услуг, имеющих доступ к личной информации. Они ограничивают действия провайдеров услуг в зависимости от местонахождения данных.

На данный момент в США и в мировом пространстве наиболее значимым является Закон об ответственности и переносе данных о страховании здоровья граждан 1996 г., так же известный как Закон Кассебаума – Кеннеди. Это произошло благодаря распространённости услуг, предлагаемых такими крупными провайдерами, как Apple и Google, Amazon и пр. Практически все они находятся на территории США и в своих действиях обязательно учитывают нормы Закона Кассебаума – Кеннеди. Этот закон был подписан с целью защитить информацию, поступающую в базы данных при оформлении медицинской страховки, благодаря чему все провайдеры теперь разделены на тех, кто обязан следовать нормам закона, и тех, на кого такая обязанность не возложена.

В конце концов, учитывая изложенное выше, мы должны сказать, что законы США и международные акты по защите данных являются основными общепризнанными регуляторами оборота цифровой информации. Мы начинали эту часть исследования с тезиса, что регулирование информации не имеет единого правового акта, и это так. Но мы также должны сказать, что существующие договорные практики между субъектами, предоставляющими услуги по обороту цифровой информации, и теми, кто в этом нуждается, являются полноправными инструментами правового регулирования, образованными из-за существующей ситуации в области законодательства в этой сфере. Мы полагаем, что эта тенденция возникла благодаря наличию правовой лакуны, которая не может быть так легко восполнена просто аналогией права или аналогией закона. Как было описано выше, есть ряд чувствительных областей в сфере цифровых данных, но единственным трансграничным законом в этой области является Декларация 1995 г., юрисдикция которой распространена на территории Евросоюза. Большинство же актов, за исключением Декларации и Принципов соглашения Безопасной гавани, приняты до 2000 г., когда возникли и стали популярными самые распространённые в современном мире виртуальные хранилища цифровой информации – социальные сети, блоги, облачные хранилища и пр.

Однако регулирование оборота цифровой информации состоит не только из законов ЕС и законодательства США. После принятия устанавливающего транснациональную юрисдикцию Акта Патриота и скандала со Сноуденом законодательство в области регулирования хранения и охраны цифровой информации начало развиваться во множестве государств. Ещё одной причиной этому стало то, что, хоть в мире сейчас приоритетными игроками цифрового рынка являются мега-корпорации и лидеры рынков (Apple, Google, IBM, Microsoft), также на первое ме-

сто постепенно выходят китайские провайдеры, открыто конкурирующие с такими гигантами рынка, как, к примеру, Amazon. Одновременно с ними развиваются местные операторы цифровой информации, которые пользуются популярностью в конкретном государстве, а не во всём мире. А поскольку такие услуги обычно предоставляются в границах одной страны, то они нуждаются в национальном законе как универсальном регуляторе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Gens, F. IDC Predictions 2012: Competing for 2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.virtustream.com/sites/default/files/IDCTOP10Predictions2012.pdf>.
2. Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. Unleashing the Potential of Cloud Computing in Europe. Brussels, 27.09.2012. COM (2012) 529 final [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2012:0529:FIN:EN:PDF>.
3. Koehler, P. Cloud Services from a Consumer Perspective. Americas Conference on Information Systems / P. Koehler, A. Anandasivam, M. A. Dan [Электронный ресурс] // AMCIS 2010 Proceedings. – Режим доступа: <http://aisel.aisnet.org/cgi/viewcontent.cgi?article=1334&context=amcis2010>.
4. National Institute of Standards and Technology's (NIST). Final Version of NIST Cloud Computing Definition [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nvlpubs.nist.gov/nistpubs/Legacy/SP/nistspecialpublication800-145.pdf>.
5. The future of Cloud Computing: Opportunities For European Cloud Computing Beyond 2010 [Электронный ресурс] : EC Expert Group Report 2010. – Режим доступа: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/cloud-computing-expert-group-research>.
6. Cloud Computing Law / ed. by C. Millard. – Oxford : Oxford University Press, 2013. – 448 p.
7. Planned and possible future work. Part IV : Proposal by the Government of Canada: possible future work on electronic commerce – legal issues affecting cloud computing (A/CN.9/823, 2015) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/V14/041/30/PDF/V1404130.pdf?OpenElement>.
8. Robinson, N. The Cloud: understanding the security, privacy and trust challenges / N. Robinson, L. Valeri, J. Cave, T. Starkey. – Santa Monica, CA, USA : RAND Corporation, 2011. – 135 p.

9. Vaquero L. M., Rodero-Merino L., Caceres J., Lindner M. A Break in the Clouds: Towards a Cloud Definition / L. M. Vaquero, L. Rodero-Merino, J. Caceres, M. Lindner // SIGCOMM Computing Community Review. – 2009. – Vol. 39(1). – P. 50–55.
10. International Compendium of Data Privacy Laws. Baker Hostetler, 2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [<http://www.bakerlaw.com/files/Uploads/Documents/Data%20Breach%20documents/International-Compendium-of-Data-Privacy-Laws.pdf>].
11. DLA Piper Handbook of Data Protection Laws of the World. DLA Piper Global Privacy. Data Protection Resource [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dlapiperdataprotection.com/#handbook/world-map-section>.
12. Директива Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 95/46/ЕС от 24 октября 1995 г. «О защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=INT;n=49528;req=doc#0>.
13. Директива Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 2002/22/ЕС от 7 марта 2002 г. «Об универсальных услугах и правах пользователей в отношении сетей электронных коммуникаций и услуг (Директива об универсальных услугах)» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=INT;n=50252#0>.
14. Schriver, R. R. You Cheated, You Lied: The Safe Harbor Agreement and Its Enforcement by the Federal Trade Commission // Fordham L. Rev. – 2002. – Vol. 70. – P. 2777–2779.
15. The Health Insurance Portability and Accountability Act of 1996 (HIPAA) [Электронный ресурс] : Pub. L. 104–191, 110 Stat. 1936, August 21, 1996, (U.S.). – Режим доступа: <https://www.gpo.gov/fdsys/pkg/PLAW-104publ191/pdf/PLAW-104publ191.pdf>.
16. The Gramm – Leach – Bliley Act (GLBA) (Financial Services Modernization Act of 1999) [Электронный ресурс] : Pub. L. 106–102, 113 Stat. 1338, November 12, 1999 (U.S.). – Режим доступа: <https://www.gpo.gov/fdsys/pkg/PLAW-106publ102/pdf/PLAW-106publ102.pdf>.

REFERENCES

1. Gens F. *IDC Predictions 2012: Competing for 2020*. Available at: <http://www.virtustream.com/sites/default/files/IDCTOP10Predictions2012.pdf> (accessed 14 December 2016).
2. *Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. Un-*

leashing the Potential of Cloud Computing in Europe. Brussels, 27.09.2012. COM (2012) 529 final. Available at: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2012:0529:FIN:EN:PDF> (accessed 14 December 2016).

3. Koehler P., Anandasivam A., Dan M.A. Cloud Services from a Consumer Perspective. Americas Conference on Information Systems. *AMCIS 2010 Proceedings*. Available at: <http://aisel.aisnet.org/cgi/viewcontent.cgi?article=1334&context=amcis2010> (accessed 14 December 2016).

4. National Institute of Standards and Technology's (NIST). *Final Version of NIST Cloud Computing Definition*. Available at: <http://nvlpubs.nist.gov/nistpubs/Legacy/SP/nistspecialpublication800-145.pdf> (accessed 14 December 2016).

5. *The future of Cloud Computing: Opportunities For European Cloud Computing Beyond 2010*. EC Expert Group Report 2010. Available at: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/cloud-computing-expert-group-research> (accessed 14 December 2016).

6. Millard S., ed. *Cloud Computing Law*. Oxford: Oxford University Press, 2013. 448 p.

7. *Planned and possible future work*. Part IV: Proposal by the Government of Canada: possible future work on electronic commerce – legal issues affecting cloud computing (A/CN.9/823, 2015). Available at: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/V14/041/30/PDF/V1404130.pdf?OpenElement> (accessed 14 December 2016).

8. Robinson N. L. Valeri, Cave J., Starkey T. *The Cloud: understanding the security, privacy and trust challenges*. Santa Monica, CA, USA: RAND Corporation, 2011. 135 p.

9. Vaquero L. M., Rodero-Merino L., Caceres J., Lindner M. A Break in the Clouds: Towards a Cloud Definition. *SIGCOMM Computing Community Review*, 2009, vol. 39 (1), p. 50–55.

10. *International Compendium of Data Privacy Laws*. Baker Hostetler, 2015. Available at: <http://www.bakerlaw.com/files/Uploads/Documents/Data%20Breach%20documents/International-Compendium-of-Data-Privacy-Laws.pdf> (accessed 14 December 2016).

11. *DLA Piper Handbook of Data Protection Laws of the World*. DLA Piper Global Privacy. *Data Protection Resource*. Available at: <https://www.dlapiperdataprotection.com/#handbook/world-map-section> (accessed 14 December 2016).

12. *On the Protection of Individuals with regard to processing of personal data and on the free movement of such data*. Directive of the European Parliament and of the Council of the European Union 95/46/EC 24 October 1995. Available at: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=INT;n=49528;req=doc#0> (accessed 14 December 2016). (In Russian).

13. *On universal service and users rights with regard to electronic communications networks and services (Universal Service Directive)*. Directive of the European Par-

liament and of the Council of the European Union 2002/22/EC 7 March 2002. Available at: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=INT;n=50252#0> (accessed 14 December 2016).

14. Schriver R.R. You Cheated, You Lied: The Safe Harbor Agreement and Its Enforcement by the Federal Trade Commission. *Fordham L. Rev.*, 2002, vol. 70, p. 2777–2779.

15. The Health Insurance Portability and Accountability Act of 1996 (HIPAA). Pub. L. 104–191, 110 Stat. 1936, August 21, 1996, (U.S.). Available at: <https://www.gpo.gov/fdsys/pkg/PLAW-104publ191/pdf/PLAW-104publ191.pdf> (accessed 14 December 2016).

16. *The Gramm–Leach–Bliley Act (GLBA) (Financial Services Modernization Act of 1999)*. Pub. L. 106–102, 113 Stat. 1338, November 12, 1999 (U.S.). Available at: <https://www.gpo.gov/fdsys/pkg/PLAW-106publ102/pdf/PLAW-106publ102.pdf> (accessed 14 December 2016).

УДК 344:591.5(100)

Ю. В. Надточий¹

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

E-mail: crimlaw@rambler.ru

Д. В. Прохоренко²

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

E-mail: prohdimo@mail.ru

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА ОСОБО ЦЕННЫХ ДИКИХ ЖИВОТНЫХ: МЕЖДУНАРОДНЫЙ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ

Аннотация. Проблемы охраны животных, а особенно их редких, исчезающих видов, в современном мире приобретают всё большую актуальность, и сегодня они коснулись уже многих стран мира, в связи с чем возрастает необходимость их решения совместными усилиями государств. В этой связи авторами статьи проводится исследование не только национальных уголовно-правовых норм, посвящённых охране особо ценных диких животных, но и ряда международно-правовых актов, действующих в рассматриваемой сфере, с целью выявления соответствующего международного опыта борьбы с подобными общественно опасными деяниями, оценки выполнения Россией взятых на себя международных обязательств по охране животных, находящихся под угрозой исчезновения, а также соответствия уголовного законодательства России общемировым тенденциям. Особое внимание при этом уделяется международно-правовым актам общего характера, посвящённым охране обозначенных животных, а также рассматриваются международные соглашения, направленные на защиту отдельных видов редких животных, в частности, охрану амурского тигра. Авторами отмечается, что в целом уголовная политика России соответствует последним тенденциям развития международной практики в области охраны объектов животного мира, представляющих особую ценность. Позитивно оценивается криминализация ст. 258.1 УК РФ, предусматрива-

¹ Юлия Викторовна Надточий, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Юридической школы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия.

² Дмитрий Владимирович Прохоренко, студент третьего курса направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» Юридической школы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия.

Для цитирования: Надточий, Ю.В., Прохоренко, Д.В. Уголовно-правовая охрана особо ценных диких животных: международный и национальный опыт // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2016. № 4. С. 90–102.

ющей ответственность за незаконную добычу и оборот особо ценных животных. Однако в заключение делается вывод о том, что уголовное законодательство России нуждается в совершенствовании, в частности в расширении перечня особо ценных диких животных, подлежащих охране, усилении мер ответственности за незаконную добычу и оборот особо ценных животных с целью приведения санкций в соответствие с характером и степенью общественной опасности запрещаемых деяний.

Ключевые слова: Уголовный кодекс РФ, уголовно-правовая охрана, Красная книга РФ, международно-правовые акты, международные соглашения, особо ценные дикие животные, законодательство.

Julia V. Nadtochiy¹

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: crimlaw@rambler.ru

Dmitry V. Prokhorenko²

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: prohdimo@mail.ru

**JURIDICAL PROTECTION
OF THE MOST VALUABLE WILDLIFE SPECIES:
INTERNATIONAL AND NATIONAL EXPERIENCES**

Abstract. The problems of animal protection, and particularly their rare and endangered species in the world today are becoming increasingly relevant and have touched many countries of the world; therefore, they have to be addressed through joint efforts of states. In this connection, the authors of the article carried out a study of not only national criminal law dealing with the protection of the most valuable wildlife, but also a number of international legal instruments existing in this sphere, in order to identify the relevant international experience in combating such socially dangerous acts, assess the Russian implementation of its international obligations on protection of animals, endangered species, as well as the compliance of the criminal legislation of Russia with global

¹ Julia V. Nadtochiy, PhD, associate Professor, associate Professor, Department of criminal law and criminology of Law school, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

² Dmitry V. Prokhorenko, a third-year student areas of training 40.03.01 "Jurisprudence", Law school, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

For citing: Nadtochiy, J.V., Prokhorenko, D. V. Juridical protection of the most valuable wildlife species: international and national experiences // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2016. N 4. P. 90–102.

trends. Particular attention is paid to international legal acts of a general nature, dedicated to the protection of animals; international agreements aimed at protecting certain species of rare animals, in particular, protection of the Amur tiger have been discussed. The authors note that in general the criminal policy of Russia is consistent with recent trends in the development of international practice in the sphere of protection of fauna of a particular value. Positively estimation has been given to the criminalization of art. 258.1 of the Criminal Code, providing for liability for illegal production and trafficking of high-value animals. However, the conclusion is made that the criminal legislation of Russia has to be improved, particularly in the expansion of the list of the most valuable wildlife for protection, strengthening of sanctions for illicit production and trafficking of high-value animals in order to bring the penalties into line with the nature and degree of public danger of prohibited acts.

Key words: Criminal code of the Russian Federation, the criminal legal protection, Red Book of the Russian Federation, international legal acts, international agreements, particularly valuable wild animal, legislation.

Как известно, бытие человека имеет две стороны: социальную и природно-биологическую. Последней, в свою очередь, он предопределяется как один из множества элементов единого и всеобъемлющего мира природы [13]. Однако даже в рассматриваемом контексте нельзя отрицать уникальность человека, присущие ему неповторимые качества, возвышающие его над всеми иными биологическими существами по уровню развития. При этом, осознавая свою непосредственную причастность к окружающей природной среде и происходящим в ней процессам, обладая высшим сознанием и разумом, люди не могут допустить уничтожение и гибель тех форм жизни, которые вследствие бесконтрольной и нерациональной деятельности отдельных индивидов оказались или могут оказаться под угрозой полного исчезновения. Одним из механизмов такого недопущения является применение системы мер юридической ответственности, установленной за посягательства на животный мир, в частности, на особо ценных диких животных, т.к. именно их положение носит наиболее критичный характер и требует особого подхода.

Таким образом, актуальность избранной тематики обусловлена выявившейся в последние десятилетия негативной тенденцией стремительного сокращения численности отдельных видов диких животных в мировом масштабе вследствие нерациональной деятельности человека. В этой связи важным направлением исследования предстаёт анализ не только национальных правовых предписаний, направленных на борьбу с преступлениями против представителей животного мира, находящихся под угрозой исчезновения, но и соответствующего международного

опыта, на основании которого необходимо определить главные векторы дальнейшего совершенствования отечественного уголовного законодательства в указанной сфере. При этом стоит подчеркнуть, что на сегодняшний день отсутствуют детальные сравнительно-правовые исследования по рассматриваемой тематике, что побуждает обращаться непосредственно к первоисточникам соответствующих национальных и международных норм и увеличивает степень оригинальности и новизны исследования.

Первоначально стоит сказать, что охрана редких, исчезающих животных в УК РФ ведётся с помощью ст. 258.1, появившейся в российском законодательстве относительно недавно, в 2013 г., путём принятия Федерального закона от 02.07.2013 № 150-ФЗ [10]. Именно тогда была впервые введена уголовная ответственность за незаконные добычу и оборот особо ценных диких животных, принадлежащих к видам, занесённым в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации, их частей и производных (далее – особо ценные дикие животные). Данным актом была криминализована также контрабанда вышеуказанных объектов животного мира, что выразилось в закреплении соответствующих положений в ст. 226.1 УК РФ.

На сегодняшний день ст. 258.1 УК РФ помещена в главу об экологических преступлениях, и, соответственно, непосредственным объектом рассматриваемого преступного деяния выступают общественные отношения в сфере охраны особо ценных диких животных, принадлежащих к видам, занесённым в Красную книгу РФ и (или) охраняемым международными договорами РФ. Предметом, соответственно, выступают сами эти животные. Причём важно отметить, что уголовно-правовой охране подлежат не все «краснокнижные» животные, а лишь особо ценные дикие животные, обозначенные в специальном Перечне особо ценных диких животных для целей применения ст. ст. 226.1 и 258.1 УК РФ, в который вошло 8 особей млекопитающих, 4 вида птиц и 11 разновидностей рыб [9]. Именно данный документ позволяет разграничить составы незаконной охоты в отношении птиц и зверей, охота на которых полностью запрещена (п. «в» ч. 1 ст. 158 УК РФ), и незаконной добычи особо ценных диких животных как общего и специального соответственно.

Отметим также тот факт, что объективная сторона данного состава преступления представлена рядом незаконных альтернативных действий, среди которых добыча, содержание, приобретение, хранение, перевозка, пересылка и продажа особо ценных диких животных. При этом преступление считается оконченным с момента совершения хотя бы одного из перечисленных в указанной норме уголовного закона действий, следовательно, состав преступления является формальным. Примечательно то, что законодатель упомянул не только о добыче, а попытался охватить все возможные варианты действий с обозначенными редкими животными, что

представляется оправданным, ведь до введения данной нормы уголовной ответственности за подобные действия установлено не было. Наказуемой считалась только незаконная охота.

Следует подчеркнуть, что криминализация обозначенных деяний была объективно обусловлена, во-первых, необходимостью установления особых мер охраны в отношении редких или находящихся под угрозой исчезновения животных и других организмов, во-вторых, потребностью в устранении имеющихся пробелов в уголовном законодательстве, когда за совершение определенных видов незаконных действий с указанными представителями животного мира вообще не предусматривалось уголовной ответственности.

Далее обратимся к Комментарию к Федеральному закону «Об охране окружающей среды», где говорилось, что предназначением соответствующих уголовных запретов являются «усиление охраны наиболее ценных в экологическом отношении компонентов животного мира – диких животных ..., принадлежащих к видам, занесённым в Красную книгу РФ, а также *обеспечение выполнения Россией своих международных обязательств в области охраны биологического разнообразия*» [6]. Учитывая сказанное, целесообразным представляется вопрос о взаимодействии международной и национальной правовых систем в контексте защиты и охраны объектов животного мира, находящихся под угрозой исчезновения.

Существует множество различных международных актов, направленных на повышение эффективности охраны животного мира. Так, в Резолюции о борьбе с незаконным оборотом объектов дикой природы, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 30 июля 2015 г., содержатся различные рекомендации и призывы государствам – членам ООН о необходимости совершенствования национальных механизмов борьбы с незаконным оборотом диких животных. В пунктах 2–5 постановляющей части резолюции говорится, что государства должны предпринимать решительные меры для предотвращения, пресечения и искоренения незаконного оборота объектов дикой природы, торговли ими, а также браконьерства. В частности, необходимо признать «серьёзным преступлением незаконный оборот охраняемых видов дикой фауны и флоры, осуществляемый с участием организованных преступных групп» [2]. При этом в п. «b» ст. 2 Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности (далее – Конвенция об организованной преступности) преступление определяется как серьёзное, если оно наказуемо лишением свободы на максимальный срок не менее четырех лет или более строгой мерой наказания [7]. Обращаясь к национальному уголовному законодательству РФ, а именно к ч. 3 ст. 258.1 УК РФ, в которой речь идёт как раз о совершении этого преступления организованной группой, можно сделать вывод, что данное преступное деяние рассматривается как серьёзное, т.к. санкция обозначенной нормы предусматривает максимальное наказание в виде лишения свободы на срок от пяти

до семи лет. Следовательно, Российская Федерация выполнила соответствующие международные рекомендации в указанном аспекте.

Кроме того, резолюция предусматривает необходимость рассмотрения преступлений, связанных с незаконной торговлей объектами дикой природы, в качестве основных правонарушений для целей отмыwania денег [2]. Пункт «h» статьи 2 Конвенции об организованной преступности определяет «основное правонарушение» как любое правонарушение, в результате которого были получены доходы, которые могут, в соответствии с внутренним законодательством, стать объектом преступления в виде отмыwania денег [7]. Однако в связи с тем, что ст. 258.1 УК РФ, как мы уже говорили, находится в главе 26 «Экологические преступления», а ст. 226.1 УК РФ – в главе 24 «Преступления против общественной безопасности», их непосредственным объектом не являются общественные отношения, связанные с получением незаконных доходов, следовательно, эти деяния не будут относиться к основным правонарушениям в контексте вышеуказанной конвенции. На наш взгляд, подход, предусмотренный в отечественном законодательстве, является более верным в отношении определения объекта преступного посягательства, т.к. негативные последствия для экологии в данном случае являются более существенными, нежели для экономики государства.

Важно отметить, что в Докладе Генерального секретаря ООН от 16 июня 2016 г., подготовленном во исполнение рассматриваемой резолюции, особо подчёркивалось, что в большинстве национальных правовых систем государств незаконный оборот объектов дикой природы является уголовным преступлением. Кроме того, Генеральный секретарь указывал на необходимость усиления уголовно-правовых мер воздействия на преступность в указанной сфере в связи со слабой эффективностью уголовной юстиции [3]. При этом до вступления в силу Федерального закона от 02.07.2013 № 150-ФЗ в нашей стране существовала лишь административная ответственность за уничтожение редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных (ст. 8.35 КоАП РФ). Исходя из этого, криминализацию незаконной добычи и оборота, а также контрабанды особо ценных диких животных можно рассматривать как важное условие сохранения и увеличения численности обозначенных объектов животного мира, что соответствует современной мировой тенденции усиления карательных мер в отношении правонарушителей экологического законодательства.

Основным актом, на котором базировалась вышеобозначенная резолюция в контексте защиты особо охраняемых видов дикой фауны и флоры, являлась Конвенция о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения, от 3 марта 1973 г. Россия как правопреемница СССР заявила о своем участии в указанном международном договоре в 1992 г. [5]. Предмет конвенции – установление правовых основ взаимодействия государств в от-

ношении торговли особо ценными объектами дикой природы, а также возможных мер ответственности за нарушение содержащихся в данном документе положений [8]. Особую важность представляют три приложения к конвенции, в которых размещены перечни представителей животного мира, требующих – по степени угрозы их исчезновения (от I к III) – особо режима оборота вплоть до его полного запрета. При этом общая численность диких животных и растений, помещённых в соответствующие перечни, составляет около 30 000 видов [11].

Следует отметить, что действующий в РФ перечень особо ценных диких животных существенно ограничил количество подлежащих уголовно-правовой охране объектов животного мира, вследствие чего неохваченными оказались многие представители фауны, требующие повышенной охраны в соответствии с вышеуказанной конвенцией. Данный аспект видится негативным в контексте исполнения Российской Федерацией своих международных обязательств.

Безусловный интерес представляют также международные соглашения, имеющие целью сохранение и восстановление популяций отдельных представителей животного мира, находящихся под угрозой исчезновения. Учитывая, что в отношении почти каждого редкого животного существует множество различного рода договорённостей государств, рассмотреть которые в рамках данного исследования не представляется возможным, мы анализируем лишь те действующие международные акты, которые направлены на защиту амурского тигра как одного из самых редких животных, основная часть малочисленной популяции которых приходится на территорию России (95% от мировой популяции). Кроме того, как подчеркивают специалисты, «защита амурских тигров и сохранение их ареала одновременно означает защиту многих других видов животных, находящихся под угрозой исчезновения» [1].

В 2010 г. была принята Декларация Глав Правительств о сохранении тигра, а также утверждена Глобальная программа восстановления тигра (далее – программа), одной из целей которой является обеспечение к 2022 г. искоренения браконьерства, контрабанды и нелегальной торговли тиграми, частями их тел и дериватами. Участниками данных соглашений выступили 13 государств ареала тигра, в том числе Россия, Китай, Вьетнам, Индия и другие [4].

В программе представлены весьма примечательные сведения о передовом опыте зарубежных государств по борьбе с браконьерством и нелегальной торговлей. Например, в Китае действуют суровые меры наказания за незаконный промысел, приобретение, продажу, перевозку тигров и дериватов, предусматривающие лишение свободы на срок до 10 лет, штрафы и конфискацию имущества. При этом за контрабанду тигровых дериватов виновное лицо может быть приговорено к пожизненному заключению с конфискацией имущества. В Бангладеш установлена ответственность за незаконную охоту на тигра в виде лишения свободы на срок

12 лет, а также пожизненного заключения при повторном нарушении закона [4]. Как видно, указанные санкции существенно превосходят меры уголовной ответственности, предусмотренные в российском уголовном законе за аналогичные преступления, что свидетельствует о различной оценке характера и степени общественной опасности данных преступных деяний в разных странах.

Представляется, что российскому законодателю необходимо задуматься над возможностью усиления ответственности за указанные преступления, ведь на сегодняшний день установленные в УК РФ санкции не соответствуют характеру и степени общественной опасности запрещаемых деяний.

В научных трудах уже высказываются мнения о необходимости усиления уголовной ответственности за незаконные добычу и оборот особо ценных диких животных, т.к. степень общественной опасности данных преступлений «чрезвычайно высока», в частности, предлагается определить срок наказания в виде лишения свободы от пяти до семи лет [1] (в действующей редакции УК РФ санкция ч. 1 ст. 258.1 предусматривает максимальное наказание в виде лишения свободы сроком до трёх лет).

Мероприятиями стратегического и институционального характера, проведение которых было возложено на Российскую Федерацию в соответствии с программой, явились, в частности, обязанность предусмотреть юридические санкции в отношении лиц, занимающихся продажей тигровых шкур в интернете; внести поправки в законодательство с целью ужесточения санкций за незаконное приобретение и перевозку частей тел тигров [4]. Кроме того, в развитие данного международного соглашения в 2010 г. была принята также Стратегия сохранения амурского тигра в Российской Федерации (далее – стратегия), конкретизирующая закреплённые в программе положения на национальном уровне и являющаяся неотъемлемым приложением к последней.

Так, в п. 7.1.2.2. стратегии говорится, что эффективность существовавшей ранее системы нормативного правового регулирования соответствующих отношений существенно снижалась ввиду наличия в этой системе точечных нормативно-правовых и методических пробелов по ряду направлений, среди которых, как и в программе, выделялось отсутствие правовых норм для привлечения к ответственности лиц за предоставление интернет-ресурсов для размещения объявлений о продаже шкур [12]. Важно отметить, что в настоящее время, даже несмотря на криминализацию незаконных добычи и оборота особо ценных диких животных, к которым относится, согласно вышеуказанному перечню, и амурский тигр, данный вопрос до сих пор не нашёл законодательного урегулирования.

Наиболее важными положениями стратегии явились закреплённые в п. 8.2 рекомендации касательно повышения эффективности российского природоохранного законодательства и правоприменительной практики в области сохранения амурского

тигра. Так, предлагалось расширить понятие «контрабанда» и перечень запрещённых к перемещению через таможенную границу товаров и предметов путём включения в диспозицию соответствующей нормы уголовного закона слов «животных и растений, занесенных в Красную книгу Российской Федерации, их частей, дериватов и продукции, произведённой из них». Кроме того, предлагалось внести в статью 258 УК РФ изменения, «предусмотрев ответственность за незаконную транспортировку животных, охота на которых полностью запрещена, их частей и продукции из них, прошедшей первичную обработку, как за незаконную охоту» [12].

Анализируя современное уголовное законодательство РФ, можно прийти к выводу, что законодатель учёл данные рекомендации. Последнее выразилось в изменении содержания ст. 226.1 УК РФ, а также появлении новой статьи 258.1 УК РФ, в которой вместо незаконной транспортировки устанавливается ответственность за целый ряд преступных деяний, рассмотренных выше.

В целом следует отметить, что уголовная политика Российской Федерации соответствует последним тенденциями развития международной практики в области охраны объектов животного мира, представляющих особую ценность в силу их повсеместного уничтожения. Основной характеристикой данных деяний выступает признание государствами необходимости усиления уголовно-правового воздействия на тех лиц, которые своими незаконными действиями сугубо в корыстных целях посягают на тех живых существ, чьё существование в этом мире находится под угрозой, главным образом вследствие нерациональной деятельности самого человека. Указанная тенденция обусловлена тем, что иные меры пресечения соответствующих деяний не являются результативными, в частности административно-правовые механизмы привлечения к ответственности. Кроме того, проблема охраны редких диких животных приобретает всё более серьёзный характер, о чём свидетельствует и само стремление государств различных регионов мира к взаимодействию в реализации мер по сохранению и преумножению популяций вымирающих объектов животного мира. В нашей стране в этом направлении делаются решительные шаги, за счёт которых была специально выделена группа особо ценных диких животных, чьё нынешнее состояние требует особого подхода и особой охраны.

Однако нельзя не учесть, что и на сегодняшний день существует немало нерешённых вопросов в рассматриваемой сфере, главные из которых были рассмотрены нами выше. В этой связи представляется необходимым обозначить ряд направлений дальнейшего совершенствования уголовного законодательства РФ в отношении защиты и охраны особо ценных объектов животного мира.

Так, мы считаем, что необходимо расширить перечень особо ценных диких животных, дополнив его теми видами редких животных, ареал обитания которых приходится на территорию Российской Федерации и которые перечислены в соответ-

ствующих приложениях (главным образом, I и II) к Конвенции о международной торговле как видами дикой фауны и флоры, находящиеся под угрозой исчезновения.

Кроме того, установленная за соответствующие преступные действия ответственность нуждается в усилении, т.к. на сегодняшний день наказание за незаконные добычу и оборот особо ценных диких животных объективно не соответствует характеру и степени общественной опасности данных преступлений. Приемлемым вариантом подобного усиления видится введение максимального основного наказания в виде лишения свободы на срок от пяти до семи лет, вследствие чего данное преступление будет отнесено к категории тяжких.

Не требуется, на наш взгляд, выделения отдельного квалифицирующего признака состава преступления, предусмотренного ст. 258.1 УК РФ, заключающегося в ответственности за куплю-продажу особо ценных диких животных или их дериватов через интернет-ресурсы, т.к. уже установлена ответственность за незаконные приобретение и продажу соответствующих предметов преступления. Для устранения возможных проблем правоприменения достаточным будет являться разъяснение Верховным Судом РФ смыслового содержания вышеобозначенных категорий в одном из своих постановлений применительно к охране особо ценных объектов животного мира.

При этом нельзя забывать, что одной уголовно-правовой репрессией сложившуюся ситуацию разрешить не удастся. Необходимо также применять различные механизмы просветительской и образовательной деятельности среди населения, усиливать мониторинг и контроль за ареалом обитания соответствующих животных, использовать экономические механизмы понижения спроса на вымирающих объектов дикой природы, а также реализовывать иные мероприятия, которые в комплексе с существующими правовыми запретами и санкциями должны привести в ближайшем будущем к действительно положительному результату.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арамилев, С. В. Повышение эффективности охраны амурского тигра и иных особо ценных диких животных / С. В. Арамилев, Д. М. Кабардина // Охрана объектов животного мира: правовые и организационные аспекты : сб. науч. тр. / под общ. ред. А. Ю. Винокурова. – М. : РИТМ, 2016. – С. 68–75.
2. Борьба с незаконным оборотом объектов дикой природы [Электронный ресурс] : резолюция 69/314 Генеральной Ассамблеи ООН от 30 июля 2015 г. – Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N15/221/22/PDF/N152122.pdf?OpenElement>.
3. Борьба с незаконным оборотом объектов дикой природы [Электронный ресурс] : доклад 1603596 Генерального секретаря ООН от 16 июня 2016 г. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/index.html/>.

4. Глобальная программа восстановления тигра [Электронный ресурс] : Декларация Глав Правительств о сохранении тигра от 23 ноября 2010 г., Санкт-Петербург // Официальный сайт WWF. – Режим доступа: https://www.wwf.ru/data/mailler/media/gtrp_nov11_final_version_rus.doc .

5. Диканова, Т. А. Проблемы борьбы с контрабандой объектов СИТЕС // Охрана объектов животного мира: правовые и организационные аспекты: сб. науч. тр. / под общ. ред. А. Ю. Винокурова. – М. : РИТМ, 2016. – С. 188–211.

6. Комментарий к Федеральному закону от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (постатейный) / под ред. О. Л. Дубовик [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=CMB;n=18086;dst=109727#0>.

7. Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности [Электронный ресурс] : резолюция 55/25 Генеральной Ассамблеи ООН от 15 ноября 2000 г. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orgcrime.shtml.

8. Конвенция о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения, от 3 марта 1973 года, г. Вашингтон [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cites.shtml.

9. Об утверждении перечня особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации, для целей статей 226.1 и 258.1 Уголовного кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] : постановление Правительства РФ от 31 октября 2013 г. № 978. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_153941/.

10. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс] : федеральный закон от 02 июля 2013 г. № 150-ФЗ. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_148462/.

11. Овчинников, С. Н. Защита дикой фауны и флоры в международном таможенном праве // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 12-3 (62). – С. 116–119.

12. Стратегия сохранения амурского тигра в Российской Федерации [Электронный ресурс] : распоряжение Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации от 02 июля 2010 г. № 25-р // Официальный сайт АНО «Центр по изучению и сохранению популяции амурского тигра». – Режим доступа: <http://amur-tiger.ru/>.

13. Философия / под ред. В. Н. Лавриненко. – М. : Юрист, 2004. – 511 с.

REFERENCES

1. Aramilev S.V., Kabardina D.M. Povyshenie effektivnosti okhrany amurskogo tigra i inykh osobo tsennykh dikikh zhivotnykh [Improved protection of the Amur tiger and other valuable wildlife]. Vinokourov A.Y., ed. *Okhrana ob"ektov zhivotnogo mira: pravovye i organizatsionnye aspekty* [Protection of wildlife: the legal and organizational aspects: Sat. sci. Proceed]. Moscow: RHYTHM Publ., 2016, p. 68–75.
2. *Combating illicit trafficking of wildlife objects: Resolution 69/314 of the UN General Assembly on 30 July 2015*. Available at: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N15/221/22/PDF/N1522122.pdf?OpenElement> (accessed 24 December 2016).
3. *The fight against illegal use of wildlife: 1603596 report of the UN Secretary General on 16 June 2016*. Available at: <http://www.un.org/ru/index.html/> (accessed 24 December 2016).
4. *The Global Tiger Recovery Program; Declaration of the Heads of Government of the tiger conservation. November 23, 2010, St. Petersburg*. Available at: https://www.wwf.ru/data/mailer/media/gtrp_nov11_final_version_rus.doc (accessed 24 December 2016). (In Russian).
5. Dikanova T. A. Problemy bor'by s kontrabandoi ob"ektov SITES [Problems of struggle against smuggling CITES objects] Vinokourov A.Y., ed. *Okhrana ob"ektov zhivotnogo mira: pravovye i organizatsionnye aspekty* [Protection of wildlife: the legal and organizational aspects: Sat. sci. Proceed]. Moscow: RHYTHM Publ., 2016, p. 188–211.
6. Commentary to the Federal Law of January 10, 2002 No. 7-FZ «On Environmental Protection» (itemized). Available at: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=CMB;n=18086;dst=109727#0> (accessed 24 December 2016). (In Russian).
7. *The United Nations Convention against Transnational Organized Crime. Resolution 55/25 of the UN General Assembly on 15 November 2000*. Available at: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orgcrime.shtml (accessed 24 December 2016).
8. *The Convention on International Trade in Endangered Species of Wild Fauna and Flora, finding-schimisya endangered. March 3, 1973, in Washington*. Available at: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cites.shtml (accessed 24 December 2016).
9. *Approval of the list of the most valuable wildlife and water is biological-ing resources belonging to the species listed in the Red Book of the Russian Federation and (or) protected by international treaties of the Russian Federation, for the purposes of Articles 226.1 and 258.1 of the Criminal Code of the Russian Federation: the Russian Federation Government from 31.10.2013 No. 978*. Available at:

http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_153941/ (accessed 24 December 2016). (In Russian).

10. *On the Introduction of Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation. the Federal Law of 02.07.2013 N 150-FZ*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_148462/ (accessed 24 December 2016). (In Russian).

11. Ovchinnikov S.N. Zashchita dikoi fauny i flory v mezhdunarodnom tamozhen-
nom prave [Protection of wild fauna and flora in the international tamo-Gennes law]. *Ist-
toricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i is-
kusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, 2015, no. 12-3 (62), p. 116–119.

12. Strategy of Amur tiger conservation in the Russian Federation, disposing of the
Ministry of Natural Resources and Ecology of the Russian Federation of 02.07.2010
number 25-p. *Official website of NGO «Center for the study and conservation-niju Amur
tiger»*: Available at: <http://amur-tiger.ru/> (accessed 24 December 2016). (In Russian).

13. Lavrinenko, V. N. ed. *Filosofiya* [Philosophy]. Moscow: Jurist Publ., 2004.
511 p.

УДК 2-78(510)

Л. А. Афони́на¹

Институт Дальнего Востока Российской академии наук,

г. Москва, Россия

E-mail: liubov.afonina@gmail.com

ФЕНОМЕН РЕЛИГИОЗНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В КНР

Аннотация. Китайским властям удалось создать особую систему управления религиями, сочетающую в себе партийное и государственное управление, осуществляемое посредством партийных директив и государственных положений через религиозные объединения. Религиозные объединения стали важными составными частями спроектированной системы управления религиями, призванными осуществлять политические цели правящей партии в среде верующих. Объединения осуществляют работу в тесном взаимодействии с правительственными органами, а их руководители во всех вопросах следуют линии партии. Целью власти в создании и поддержании деятельности религиозных объединений является желание сохранять религиозную активность в заданных государством параметрах. Через контроль кадров, финансов и т.д. правительство получает возможность гарантировать общую модель развития объединений и подчинённых им общин.

Ключевые слова: КНР, религия, религиозные объединения, КПК, единый фронт, Отдел единого фронта ЦК КПК, свобода вероисповедания, католицизм, ислам, православие в Китае, религиозная политика, епископская конференция.

¹ Любовь Александровна Афони́на, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН, г. Москва, Россия.

Для цитирования: Афони́на, Л.А. Феномен религиозных объединений в КНР // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2016. № 4. С. 103–118.

Liubov A. Afonina¹

Institute of Far Eastern Studies of RAS, Moscow, Russia

E-mail: liubov.afonina@gmail.com

THE PHENOMENON OF RELIGIOUS ASSOCIATIONS IN CHINA

Abstract. The Chinese authorities have constructed a peculiar system of governing religions, including both party and state management realized by means of party directives and state orders through religious associations. Patriotic religious associations became important components of the planned system of managing religions; they are to implement the political agenda of the ruling party among believers and can be described as both political and religious institutions established to fulfill the government's certain tasks. Religious associations carry out their work in close cooperation with government authorities, while the leaders of these associations follow the party line in all issues. The government's aim in maintaining religious associations is the desire to keep religious activity within the parameters set out by the state. By controlling their personnel, finances and so on, the government has the opportunity to guarantee a common model of political development of the associations and the communities under them.

Key words: China, religion, religious associations, CPC, united front, United Front Work Department, freedom of religious belief, Catholicism, Islam, Orthodoxy in China, religious policy, bishops' conference.

Китайская Народная Республика – страна, обладающая своей уникальной спецификой во многих областях, в том числе в регулировании религиозной сферы, осуществляемой под лозунгом «политики свободного вероисповедания». При построении системы контроля религиозных институтов в ней сформировались свои особенности.

Управление религиями в китайском варианте можно охарактеризовать как партийно-государственное. Партия через отделы Единого фронта партийных комитетов различных уровней определяет идеологическое направление религиозной работы, а правительство посредством системы управлений по делам религий занимается администрированием, реализуя заданный курс.

¹ Liubov A. Afonina, Candidate of Historical Sciences, researcher at the Institute of Far Eastern Studies of RAS, Moscow, Russia.

For citing: Afonina Liubov A. The phenomenon of religious associations in China // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2016. № 4. P. 103–118.

Отличительной особенностью китайской системы административного контроля религиозной сферы является активное вовлечение государством в обеспечение религиозной политики патриотических религиозных объединений, которые являются неотделимой частью этой системы. Все официально признанные государственной властью и структурно оформленные в КНР религии (даосизм, буддизм, католицизм, протестантизм, ислам) имеют объединения на всех административных уровнях – от общенационального до уездного. Юридически они имеют статус общественных объединений.

подавляющее большинство общенациональных религиозных объединений имели своими предшественниками подобные им организации, созданные гоминдановским правительством после Синьхайской революции – Китайский буддийский союз (1929 г.), Китайская христианская церковь (1920-е гг.) и др. Однако возрождённые в КНР эти структуры были дополнены усиленной политической повесткой. Правопреемство религиозных организаций КНР оспаривается аналогичными религиозными организациями на Тайване, претендующими на продолжение дореволюционных традиций. Но на фоне улучшения отношений материкового Китая с Тайванем и развития позитивных контактов острота конфликтов уходит в прошлое. Тайваньские религиозные организации, как, например, признаваемая Ватиканом и располагающаяся на Тайване католическая епископская конференция, всё больше воспринимаются (да и они сами с этим скорее соглашались) не как общекайтайские, а региональные (тайваньские) объединения.

После провозглашения КНР в 1949 г. новообразованное правительство стремилось укрепить свою власть посредством установления нового политического порядка, исключавшего любое иностранное влияние. В связи с этим над общественными объединениями стал осуществляться строгий контроль.

В сентябре 1950 г. были опубликованы «Временные правила регистрации общественных объединений». Документ провёл разделение общественных объединений на шесть основных категорий: народные, общественно-полезные, творческие, научно-исследовательские и религиозные. Правила устанавливали, что каждое из них должно быть зарегистрировано в народном правительстве. При этом ст. 4 запрещала основывать объединения, наносящие вред государственным и народным интересам. В 1950-е гг. было образовано 44 общественных объединений национального уровня, в число которых входили религиозные организации нового типа.

Патриотические религиозные объединения должны были осуществлять реализацию государственной религиозной политики в тесной кооперации с государственными органами, объединять верующих для поддержки правительства и политического строя, выявлять политических врагов среди членов религиозных групп.

Они были призваны осуществлять свою деятельность на основании принципов «трёх самостоятельности». Новое движение было направлено на независимость от

иностранных религиозных групп и предотвращение политического влияния из-за рубежа. Оно включало в себя «самостоятельную проповедь», «самостоятельное обеспечение» и «самоуправление». Данный подход (в том числе и недопустимость сохранения организационных связей с зарубежными религиозными центрами) был сформулирован премьером Госсовета КНР Чжоу Эньлаем весной 1950 г. на встречах с религиозными лидерами Китая.

Тогда на национальном уровне было создано пять объединений: Китайская буддистская ассоциация (1953 г.), Китайская исламская ассоциация (1953 г.), Комитет китайского патриотического протестантского движения за три самостоятельности (1954 г.), Китайская даосская ассоциация (1957 г.), Китайская католическая патриотическая ассоциация (1957 г.)

Вскоре после своего образования национальные религиозные объединения стали объединять общины по всей стране, развивая сети своих структур на всех территориальных уровнях. Патриотические религиозные объединения на местах стали формировать ряды новых служителей взамен арестованных или покинувших страну.

Членство для верующих в патриотических религиозных объединениях становилось обязательным. Буддисты и даосы, отказавшиеся от членства в объединениях, были объявлены «контрреволюционерами» или членами еретических сект и тайных обществ.

Основным принципом объединения католиков стало отсутствие связей с римским понтификом как у епископата, так и у паствы. Правительство потребовало от Китайской католической патриотической ассоциации назначения епископов при игнорировании общепринятой в католицизме канонической процедуры утверждения кандидатов в епископы Папой Римским. Католики, сохранившие лояльность Ватикану и образовавшие подпольную церковь, стали считаться предателями Родины.

Народные верования, массово распространённые особенно среди сельского населения, не вошли в систему государственного управления. Они стали определяться как феодальные суеверия, оказавшиеся под запретом.

С начала 1960-х гг., времени преобладания левых идей в политическом развитии Китая, деятельность патриотических религиозных объединений по всей стране была сильно ограничена. К середине 1960-х гг. среди части высшего руководства Китая появились идеи о том, что условия для формирования идеологически однородного общества созрели. А в период «культурной революции» (1966–1976 гг.) подавлялось всякое инакомыслие, в т. ч. религиозное. Религиозные объединения полностью прекратили своё функционирование.

По прошествии десятилетия стало понятно, что методы принуждения в идеологической сфере несостоятельны и не достигают своей цели.

В конце 1970-х гг. – начале 1980-х гг. в условиях восстановления страны после «культурной революции» власти были вынуждены вернуться к идеям о длительном

существовании религии в социалистическом обществе. Для реализации амбициозного проекта экономического развития страны было необходимо обеспечить социальную стабильность и мобилизовать все имеющиеся ресурсы.

На имевшем судьбоносное значение в новейшей истории Китая 3-м пленуме ЦК КПК 11-го созыва (18–22 декабря 1978 г.) со всей определённостью прозвучала необходимость возобновления реализации «политики свободы вероисповедания». В начале 1980 г. ЦК КПК одобрил доклад Отдела единого фронта ЦК КПК «О созыве всех религиозных объединений для проведения всекитайских совещаний». В 1980 г. «пять больших религий Китая»¹ восстановили свои национальные объединения. Постепенно стала возрождаться деятельность и региональных объединений по всей стране, возобновлялась деятельность отдельных общин, частично возвращалась их собственность [1].

В известном документе № 19 (1982 г.), ставшем основной партийной инструкцией по религиозной работе на более чем двадцатилетний период, сказано, что все религиозные объединения должны были строить свою деятельность в соответствии с принципом подчинения партии и правительству, а религиозные служители в первую очередь должны быть патриотами и служителями своей страны, и уже во вторую – служителями веры [4].

Анализ уставных документов религиозных объединений национального уровня позволяет выявить их общие цели, поставленные перед ними властями страны. Среди них – объединение верующих для участия в социалистическом строительстве, защита руководства КПК и социалистического строя, содействие народному правительству в претворении религиозной политики, налаживание контактов с верующими за пределами страны, стимулирование взаимного соответствия религий и социалистического общества, мотивация верующих к участию в построении гармоничного общества, внесение вклада в национальное сплочение, единство Родины, мира в мире, воспитание верующих в духе уважения к Конституции и законам [2, 3, 4, 5, 6]. Таким образом, в работе религиозных объединений Китая политические задачи превалируют в своей значимости над религиозными целями.

В условиях начала реформ и модернизации в отношении христианских конфессий стало очевидно, что существующие патриотические христианские объединения не отвечают задачам открытости и ведения диалога с зарубежными общинами. Созданные в 1950-е гг. патриотические объединения на мировой религиозной арене представлялись нелегитимными и не отвечали общепринятому формату взаимодействия. Требовалось создание новых организаций, которые могли бы соотноситься с мировой практикой.

¹ Под термином «пять больших религий Китая» подразумеваются официальные структуры, получившие возможность легальной деятельности на территории всего Китая, пяти религий – буддизм, даосизм, католицизм, протестантизм и ислам.

Так, в 1980 г. в обеих христианских конфессиях Китая параллельно с восстановлением прежних структур были основаны три новых объединения национального уровня – Епископская конференция католической церкви Китая (ЕККЦК), Китайский католический административный комитет (ККАК) и Китайский христианский Совет (КХС) (Совет церквей Китая) [5,6].

Создание ЕККЦК было ориентировано на диалог с Римско-Католической церковью. Епископские конференции – оформившиеся к XIX в. собрания епископов, осуществляющих пастырские обязанности на определённой территории, – получили развитие как церковный институт после II Ватиканского собора (1962–1965 гг.). Однако созданная в Китае структура лишь дублировала формат организации. Игнорируя мировую церковную практику, она осталась самостоятельным и не признанным Ватиканом органом. В уставе епископской конференции, принятом в 1989 г., говорится о праве и обязанности этой организации независимо избирать и рукополагать епископов. В отличие от общепринятой практики, устав ЕККЦК не был направлен на утверждение Папой Римским.

Одновременное создание дублирующей конференцию административного комитета ККАК в какой-то степени можно расценивать как недостаточное доверие властей епископам в деле управления церковными делами.

Два новых католических объединения были призваны завоевать поддержку католиков, которые скептически относились к существовавшей Китайской католической патриотической ассоциации (ККПА), видя в ней присутствие правительственного контроля. Наряду с ККПА новые объединения стали активно вовлекаться в практическую и относительно деполитизированную пастырскую работу, в результате чего получили несколько большее доверие со стороны верующих.

Разграничение функциональных обязанностей трёх объединений было следующим: ККПА – политический орган, ККАК – административный, в то время как ЕККЦК стала отвечать за доктринальное и духовное лидерство. Все вместе они стали именоваться «объединённой ассамблеей» – «лянхуэй итуань».

Позднее в сентябре 1992 г. на Национальной ассамблее католической церкви Китая было принято решение сделать ККАК органом подчинения ЕККЦК [8, с. 69]. Теперь «объединённую ассамблею», получившую наименование «ихуэй итуань», стали составлять структуры ЕККЦК и ККПА, представляющие католическую церковь Китая на национальном уровне.

Китайский христианский совет (КХС) (Совет церквей Китая) был основан как организация, координирующая деятельность протестантских общин внутри страны и действующая совместно с Комитетом китайского патриотического протестантского движения за три самостоятельности (ККППДТС). Совет возник как ответ на существование принятой в мире модели объединения христиан – национальные

советы церквей, которые в мировом масштабе входят в международную экуменическую организацию – Всемирный совет церквей (ВСЦ).

Теперь китайские протестанты всех течений оказались объединёнными под эгидой КХС, который стал их представителем на международном уровне. В 1988 г. КХС вошел в состав ВСЦ. При этом Комитет китайского протестантского патриотического движения за три самостоятельности оставался функционировать в качестве руководящего и политического органа.

Итак, в современном Китае на общенациональном уровне действуют семь патриотических религиозных объединений – Китайская даосская ассоциация (КДА), Китайская буддийская ассоциация (КБА), Китайская исламская ассоциация (КИА), Комитет китайского протестантского патриотического движения за «три самостоятельности» (ККППДТС), Китайский христианский совет (Совет церквей Китая) (КХС), Китайская католическая патриотическая ассоциация (ККПА), Епископская конференция католической церкви Китая (ЕККЦК).

Китайская даосская ассоциация существует для руководства общинами даосов. Штаб-квартира ассоциации расположилась в Храме Белых Облаков (Байюньгуань) в Пекине. В настоящее время возглавляется Ли Гуанфу. По всей стране насчитывается более 9 тыс. храмов и 50 тыс. служителей [3].

Китайская буддийская ассоциация находится в буддийском храмовом комплексе Гуанцзи в Пекине. Ею руководит преподобный мастер дхармы Сюэ Чэн. Председатель КБА традиционно входит в президиум Всемирного братства буддистов. Под эгидой КБА в стране насчитывается около 240 тыс. монашествующих и 33 000 храмов [2].

Китайская исламская ассоциация – организация, призванная объединять и представлять китайских мусульман. Ислам является традиционной религией для 10 из 56 национальностей КНР – хуэйцев, саларов, дунсянов, баоаньцев, уйгуров, казахов, киргизов, узбеков, татар и таджиков (около 2% населения). Штаб-квартира ассоциации расположена в Пекине в мечети Ньюцзе. Мечетей по всей стране порядка 25 тыс., число имамов и ахунов превышает 45 тыс. человек. В настоящее время главой ассоциации является ахун Чэн Гуанюань [4].

Комитет китайского патриотического протестантского движения за три самостоятельности был создан для развития принципов «трёх самостоятельств» в протестантской церкви. Штаб-квартира комитета располагается в Шанхае. Сегодня комитет возглавляется Фу Сяньвэйем [6].

Китайский христианский совет сегодня возглавляется пастором Гао Фэном. Заявляется, что КХС является постденоминационной церковью, в рамках которой стёрлись различия между протестантскими деноминациями, что не полностью соответствует истине. Официальный протестантизм в Китае представляет собой конфедерацию отдельных общин. Протестантские деноминации формально отсут-

ствуют (хотя фактически большинство общин сохраняет свою идентичность или историческую память о принадлежности к лютеранству, пресвитерианству и т.д.), так как все ранее существовавшие деноминации объединены в одну систему, а теологические расхождения нивелированы за счёт использования евангелической модели и Библии как ценностного ориентира. Всего официально зарегистрировано порядка 37 тыс. пастырей, 25 тыс. храмов, 30 тыс. мест собраний. По официальной статистике, КХС объединяет около 24 млн верующих [6].

Китайская католическая патриотическая ассоциация (ККПА) – религиозное объединение, образованное по инициативе властей КНР с целью отделить китайских католиков от Ватикана. При этом ККПА частично не признает решений Ватикана, принятых после 1949 года. В настоящее время ККПА объединяет около 5 млн католиков (всего же в Китае насчитывают 12 млн католиков). В официальной католической церкви зарегистрировано около 6 тыс. храмов и часовен и более 7 тыс. священнослужителей. Председателем ККПА является епископ Иона Фань Синьяо. Римско-католическая церковь считает патриотическую церковь Китая частью Католической Церкви.

Епископская конференция католической церкви Китая формируется из епископов, представляющих разные диоцезы страны. В число участников конференции входят как епископы, получившие папский мандат, так и те, кто стали епископами без одобрения Папы [8, с.73]. Штаб-квартира епископской конференции располагается в Пекине. Возглавляется она в настоящее время епископом города Куньмин Иосифом Ма Инлинем, епископская хиротония которого представляется неправомерной со стороны Ватикана, а занимаемый им пост скорее является препятствием для его признания Святым Престолом [5].

Часто к патриотическим религиозным объединениям также относят учреждённый в Пекине в июле 1994 г. Китайский комитет религии за мир (ККРМ), который является национальной некоммерческой организацией с самостоятельным юридическим статусом. ККРМ состоит из представителей пяти основных религий Китая – буддизма, даосизма, ислама, католицизма и протестантизма. Первым председателем ККРМ был буддист-мирянин Чжао Пучу, вторым – протестантский епископ Дин Гуансюнь. Действующим председателем ККРМ является живой будда Пагбала Гелег Намгьяи.

По факту ККРМ религиозной деятельностью не занимается. Он был создан для сопровождения отдельных политических задач и представления китайского межрелигиозного сообщества на мировой арене, и в первую очередь в Азиатско-Тихоокеанском регионе. ККРМ присоединилась к Всемирной конференции религий за мир (ВКРМ) в 1994 г. и стала членом Азиатской конференции религий за мир (АКРМ) в 1996 г.

Однако, в силу неразвитости темы межрелигиозного сотрудничества в Китае, ККРМ в результате так и не стала площадкой для международных межрелигиозных проектов. Нельзя не отметить, что организация межрелигиозного диалога в Китае не является задачей партии, так как консолидация религиозного сообщества будет противоречить политике контроля. Партия и органы государственной власти работают с религиозными организациями на двусторонней основе, ограничиваясь публичной демонстрацией участия религиозных представителей в работе в Собраниях народных представителей (СНП) и Народных политических консультативных советах (НПКС) и не допуская консолидации различных религиозных групп. В связи с этим межрелигиозные площадки на различных уровнях административной иерархии отсутствуют.

В 1988 г. в Госсовете была проведена реструктуризация. Управление общественными объединениями закрепили за Министерством гражданской администрации, в котором для этих целей был сформирован специальный отдел.

В октябре 1989 г. Госсовет издал «Положение о регистрации и контроле общественных объединений». Согласно тексту документа, общественные объединения должны принимать руководство соответствующего управляющего органа и в то же время проходить регистрацию в отделах гражданской администрации народных правительств по местонахождению, что создало для религиозных объединений систему двойного подчинения.

Ещё одной особенностью общественных объединений (в т.ч. и религиозных) в КНР является принцип монополизма. В «Положении о регистрации и контроле общественных объединений» как 1989 г., так и в более поздней версии 1998 г. позволялось существование только одной общественной организации конкретного типа на определенной административной территории. Устанавливалось, что органы государственной регистрации в каждом отдельном административном регионе регистрируют только одно подобное общественное объединение [7].

Таким образом, все общественные объединения обладают монопольным положением единственной законной организации в рамках одной территориально-административной единицы. Они регистрируются в соответствии с уровнями административного деления страны и управляются государственными и партийными органами соответствующего уровня.

Порядок основания общественных объединений и система управления ими порождает их двойственный государственно-общественный характер. В условиях особой политической системы Китая общественные объединения часто превращаются в организации, находящиеся в подчинении у правительства, теряя при этом свою народно-представительскую функцию.

Это в равной степени относится и к религиозным объединениям, что получило своё отражение и в первом документе, затрагивающем вопрос регистрации непо-

средственно религиозных объединений – «Правила регистрации и контроля религиозных общественных объединений» 1991 г.

Согласно новому документу, религиозные объединения национального уровня после одобрения Управления по делам религий (УДР) при Госсовете должны регистрироваться в Министерстве гражданской администрации. Региональные религиозные общественные объединения проверяются отделами по делам религий при местных правительствах, после чего проходят регистрацию с передачей данных в УДР при Госсовете.

Правила также прописывают, что религиозное объединение, обладающее официальной регистрацией, имеет положение монополиста на своей территории: «На одной административной территории не должно повторно регистрироваться аналогичного религиозного общественного объединения».

Согласно «Положению о регистрации и контроле общественных объединений» 1998 г., создание общественных объединений возможно при соблюдении следующих условий: 1. согласие управляющего органа; 2. наличие более 50 членов из физических лиц или более 30 членов юридических лиц; 3. наличие официального названия и соответствующей организационной структуры; 4. наличие помещений; 5. наличие персонала; 6. наличие законных источников доходов; 7. способность нести гражданскую ответственность.

При этом «Правила регистрации и контроля религиозных общественных объединений» 1991 г. содержат два дополнительных требования: 1. подтверждённая историчность религии на территории Китая; 2. наличие широкого представительства членов формирующейся организации.

Эти требования в ещё большей степени закрепили существующую систему «пяти больших религий Китая», исключив возможность основания религиозных объединений для отличных от них религий.

Изданный Госсоветом и ЦК КПК в ноябре 1999 г. документ № 34 указал, что «процедура регистрации направлена на эффективное регулирование структур и количества общественных организаций, развитие народных организаций согласно экономическим и общественным условиям на местах, охрану общественно-политической стабильности». Таким образом, партия и правительство через строгую систему регистрации реализует ограничение религиозных объединений по количеству и характеру, осуществляет плановое регулирование религиозного рынка.

На настоящем этапе основным комплексным административно-правовым документом, регламентирующим религиозную деятельность, является «Положение о религиозной деятельности» (принято Госсоветом 07.07.2004 г., действует с 1.03.2005 г.). Глава II Положения посвящена религиозным объединениям. Согласно документу, их создание, изменение и ликвидация должны осуществляться на основании «Положения о регистрации общественных организаций» 1998 г.

Так, «Положение о регистрации общественных организаций» – единственная юридическая основа для регистрации как религиозных, так и негосударственных общественных организаций. Положением предусмотрена регистрация на национальном, региональном и местном уровнях. Однако ни в одном из пунктов документа не сказано, как должно формироваться и регистрироваться объединение национального уровня для религий, не имеющих сегодня официальных представительств в КНР. Неясно, должны ли быть вначале зарегистрированы организации местного уровня, или же национальное объединение первично, как это произошло в случае с существующими пятью структурами.

«Положение о религиозной деятельности» постановляет, что только религиозные объединения могут публиковать религиозную литературу и печатную продукцию (ст. 7), открывать религиозные учебные заведения (ст. 8), направлять студентов на обучение за рубеж и принимать иностранных студентов (ст. 10), ходатайствовать об открытии объекта религиозной деятельности (ст. 13), назначать религиозных служащих (ст. 27) и т.д.

У системы религиозных объединений в стране не существует иерархической вертикали взаимоотношений. Религиозные объединения национального и местного уровня не имеют отношений господства и подчинения. Национальные объединения не могут создавать объединений на местном уровне, местные религиозные объединения не могут становиться членами национальных объединений.

В теории национальное религиозное объединение может играть руководящую и направляющую роль в отношении объединений уровнями ниже. Чаще всего религиозные объединения в разных регионах имеют определенную степень самостоятельности, действуя исходя из ситуации на местах, без координации действий друг с другом. Национальные и местные объединения, безотносительно к их размерам и местоположению, равны между собой и являются равными гражданскими субъектами.

Религиозные объединения провинциального, городского и уездного уровней в своей деятельности подотчётны управлению по делам религий и отделу единого фронта на своём уровне. Каждое важное собрание религиозного объединения предполагает обязательное присутствие руководителей местных управлений по делам религий и отдела единого фронта.

Руководящий слой религиозных объединений формируется, с одной стороны, посредством определённых выборных процедур внутри объединения, а с другой стороны, посредством признания и одобрения со стороны соответствующего государственного органа. На религиозные объединения, их структуру и штат сотрудников распространяется бюджетное финансирование [8, с. 265]. Все патриотические религиозные объединения являются членами народных политических консультативных советов соответствующего уровня [10].

Целью правительства в содержании религиозных объединений является желание сохранять религиозную активность в заданных государством параметрах. Через контроль их кадров, финансов и т.д. правительство получает возможность гарантировать общую модель политического развития объединений и подчинённых им общин. Религиозные объединения осуществляют работу в тесном взаимодействии с правительственными органами, а руководители этих объединений во всех вопросах следуют линии партии [10]. Религиозные объединения призываются властями действовать в патриотическом ключе, что обязывает их к одобрению и даже поддержке существующего социального, политического и экономического порядка.

Любые религиозные миссии, организованные из-за рубежа, законодательно запрещены в Китае, а контакты религиозных объединений с иностранными организациями устанавливаются с одобрения гражданских властей, задача которых состоит в содержании религий в политико-национальных границах и предотвращении превращения религиозных групп в каналы проникновения западных интересов.

Сегодня обязательность членства верующих в религиозных объединениях не актуальна, как в 1950-е гг., однако не принадлежащие к объединениям общины испытывают разного рода сложности. Относительно малые группы религиозных последователей, не имеющие всекитайского представительства, также во многом ограничены.

В реальной жизни религиозные объединения не всегда получают признание всех верующих людей. В связи с этим правительство пытается путём увеличения финансирования расширить поддержку религиозным объединениям – через строительство официальных храмов, издание литературы, организацию международных конференций, обучение религиозных служителей, обеспечение их жильём, медицинскими услугами, пенсиями. Государство пытается стимулировать активность религиозных служителей всё большим предоставлением мест в СНП всех уровней и НПКС.

В Китае также представлены последователи мировых религий, осуществляющие религиозную практику вне рамок созданной государством модели религиозного присутствия. Неофициальный ислам представляют суфийские ордена и подпольные школы, ведущие несанкционированную проповедническую и издательскую деятельность. В китайском католицизме существует также неофициальная церковь, признающая главенство Папы и не признающая руководства сформированных по инициативе государства патриотических религиозных объединений.

Власти видят угрозу в многочисленных «домашних христианских собраниях», существующих вне религиозно-государственных структур. «Домашние христианские собрания» – сложное и неоднородное явление. Одни представляют собой слабо организованные группы людей по изучению Евангелия, базирующиеся в частных домах. Другие же, напротив, являются достаточно крупными общинами, име-

ющими собственными помещениями, иерархическую организацию и разветвленную сеть по стране. Они ведут активную деятельность, включая издание печатной продукции, имеют собственные учебные заведения. Некоторые из них придерживаются консервативной линии в своей проповеднической деятельности, иные же имеют тенденцию к волонтаризму в трактовке Евангелия. Важно, что часть из них имеет прямую зависимость от религиозных групп за рубежом.

«Домашние христианские собрания» можно разделить на две категории:

- 1) общины, не желающие принимать систему религиозной жизни, предлагаемую государством, осуществляющие свою деятельность самостоятельно и не подчиняющиеся государственным нормам регулирования религиозной сферы;
- 2) общины, идентифицирующие себя с христианами, но не являющиеся христианскими по своей сути; их верования далеки от христианской доктрины и ничем не обоснованы, часто в них содержится открытая антиправительственная пропаганда.

Помимо официальных религий на общенациональном уровне существует категория религий национальных меньшинств, которые не учтены в общей статистике. Часто верующие таких религий имеют свои места собраний, но при этом у них отсутствуют организационная структура или служители.

К разряду таких религий на современном этапе власти относят и православие. Правительство признает за православием статус религии национального меньшинства в районах компактного проживания граждан КНР русской национальности (элосыцзу)¹, а именно в Северо-Восточном Китае, Автономном районе Внутренняя Монголия и Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР). Однако это не вполне справедливо, так как православие находит отклик не только в среде элосыцзу, но развивается и среди представителей других национальностей, включая самих китайцев (хань). Исследователи приводят теоретические данные о 10-15 тыс. православных в Китае, однако по нашей оценке фактическое число активных китайских верующих вряд ли достигает 1 тыс. человек.

В КНР также проживают немногочисленные иудеи – около 800 чел., большей частью в г. Кайфэне провинции Хэнань, где ранее на протяжении нескольких столетий существовала еврейская община. Эта цифра не включает в себя последователей иудаизма из числа проживающих в Китае иностранцев, которые организовали свою религиозную жизнь в Шанхае, Пекине, Харбине.

Существуют верования, не относящиеся ни к одной из институционально оформленных религий, но которые могут быть отнесены к верованиям, определяемым властями как «суеверие», не относящиеся к сектам или дословно «вредоносным культам», с которыми борется государственная власть. Они определяются как

¹ Элосыцзу – национальность «русские», одна из 56 признанных национальностей КНР.

народные верования, исповедуются людьми в отдельных (часто сельских) регионах, идентифицируются властями более как явления культурные, нежели религиозные. Среди них наиболее известны культ Мацзу и верование Саньи.

В некоторых регионах, таких как Фуцзянь, Чжэцзян, Шэньси, на протяжении 1990-х гг. отмечались случаи регистрации храмов народных верований в качестве буддийских или даосских объектов. Такая ситуация допускалась для обеспечения за ними членства в местных религиозных объединениях, включения их в систему государственного контроля.

К отдельной категории принято относить также народные обычаи, которые часто отождествляются с суевериями или религиозными предрассудками. К ним относят, например, ритуалы сельских фестивалей. Многие этнологи рассматривают эту деятельность, в которой участвуют сотни миллионов людей, как религиозную.

Все категории, не вписавшиеся в систему государственно-религиозных отношений, как правило, остаются за рамками статистических исследований. Синологи-религиоведы Ян Фэнган, Д. Пальмер и В. Гуссар определяют этот огромный пласт, не включённый в структуру официального государственного регулирования, «серой сферой», которая имеет тенденцию расширения в будущем.

«Серая сфера» была и остается серьёзной проблемой для властей. Не случайно в 2008 г. ГУДР проводило открытое совещание для выработки тактики в отношении религий, оставшихся вне государственного контроля. Рассматривались варианты выбора пути регулирования между невмешательством в их деятельность, регистрацией их в качестве буддийских или даосских объектов, или же создания для них отдельной категории. Однако однозначного решения принято не было.

Религиозная деятельность, оказавшаяся за рамками официальных структур, условно может быть разделена на два вида: 1) нелегитимная религиозная активность, связанная с сектантской деятельностью (существует официальный перечень организаций, признанных сектами); 2) так называемая «серая сфера» – огромный пласт религиозной жизни, не включённый в структуру официального государственного регулирования (верующие, предпочитающие формы религиозной жизни вне объединений, последователи народных верований, верований национальных меньшинств и т.д.). Если первая категория религиозной активности однозначно находится под запретом и жёстко преследуется, то отношение властей к явлениям второй категории варьируется в зависимости от региона и прочих факторов.

Непосредственное управление религиозной деятельностью и контроль над ней осуществляется сразу на трёх уровнях – государственной властью, партийными структурами и религиозными объединениями. Патриотические религиозные объединения стали важными составными частями спроектированной системы управления религиями, призванными осуществлять политические цели правящей партии в среде верующих. Их можно охарактеризовать как имеющие обозначенные госу-

дарством чёткие цели религиозно-политические институты. Они исполняют роль помощников правительства в деле управления китайскими религиозными общинами. Их задача состоит в координации деятельности религиозных общин, обеспечении их политической и финансовой независимости от зарубежных сил. Сеть религиозных объединений позволяет контролировать численность и состав приходов, ограничивать их численность и рост религиозного влияния на общество, строить кадровую политику в соответствии с нуждами правительства, отслеживать нежелательные контакты с иностранцами.

Лучшее определение, которое подходит для государственной политики в области религии, – прагматизм. Религии превращены в государственные, зависимые от политической воли властей институты, используемые для мобилизации широких слоёв населения. При декларируемом отделении религий от государства превращение религиозных структур в часть государственного аппарата стало нарушением той грани, переход которой привёл к расшатыванию равновесия, нередко подрыву авторитета как религиозных организаций, так и самой власти, стремящейся к экономической и политической выгоде.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Го Вэньлян. Исторические условия восстановления и развития политики КПК в сфере религий в новый период / Вэньлян Го, Цзиньлун Чэнь // Исследования истории современного Китая. – 2002. – Vol. 9, № 3. – P. 71–80. – Кит.
2. Сайт Китайской буддийской ассоциации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.chinabuddhism.com.cn/.
3. Сайт Китайской даосской ассоциации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.taoist.org.cn/.
4. Сайт Китайской исламской ассоциации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.chinaislam.net.cn/.
5. Сайт Китайской католической патриотической ассоциации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.chinacatholic.cn/.
6. Сайт Китайской объединённой ассамблеи протестантов (Китайский христианский совет и Комитета китайского патриотического протестантского движения за три самостоятельности) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.ccctspm.org/.
7. Син Фуцзэн. Свобода собрания и религиозная свобода – попытка дискуссии о проблемах регистрации и управления религиозных объединений [Электронный ресурс] // Pushi Institute for Social Science. – 2008. – 30 июня. – Кит. – Режим доступа: <http://www.pacilution.com/ShowArticle.asp?ArticleID=1461>.
8. Хэ Гуанху. Религии и современное китайское общество / Гуанху Хэ. – Пекин : Чжунго жэньминь дасюэ чубаньшэ, 2006. – 490 с. – Кит.

9. Цзя Жуньго. Китайские религии и религиозная политика / Жуньго Цзя. – Пекин : Гоцзя синьчжэн сюэюань чубаньшэ, 2013. – 147 с. – Кит.

10. Чжан Цюаньлу. Некоторые соображения об укреплении самостоятельного строительства религиозных объединений // Чжунго цзунцзяо. – 2011. – № 3. – С. 58–60. – Кит.

REFERENCES

1. Guo Wenliang, Chen Jinlong. Xin shiqi Zhongguo gongchandang zongjiao zhengce huifu kuozhan de lishi tiaojian [Historical conditions of the restoration and development of the CPC policy in the field of religion in the new period]. *Zhongguo jindai shi yanjiu*, 2002, vol. 9, no. 3, p. 71–80. (In Chinese).

2. *Website of the Chinese Buddhist Association*. Available at: www.chinabuddhism.com.cn/ (accessed 16 December 2016).

3. *Website of the Chinese Taoist Association*. Available at: www.taoist.org.cn/ (accessed 16 December 2016).

4. *Website of the Chinese Islamic Association*. Available at: www.chinaiislam.net.cn/ (accessed 16 December 2016).

5. *Website of the Chinese Patriotic Catholic Association*. Available at: www.chinacatholic.cn/ (accessed 16 December 2016).

6. *Website of the Chinese Assembly of Protestant Church in China «Lianghui» (China Christian Council the National Committee of the Three-Self Patriotic Movement of the Protestant Churches)*. Available at: www.ccctspm.org/ (accessed 16 December 2016).

7. Xing Fuzeng. Jieshe ziyou yu zongjiao ziyou – shilun Zhongguo zongjiao tuanti de guanli ji dengji wenti [Freedom of assembly and religious freedom – An attempt to debate on the problems of monitoring and control of religious associations]. *Pushi Institute for Social Science*, 2008 June 30. Available at: <http://www.pacilution.com/ShowArticle.asp?ArticleID=1461> (accessed 16 December 2016). (In Chinese).

8. He Guanghu. *Zongjiao yu dangdai zhongguo shehui* [Religions and modern Chinese society]. Beijing: Zhongguo renmin daxue chubanshe Publ., 2006. 490 p. (In Chinese).

9. Jia Runguo. *Zhongguo zongjiao yu zongjiao zhengce* [Chinese religions and religious policy]. Beijing: Guojia xinzheng xueyuan chubanshe Publ., 2013. 147 p. (In Chinese).

10. Zhang Quanlu. Dui jiaqiang zongjiao tuanti zishen jianshe de ji dian kaolu [Some thoughts on strengthening the self-construction of religious associations]. *Zhongguo zongjiao*, 2011, no. 3, p. 58–60. (In Chinese).

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ: ЗАКОНОТВОРЧЕСКИЙ ОПЫТ

CRIMINAL RESPONSIBILITY: LEGISLATIVE EXPERIENCE

УДК 343.35(5:265)

Т. Б. Басова¹

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

E-mail: basova.tb@dvfu.ru

А. Н. Харченко²

Артемовский городской суд, г. Артем Приморского края, Россия

E-mail: zentr-atr@rambler.ru

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА СЛУЖЕБНЫЙ ПОДЛОГ В СТРАНАХ АТР: ЗАКОНОТВОРЧЕСКИЙ ОПЫТ СИНГАПУРА, СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ВЬЕТНАМ И ТАИЛАНДА*

Аннотация. В статье представлен законотворческий опыт установления уголовной ответственности за служебный подлог в отдельных странах Азиатско-Тихоокеанского региона – Сингапуре, Социалистической Республике Вьетнам и Таиланде. На примере уголовных кодексов названных стран Азиатско-Тихоокеанского региона проведён юридический анализ норм, в которых законодательно установлена уголовная ответственность за подлог документов, совершаемый должностным лицом. Анализ тенденций развития зарубежного уголовного за-

¹ Татьяна Борисовна Басова, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия.

² Алексей Николаевич Харченко, кандидат юридических наук, судья Артёмовского городского суда Приморского края, Россия.

* Научные результаты получены в рамках выполнения государственного задания Министерства образования и науки Российской Федерации, задание № 29.763.2014/К.

Для цитирования: Басова, Т.Б., Харченко, А.Н. Уголовная ответственность за служебный подлог в странах Азиатско-Тихоокеанского региона: законотворческий опыт Сингапура, Социалистической Республики Вьетнам и Таиланда // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2016. Т. № 4. С. 119–131.

конодательства будет способствовать реформированию уголовного закона России в части устранения имеющихся законотворческих изъянов в описании преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления, ответственность за которые предусмотрена в главе 30 УК РФ. Законотворческий опыт регламентации уголовной ответственности за служебный подлог в отдельных странах Азиатско-Тихоокеанского региона может выступить в качестве средства организации борьбы с преступностью в России, потому что помогает лучше узнать сильные и слабые стороны национального уголовного закона. Изучение зарубежного опыта полезно и тем, что может способствовать отысканию новых способов решения российских уголовно-правовых проблем. Анализ уголовного законодательства зарубежных стран в части регламентации ответственности за служебный подлог показал, что в уголовных кодексах Вьетнама, Сингапура и Таиланда в том или ином виде регламентирована ответственность должностных лиц за подлог документов. Однако проведенное исследование позволяет сделать вывод о казуистичном конструировании норм об ответственности за служебный подлог. Обращено внимание на разницу, если так можно выразиться, в «статусе» должностного лица. Сделан вывод, что позиция российского законодателя в вопросе отражения отдельных особенностей регламентации ответственности за служебный подлог представляется более предпочтительной. Вместе с тем заслуживает внимания законодательное закрепление в УК СРВ такой формы деяния служебного подлога, как «создание и/или выдача подложных документов». Предлагается учесть данное положение вьетнамского законодателя при совершенствовании норм российского уголовного закона.

Ключевые слова: уголовное законодательство стран АТР, УК Сингапура, УК Социалистической Республики Вьетнам, УК Таиланда, уголовное право Сингапура, уголовное право Вьетнама, уголовное право Таиланда, должностное преступление, служебное преступление, коррупционное преступление, подлог, подделка, служебный подлог, подлог документов, официальный документ, должностное лицо, государственный служащий.

Tatyana B. Basova¹

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: basova.tb@dvfu.ru

Aleksei N. Kharchenko²

Artemovsk City Court, Primorsky Krai, Russia

E-mail: zentr-atr@rambler.ru

**CRIMINAL LIABILITY FOR FALSIFICATION
OF DOCUMENTS COMMITTED
BY PUBLIC OFFICERS IN THE ASIA-PACIFIC REGION:
LEGAL EXPERIENCE OF SINGAPORE,
SOCIALIST REPUBLIC OF VIETNAM AND THAILAND**

Abstract: The article presents a legislative experience of forgery criminalization in selected countries of the Asia-Pacific region: Singapore, Vietnam and Thailand. A legal analysis of the rules establishing criminal liability for falsification of documents committed by public officers is based on criminal codes of these countries. Analysis of the development trends of the foreign criminal law will contribute to a reform of criminal law in Russia. In particular it would ease elimination of the existing legislative deficiencies in the description of crimes against state power and the interests of the civil service and the service in local self-government bodies, provided in chapter 30 of the Criminal Code. The legislative experience of the Asia-Pacific countries in establishing criminal liability for falsification of documents committed by public officers can contribute to the fight against crime in Russia, as it helps to get to know the strengths and weaknesses of national criminal law. The study of foreign experience is useful and it helps to find new ways of solving certain issues in Russian criminal law. An analysis of the criminal legislation of foreign countries in terms of responsibility for falsification of documents committed by public officers has shown that the Criminal Code of Vietnam, Singapore and Thailand in one form or another regulate responsibility of officials for forgery. However, our study shows that certain provisions on liability for the falsification are lacking general concepts and definitions. The article

¹ Tatyana B. Basova, Doctor of Law, Professor, Chair of Criminal Law. Law School of Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

² Aleksei N. Kharchenko, PhD, Judge of Artemovsk City Court of Primorsky Territory, Russia.

For citing: Basova, Tatyana B., Kharchenko, Aleksei N. Criminal liability for falsification of documents committed by public officers in the Asia-Pacific region: legal experience of Singapore, Socialist Republic of Vietnam and Thailand // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2016. № 4. P. 119–131.

pays specific attention to the differences of the so called "status" of public officers. It is concluded that the position of the Russian legislator regarding the definitions and certain characteristics of falsification of documents committed by public officers is more preferable. However, legal norms of the Criminal Code of Vietnam providing criminal responsibility for "the creation of and/or issuing a false document" are considered to be a noteworthy example of legal regulation of the subject matter. The authors suggest Russian legislators to consider these provisions in improving the standards of the Russian criminal law.

Keywords: criminal law of the Asia-Pacific region, the Penal Code of Singapore, Criminal Code of the Socialist Republic of Vietnam, Criminal Code of Thailand, criminal law of Singapore, criminal law of Vietnam, criminal law of Thailand, malfeasance, corruption crime, falsification, forgery, falsification of documents, official document, public official, government employee.

Несмотря на принимаемые в последние годы меры по реформированию российского уголовного законодательства, устранить в полной мере законотворческие изъяны в регламентации преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления, ответственность за которые предусмотрена в главе 30 Уголовного кодекса РФ [3] (далее – УК РФ), до сих пор не удаётся. В частности, преобразование состава служебного подлога (ст. 292 УК РФ), введение его новых специальных разновидностей порождают не известные ранее проблемы правоприменения.

Нам представляется, что решению этой проблемы может способствовать анализ тенденций развития зарубежного уголовного законодательства, который поможет в поиске средств правового противодействия должностным преступлениям. Знание положений зарубежного уголовного законодательства имеет важное значение для организации борьбы с преступностью в России, потому что помогает лучше узнать сильные и слабые стороны национального уголовного закона. Изучение зарубежного опыта полезно и тем, что может способствовать отысканию новых способов решения российских уголовно-правовых проблем.

Зарубежное уголовное законодательство стран АТР уже частично исследовалось другими авторами в разрезе заявленного аспекта, но ещё остается неохваченным немало законодательного материала государств обозначенной части мировой цивилизации. Чтобы исследование законодательного опыта зарубежных стран стало шагом на пути к познанию правовой действительности, его целесообразно провести с учётом разработанных теоретиками классификаций правовых систем, прежде всего – для постсоциалистической системы права, которая понятна России

по своей правовой природе, а потому более гармонично было бы при необходимости заимствовать из неё отдельные элементы.

Азиатско-Тихоокеанский регион насчитывает немало стран, входящих в пост-социалистическую систему права, но в настоящей публикации мы остановили свой выбор на одной из них – Социалистической Республике Вьетнам, с которой Россия тесно связана на протяжении многих лет. В своё время Вьетнам, ступив на социалистический путь развития, превратился в союзника СССР и стал членом мирового социалистического лагеря.

Распад Советского Союза привел к глубочайшему кризису в политической, экономической и других областях жизнедеятельности многих стран мирового социалистического лагеря. Вьетнам не стал исключением. Несмотря на это, страна сумела поднять экономику, за короткие сроки построить государство с активно развивающимися демократическими чертами и значительно расширить международные связи, выразившиеся в установлении дипломатических контактов с несравнимо большим, чем прежде, числом государств и привлечении инвестиций.

Осуществляемые ныне во Вьетнаме реформы политического развития и политической системы привели в движение все сферы общественной жизни. Реформирование затронуло острейшие проблемы этого государства, касающиеся развития демократии и справедливости, восстановления национального культурного наследия вплоть до коренного преобразования существовавших политической и экономической систем. При этом не остаются без внимания и вопросы противодействия коррупции.

Руководство Социалистической Республики Вьетнам активно осуществляет политику противодействия коррупции в стране. Так, национальное собрание СРВ в 2005 г. принимает Антикоррупционный закон [1]. Благодаря действию этого закона коррупция постепенно начала подвергаться контролю. Противодействие коррупции стало долгосрочной задачей правительства Вьетнама. В сентябре 2008 г. в стране был принят план «Национальная стратегия противодействия коррупции до 2020 г.» [2], в котором сделан акцент на построении антикоррупционных служб, содействующих усилению прозрачности финансовой политики, информации о деятельности правительства.

В связи с изложенным представляет интерес осмысление законодательного опыта Вьетнама в регламентации уголовной ответственности за такое коррупционное преступление, как служебный подлог, итогом изучения которого могло бы стать формулирование предложений по совершенствованию отечественного права.

В действующий уголовный кодекс Социалистической Республики Вьетнам (УК СРВ) [6]* помещены нормы об ответственности за служебный подлог в главу

* Уголовный кодекс Социалистической Республики Вьетнам принят 21 декабря 1999 г., вступил в действие 11 июля 2000 г. и в настоящее время действует в редакции с учётом поправок, внесённых в него 19 июня 2009 г. При исследовании обращаемся к изданию на английском языке в переводе одного из авторов, А. Н. Харченко [6].

XXI под названием: «Должностные преступления», объединяющую 15 статей (ст.ст. 277–291). Глава подразделена на две секции – «Коррупционные преступления» (ст. 287–284) и «Иные должностные преступления» (ст. 285–291). Открывающая главу «Должностные преступления» ст. 277 УК СРВ содержит в себе законодательные дефиниции должностного преступления и должностного лица.

Уголовная ответственность за служебный подлог регламентирована в ст. 284 УК СРВ, которая состоит из пяти частей. Часть 1 указанной статьи определяет так называемый простой состав служебного подлога, предусматривающий ответственность лица, злоупотребляющего из корыстных или иных личных побуждений служебным положением и/или полномочиями при совершении таких действий, как: а) исправление или фальсификация сведений, документов; б) создание и/или выдача подложных документов; в) подделка подписи вышестоящих должностных лиц.

Юридический анализ данной нормы показывает, что в ней содержится указание на предмет преступления – сведения и документ. Законодатель не определяет эти термины, поэтому правоприменитель может широко толковать данный признак состава преступления.

Следует обратить внимание на то, что вьетнамский законодатель делает акцент при описании деяния состава служебного подлога как формы должностного злоупотребления в виде: злоупотребления служебным положением; злоупотребления служебными полномочиями; злоупотребления служебным положением и полномочиями.

В середине прошлого столетия в доктрине уголовного права понималось, что деяние при любой разновидности должностного злоупотребления складывается из двух составляющих: совершение виновным деяния благодаря служебному положению и вопреки интересам службы. Позицию учёных поддержал и законодатель, закрепив её в УК РСФСР [4] 1960 г. Вместе с тем буквальное толкование термина «служебное положение» позволило специалистам понимать его в двух смыслах – узком и широком. В первом случае – это когда должностное лицо может совершать преступные действия только в пределах своей служебной компетенции, а во втором – оно может использовать служебное положение, действуя не только в пределах его служебной компетенции, но и в использовании должностного влияния.

Законодатель Вьетнама имеет на сей счёт иное мнение. Так, толкование признака деяния в составе служебного подлога, предусмотренного ст. 284 УК СРВ, показывает, что служебный подлог понимается двояко: как разновидность злоупотребления должностным положением и как разновидность превышения должностных полномочий.

В уголовном законе Вьетнама деяние в составе служебного подлога представлено несколькими разновидностями, обращает на себя внимание вторая из перечисленных разновидностей – создание и/или выдача подложных документов. Соче-

тание союзов «и» и «или» позволяет говорить о наличии служебного подлога не только тогда, когда создаётся и выдаётся подложный документ, но и когда он только создаётся, или только выдаётся.

УК РСФСР предусматривал должностной подлог в форме составления и выдачи заведомо ложных документов, но в действующем УК РФ отказался от этого. Причиной тому послужили споры криминалистов, когда одни учёные полагали, что закон приравнивает выдачу заведомо ложных документов к составлению подложных документов; другие же авторы настаивали, что окончанный состав должностного подлога имеет место только при условии совокупного выполнения подлога и выдачи документа. Наверное, при применении ст. 284 УК СРВ подобная проблема возникает. Думается, что российский законодатель поспешил отказаться от решения этой проблемы, исключив из закона обозначенную разновидность деяния в составе служебного подлога.

Может вызвать интерес для отечественного права и такая форма деяния в составе служебного подлога, предусмотренного уголовным законом Вьетнама, как «подделка подписи вышестоящих должностных лиц», что требует дополнительных научных изысканий.

Отличительный момент в регламентации ответственности должностного лица за подлог документов по УК СРВ заключается в описании субъективной стороны данного преступления. В частности, обязательным признаком служебного подлога является мотив – корыстные или иные личные побуждения. Подобное законодательное решение схоже с позицией российского законодателя и не вызывает сомнений: именно мотив в составе подлога усиливает общественную опасность деяния.

Ещё на одну особенность в описании признаков служебного подлога надлежит обратить внимание – субъекта данного преступления. Как отмечено выше, в ст. 277 УК СРВ содержится законодательное определение субъекта должностных преступлений, а именно: должностное лицо – это лицо, занявшее должность путём назначения, выборов, по контракту или другим образом, получающий или нет заработную плату и исполняющий определённые полномочия.

В качестве критериев дефиниции должностного лица вьетнамский законодатель определяет:

- способ занятия должности (назначение, выборы, по контракту или другим образом);
- оплата труда;
- исполнение определённых полномочий.

Первые два из перечисленных критериев можно назвать формальными, а последний – содержательным. Однако содержательный критерий в УК СРВ не рас-

крывается. Представляется, что такая формулировка дефиниции должностного лица вызывает при правоприменении серьёзные сложности.

В трёх следующих частях ст. 284 УК СРВ определены квалифицирующие признаки служебного подлога. Так, к квалифицированным видам рассматриваемого преступления ч. 2 ст. 284 УК СРВ относит служебный подлог, совершённый:

- организованной группой;
- лицом, ответственным за создание или выдачу бумаг и/или документов;
- неоднократно;
- при наступлении тяжких последствий.

К особо квалифицированным видам причислено наступление в результате служебного подлога особо тяжких последствий (ч. 3 ст. 284 УК СРВ) или чрезвычайно особо тяжких последствий (ч. 4 ст. 284 УК СРВ).

Из обозначенных во вьетнамском уголовном кодексе квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков служебного подлога представляет научный интерес для россиян в плане совершенствования закона такой признак – совершение служебного подлога лицом, ответственным за создание или выдачу бумаг и/или документов. Статус субъекта преступления в этом случае выступает фактором, усиливающим опасность преступления. Служебный подлог осуществляется лицом, занимающим особо ответственную должность, наделяющую особо значимыми правами и полномочиями.

И в завершение изучения законодательного опыта Социалистической Республики Вьетнам в регламентации ответственности за служебный подлог остановимся на вопросе о санкциях, предусмотренных за совершение данного преступления. В УК Вьетнама за служебный подлог предусмотрено суровое наказание. Так, совершение данного преступления без отягчающих обстоятельств (ч. 1 ст. 284) наказывалось лишением свободы на срок от 1 до 5 лет, а при отягчающих и особо отягчающих обстоятельствах – ещё строже: по ч. 2 ст. 284 – лишение свободы на срок от 3 до 10 лет; по ч. 3 ст. 284 – лишение свободы на срок от 7 до 15 лет; по ч. 4 ст. 284 – лишение свободы на срок от 12 до 20 лет. Кроме того, может быть назначено дополнительное наказание в виде запрета занимать определённые должности или заниматься определенной деятельностью на срок от 1 года до 5 лет либо лицо может быть подвергнуто штрафу от 3 до 30 миллионов донгов.

Далее остановимся на рассмотрении положений источников зарубежного уголовного законодательства тех стран Азиатско-Тихоокеанского региона, которые ещё не были исследованы другими авторами в разрезе обозначенного аспекта. Поэтому в настоящей публикации считаем необходимым обратиться к рассмотрению вопросов уголовной ответственности за подлоги, совершаемые должностными лицами, в Таиланде и Сингапуре.

Действующий Уголовный кодекс Таиланда [7]* поместил нормы об ответственности за подлог, совершаемый должностным лицом, в главу 2 под заглавием: «Должностные преступления», объединяющую 20 статей (ст. ст. 147–166). По крайней мере, две из перечисленных статей конструируют преступления, состоящие в подделке документов должностным лицом.

Статья 161 УК Таиланда устанавливает ответственность должностного лица, в обязанности которого входит составление документа, заполнение содержания документа, охрана или хранение документа, за подделку документа с использованием служебного положения.

Специальным по отношению к данному составу преступления можно назвать подлог документов, регламентированный в статье 162 УК Таиланда. Если в ст. 161 законодатель Таиланда в самом общем виде описывает деяние служебного подлога с помощью термина «подделка», то в ст. 162 установлен уголовно-правовой запрет на совершение конкретно обозначенных в законе действий в рамках выполнения должностным лицом своих обязанностей. В частности, регламентирована ответственность должностного лица, если он осуществляет следующее:

- заверяет, что он совершил какое-либо действие или что какое-либо действие было совершено в его присутствии, что является ложью;
- заверяет, что есть информация о деле, о котором на самом деле информации нет;
- не производит запись о случае, когда он обязан такую запись сделать, или вносит изменения в подобную запись;
- заверяет, что факт, подтверждаемый документом, является правдой, хотя на самом деле это не так.

Сравнение санкций за обозначенные выше в УК Таиланда служебные преступления показывает, что за совершение преступных деяний, предусмотренных ст. 161 УК Таиланда, наказание строже, чем за совершение деяний, предусмотренных ст. 162 УК Таиланда. В первом случае должностное лицо приговаривается к тюремному заключению на срок до десяти лет и к штрафу в размере до двадцати тысяч бат, а во втором – к тюремному заключению на срок до семи лет и к штрафу в размере до четырнадцати тысяч бат. Этому способствует разница в признаках этих составов преступлений, отражающих разную степень общественной опасности содеянного.

Прежде всего следует обратить внимание на разницу, если так можно выразиться, в «статусе» должностного лица. В круг обязанностей субъекта преступления по ст. 162 УК Таиланда входит составление документа, получение документа или заполнение содержания документа, а должностное лицо как субъект преступ-

* Уголовный кодекс Таиланда принят 27 апреля 1907 г. и в настоящее время действует в редакции с учетом поправок, внесенных в него до 1 января 2010 г. [7].

ления, предусмотренного ст.161 УК Таиланда, не только составляет документ или заполняет его, но и охраняет или хранит документ.

Вторым разграничительным признаком этих составов служит законодательное описание деяния как признака объективной стороны преступлений. При квалификации любого преступления объективная сторона состава имеет большое значение. В частности, в рассматриваемом случае она служит основанием соотношения составов преступлений.

В ст. 161 УК Таиланда законодатель для описания деяния, осуществляемого должностным лицом, использует термин «подделка», тогда как в УК России законодатель в ст. 292 подобное преступление называет «подлог».

Объективная сторона рассматриваемых преступлений в ст. ст. 161 и 162 УК Таиланда сформирована в деянии, которое должностное лицо осуществляет с использованием своего служебного положения.

Подобное понимание деяния как признака объективной стороны должностного преступления было характерно для должностных преступлений, регламентированных в УК РСФСР 1960 г. В действующем УК РФ данный признак объективной стороны в составах должностных злоупотреблений обозначен путём осуществления деяния с использованием должностным лицом своих служебных полномочий.

С субъективной стороны законодатель Таиланда не устанавливает в качестве обязательного признака мотив, как это сделано в УК РФ. Такое законодательное решение приводит к признанию преступным более широкого круга деяний, признаваемых служебным подлогом.

В действующем Уголовном кодексе Сингапура [5]* (далее – УК Сингапура) имеется глава IX, озаглавленная как «Преступления, совершенные государственными служащими или относящимися к государственным служащим», состоящая из 11 статей (ст. ст. 161–171). Одна из них формулирует состав служебного подлога, а именно – ст. 167 под заглавием «Составление государственным служащим ненадлежащего документа, электронной записи с намерением причинить ущерб». Её содержание гласит: «Государственный служащий, который несёт обязанность по подготовке, а также переводу любого документа либо электронной записи, заведомо ненадлежащим образом составляет или переводит их, намереваясь тем самым причинить ущерб, или осознавая возможность причинения ущерба другому лицу, под-

* Уголовный кодекс Сингапура был принят в качестве Уголовного кодекса колонии Стрейтс Сеттлмент в 1871 г. Постановлением 4 и вступил в действие с 16 сентября 1872 г., 30 ноября 2008 г. издание было пересмотрено в новой редакции и в настоящее время действует в редакции с учетом поправок, внесенных в него до 1 апреля 2015 г. При исследовании обращаемся к электронному изданию законодательного акта на английском языке по Singapore Statutes online в переводе одного из авторов – А.Н. Харченко [5].

лежит наказанию в виде тюремного заключения на срок до трёх лет или штрафа, либо обоим видам наказания одновременно».

Анализ данной нормы позволяет констатировать, что субъектом данного преступления может быть не любой государственный служащий, а лишь тот, которому вменены в обязанности подготовка или перевод любого документа либо электронной записи.

Понятие государственного служащего в УК Сингапура не раскрывается. Тогда как понятия «документ» и «Электронная запись», являющиеся предметом рассматриваемого преступления, имеют легальную формулу в ст. 29, 29А и 29В УК Сингапура.

Термин «документ» – гласит ст. 29 – включает в себя, кроме письменных документов:

(а) любую карту, схему, график или рисунок;

(b) любую фотографию;

(с) любой ярлык (знак) или маркировку, или иное письменное сообщение, которые определяют (идентифицируют) или описывают что-либо, прикреплены к чему-либо или являются частью чего-либо;

(d) любой диск, магнитную ленту, звуковую дорожку, содержащие звуковую или иную (не являющуюся визуальным изображением) информацию, записанную таким образом, что она может быть воспроизведена (с помощью другого оборудования или без таковой);

(е) любую плёнку (включая микрофильм), негатив, магнитную ленту, диск или другое устройство, содержащее одно или несколько визуальных изображений, записанных таким образом, что они могут быть воспроизведены (с помощью другого оборудования или без таковой);

(f) любую бумагу или иной материал, на которые нанесена маркировка, оттиск, числа, буквы, символы или перфорация, имеющие значение для лица, могущего их интерпретировать.

Как следует из содержания приведённой статьи, законодатель не формулирует признаки понятия «документ», а лишь перечисляет его разновидности.

Словосочетание «письменный документ», как следует из ст. 29А УК Сингапура, включает в себя изображение или воспроизведение любым способом слов, цифр, рисунков или символов.

Словосочетание «электронная запись», согласно ст. 29В анализируемого уголовного закона, имеет то же значение, что и в Законе об электронных сделках (гл. 88).

Вряд ли подобное официальное толкование приведенных дефиниций снимает проблемы при квалификации преступлений, предметом которых выступают «документ», «письменный документ» или «электронная запись».

В составе рассматриваемого преступления противоправное деяние выражается в двух формах: составление или перевод указанных предметов (документа или электронной записи).

Осуществляется деяние заведомо ненадлежащим образом и с намерением виновного тем самым причинить ущерб, или осознавая возможность причинения ущерба другому лицу.

Сравнение санкций за обозначенные в главе IX «Преступления, совершённые государственными служащими или относящимися к государственным служащим» УК Сингапура показывает, что за совершение преступных деяний, предусмотренных ст. 167 данного закона, наказание строже, чем за совершение других преступлений государственными служащими. К примеру, за халатность (ст. 166 УК Сингапура) государственный служащий подлежит тюремному заключению на срок до одного года или штрафу или обоим видам наказания одновременно.

Проведя анализ положений уголовных законов Социалистической Республики Вьетнам, Королевства Таиланд и Сингапура в части регламентации ответственности за служебный подлог, необходимо акцентировать внимание на том, что в каждом из них в том или ином виде регламентирована уголовная ответственность должностных лиц за подлог документов. Однако проведённое исследование позволяет сделать вывод о казуистичном конструировании норм об ответственности за служебный подлог.

Зарубежный законодатель:

– широко понимает особенности деяния как признака объективной стороны состава служебного подлога;

– предусматривает мотив в качестве обязательного признака субъективной стороны состава служебного подлога.

Позиция российского законодателя в вопросе отражения указанных особенностей регламентации ответственности за служебный подлог представляется более предпочтительной.

Некоторые положения зарубежного уголовного законодательства об ответственности за служебный подлог представляют интерес с позиции необходимости совершенствования норм российского уголовного закона. В частности, заслуживает внимания законодательное закрепление в УК СРВ такой формы деяния служебного подлога, как «создание и/или выдача подложных документов».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Anti-Corruption Law. This Code was passed by the National Assembly of the Socialist Republic of Vietnam, XIth Legislature, at its 8th session on 29 November 2005. – Режим доступа: http://www.unafei.or.jp/english/pdf/RS_No83/No83_23PA_Phuong.pdf.

2. Vietnam National Strategy for the Fight Against Corruption Towards 2020 and implementation plan. It is installed in September 2008. – Режим доступа: http://www.unafei.or.jp/english/pdf/RS_No83/No95_44PA_Phuong.pdf.

3. Уголовный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : [принят Государственной Думой 24 мая 1996 г. : по состоянию на 20 дек. 2016 г.] / Российская Федерация // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – 17 июня. – № 25. – Ст. 2954.

4. Уголовный кодекс РСФСР : [утвержден Законом РСФСР от 27 окт. 1960 г.] / РСФСР // Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1960. – № 40. – Ст. 591. – Утратил силу.

5. The Penal Code of Singapore. Chapter 224 (Original Enactment: Ordinance 4 of 1871). Revised edition 2008 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://statutes.agc.gov.sg/aol/browse/titleResults.w3p;letter=P;type=actsCur>.

6. Criminal Code of Viet Nam. – Hanoi, 2009. – 216 p.

7. Уголовный кодекс Таиланда / пер. с тайск. А. Четсумона ; науч. ред. пер. и предисл. А. И. Коробеева, Ю. В. Голика. – М. : Юридический центр Пресс, 2005. – 200 с.

REFERENCES

1. *Anti-Corruption Law. This Code was passed by the National Assembly of the Socialist Republic of Vietnam, XIth Legislature, at its 8th session on 29 November 2005.* Available at: http://www.unafei.or.jp/english/pdf/RS_No83/No83_23PA_Phuong.pdf (accessed 19 August 2016).

2. *Vietnam National Strategy for the Fight Against Corruption Towards 2020 and implementation plan. It is installed in September 2008.* Available at: http://www.unafei.or.jp/english/pdf/RS_No83/No95_44PA_Phuong.pdf (accessed 19 August 2016).

3. The Criminal Code of the Russian Federation: the Federal Law of June 13, 1996 No. 63-FZ: [adopted by the State Duma on May 24, 1996: as of 20 December 2016]. Russian Federation. *Meeting of the legislation of the Russian Federation*, 1996, 17 June, no. 25, Art. 2954. (In Russian).

4. RSFSR Criminal Code: [approved by the RSFSR Law of 27 October 1960]. RSFSR. *Sheets of the Supreme Council*, 1960, no. 40. Art. 591. (In Russian).

5. *The Penal Code of Singapore. Chapter 224. (Original Enactment: Ordinance 4 of 1871). Revised edition 2008.* Available at: <http://statutes.agc.gov.sg/aol/browse/titleResults.w3p;letter=P;type=actsCur> (accessed 19 November 2016).

6. *Criminal Code of Viet Nam.* Hanoi, 2009. 216 p.

7. Korobeev A.I., Golik Yu.V., russ. trans. eds. and preface. *Ugolovnyi kodeks Tailanda* [Criminal Code of Thailand]. Moscow: Juridicheskij centr Press Publ., 2005. 200 p. (In Russian).

УДК 343.79(5:265)

В. Е. Дворцов¹

Минераловодский городской суд Ставропольского края, г. Минеральные воды, Россия

E-mail: vadim.dvortsov@mail.ru

**ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
В СФЕРЕ КАДАСТРОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В АСПЕКТЕ СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОГО АНАЛИЗА
УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОТДЕЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ
АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА**

Аннотация. Эффективное решение вопросов, связанных с построением гражданского общества и правового государства в Российской Федерации, предполагает совершенствование всего законодательства, в том числе направленного на повышение роли и значения юридической ответственности. Новацией уголовного законодательства 2015 г. стало появление нормы, предусматривающей ответственность за совершение преступления в сфере кадастровой деятельности, содержащей в себе ряд проблемных аспектов, как системно-структурного плана, так и формально-логического характера, что во многом обусловлено новизной уголовно-правовых запретов. В связи с указанными обстоятельствами, прослеживается необходимость обращения к уголовному законодательству отдельных стран Азиатско-Тихоокеанского региона, в которых мера ответственности за совершение преступлений в сфере кадастровой деятельности закреплена и активно применяется на протяжении многих лет. В данной статье автор:

- исследует вопросы ответственности в сфере кадастровой деятельности на основе уголовного законодательства Социалистической Республики Вьетнам, Китай-

¹ Вадим Евгеньевич Дворцов, помощник судьи Минераловодского городского суда Ставропольского края, г. Минеральные воды, Россия; соискатель учёной степени кандидата юридических наук кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия.

Для цитирования: Дворцов, В.Е. Ответственность за совершение преступлений в сфере кадастровой деятельности в аспекте сравнительно-правового анализа уголовного законодательства отдельных государств Азиатско-Тихоокеанского региона // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2016. Т. № 4. С. 132–141.

© Дворцов В.Е., 2016

ской Народной Республики, Республики Сингапур, Королевства Таиланд и монархической Японии;

- рассматривает вопросы квалификации данных преступлений и возможные проблемы правоприменения;

- приводит некоторые особенности преступлений в кадастровой сфере и их место в структуре уголовных кодексов рассматриваемых стран;

- проводит сравнительно-правовой анализ с нормами, предусматривающими аналогичную ответственность по отечественному уголовному законодательству, предлагает пути его совершенствования и возможные варианты заимствования зарубежного опыта.

Ключевые слова: отечественное уголовное законодательство, уголовное законодательство зарубежных стран, ответственность, государственная служба, должностные преступления, заведомо ложные сведения, подлог документов, мошенничество, ущерб, наказание, штраф, лишение свободы, смертная казнь, имущественный вред, право собственности, недвижимое имущество, земельный участок, кадастровая деятельность, кадастровый учёт, кадастровый инженер, межевание земельного участка, технический план, карта-план территории, реестр прав.

Vadim E. Dvortsov¹

Mineralovodskiy City Court Stavropol region, Mineral Waters, the Russian Federation

E-mail: vadim.dvortsov@mail.ru

**RESPONSIBILITY FOR CRIMES IN CADASTRAL ACTIVITIES
IN THE CONTEXT OF COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS
OF THE LEGISLATION OF INDIVIDUAL STATES
IN ASIA-PACIFIC REGION**

Abstract. Effective solution of issues related to the construction of civil society and constitutional state calls for an improvement of the whole legislation, including enhanc-

¹ Vadim E. Dvortsov – assistant of judge of Mineralovodskiy City Court Stavropol region, Mineral Waters, the Russian Federation; Applicant scientific degree of candidate of Juridical Sciences Department of Criminal Law and Criminology Faculty of Law Omsk State University named after F.M. Dostoevsky, Omsk, Russian Federation.

For citing: Dvortsov, Vadim E. Responsibility for crimes in cadastral activities in the context of comparative legal analysis of the legislation of individual states in Asia-Pacific region // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2016. № 4. P. 132–141.

ing the role and importance of legal liability. The novelty of the criminal law in 2015 included the emergence of norms providing responsibility for the offense in the sphere of cadaster, containing a number of problematic aspects as systemic-structural plan, and formal-logical nature, which is largely due to the novelty of criminal prohibitions. Due to these circumstances, the need for treatment can be traced to the criminal legislation of individual countries in the Asia-Pacific region, where responsibility for crimes in cadaster activities is fixed and has been actively used for many years. The author examines in detail the issue of liability in the field of cadaster activities on the basis of the criminal law of the Socialist Republic of Vietnam, the People's Republic of China, the Republic of Singapore, the Kingdom of Thailand and Japan; he also examines the qualifications of crimes and possible enforcement problems, brings some of the features of crimes in the field of cadaster and their place in the structure of the criminal codes of the countries in question; The research also involved conducting comparative legal analysis with standards regarding the same responsibility for a domestic criminal law, and suggesting ways to improve it and possibly borrow the foreign experience.

Keywords: domestic criminal law, criminal law of foreign countries, responsibility, civil service, official misconduct, false information, forgery, fraud, damage, punishment, penalty, imprisonment, the death penalty, property damage, property law, real estate, land, cadastral work, cadastral registration, cadastral engineer, land surveying, technical plan, map of the territory, a register of rights.

В отечественном уголовном законодательстве имеется ряд норм, устанавливающих ответственность за различные формы преступного воздействия на общественные отношения, прямо или косвенно связанные с землёй. Важной правовой мерой, направленной на предупреждение и пресечение преступлений в данной сфере, является уголовная ответственность, предусмотренная ст. 170.2 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). Согласно части первой УК, внесение кадастровым инженером заведомо ложных сведений в межевой план, технический план, акт обследования, проект межевания земельного участка или земельных участков, либо карту-план территории, или подлог документов, на основании которых были подготовлены данные документы, если эти действия причинили крупный ущерб (более 1,5 млн руб.) гражданам, организациям или государству, то они наказуемы. Наказание может быть в виде штрафа от ста тысяч до трёхсот тысяч рублей, или в размере заработной платы, или иного дохода осуждённого за период от одного года до двух лет, либо лишения права занимать определённые должности или заниматься определённой деятельностью на срок до трех лет, либо обязательных работ на срок до трёхсот шестидесяти часов [10, с. 11].

По прошествии более года от начала своего существования данная норма у научной общественности какого-либо интереса не вызвала, а сведения о её практическом применении отсутствуют, в связи с чем назрела необходимость проведения комплексного изучения указанных общественно опасных деяний, начало которому должно быть положено с изучения однородных преступлений по уголовному законодательству отдельных стран АТР, как наиболее близкому к УК РФ по избираемым принципам регулирования общественных отношений, юридической конструкции уголовно-правовых норм и институтов, а также функционального сравнения.

Сущность политической системы Вьетнама сводится к тому, что государство является исключительным и единственным собственником земли, которое вступает в земельные отношения как их регулятор, и не только в качестве собственника земли, но и властного суверена.

Органом по земельному управлению во Вьетнаме является Министерство природных ресурсов и экологии, сотрудники которого производят кадастровый учёт, регистрируют сделки, устанавливая предельные размеры земельного участка и не допускают изменений его целевого назначения [10, с. 11].

Уголовным законодательством Вьетнама предусмотрена ответственность за совершение преступлений в сфере кадастровой деятельности, которая закреплена в гл. «Преступления против порядка экономического управления» Уголовного кодекса 1999 г. [8]. Преступные деяния охватываются составами должностных преступлений, субъектом которых выступает лицо, ответственное за внесение сведений в земельный реестр; по степени общественной опасности относятся к преступлениям средней тяжести; мотивы совершения преступлений не конкретизированы.

В уголовном законодательстве Вьетнама, равно как и в отечественном законодательстве, преступления в сфере кадастровой деятельности отнесены законодателем к преступлениям в сфере экономической деятельности, тем самым в качестве одного из непосредственных объектов данных уголовно-наказуемых деяний признаётся именно порядок оборота недвижимым имуществом.

В Китае, равно как и во Вьетнаме, государство официально поддерживает государственную и коллективную собственность и отрицает любую возможную эволюцию в направлении частной собственности на землю.

Государственное Бюро по регистрации прав на недвижимое имущество Департамента кадастрового управления Министерства земельных и природных ресурсов КНР является государственным органом, сотрудники которого, в том числе, занимаются решением вопросов по ведению кадастрового учета, определением технических стандартов съёмки [4].

В связи с чем, согласно ст. 410 УК КНР, работники государственных органов, из корыстных побуждений, в нарушение Закона о земле, злоупотребившие своими

должностными полномочиями, незаконно утвердившие занятие, реквизицию земель или незаконно по низкой стоимости пустившие на продажу право владения государственными землями, при отягчающих обстоятельствах – наказываются лишением свободы на срок до 3 лет или краткосрочным лишением свободы [5, с. 68].

Таким образом, ответственность наступает только при наличии отягчающих обстоятельств, а также предусматривает возможность назначения наказания в виде лишения свободы, что было упущено российским законодателем при конструировании ст. 170.2 УК РФ [7].

Несмотря на сходство культур в прошлом, в результате огромного влияния Китая на Японию, в настоящее время законодатели этих стран вовсе не идут по пути слепого копирования законов друг друга, как случалось иногда на поворотах истории.

В Японии кадастровые работы ведутся в соответствии с Законом о Национальной земельной съёмке, они субсидируются Национальным земельным агентством. Исполнителями работ выступают местные органы власти, геодезическое обоснование создает Институт географической съёмки [1, с. 309].

В соответствии с уголовным законодательством Японии, публичное должностное лицо, которое в связи со своими должностными делами и в целях использования составило или видоизменило текстовый или графический материал (ст. 156), а равно лицо, которое с целью употребления подделывало текстовые или графические документы, подлежащие изготовлению публичным учреждением или публичным должностным лицом (ст. 155), наказывается лишением свободы с принудительным физическим трудом на срок от одного года до десяти лет [9].

Преступление совершается только посредством действия, характер которого зависит от формы подготавливаемого документа, что приводит к выводу о подобии данных норм статье 170.2 УК РФ [8], в связи с чем, следуя принципу аналогии, можно прийти к выводу, что если документ выполнен на бумажном носителе, то может иметь место как его полное изготовление с недостоверными сведениями, внесёнными в текстовую и графическую его части или только в одну из них, так и изменение содержания ранее надлежащим образом оформленного и подготовленного документа путём дописок, вытравливания, подчисток, исправлений и тому подобных действий. Если же речь идет об электронном документе, то внесение искажений может выражаться в применении неправильного масштаба, искажении перспективы, наносимых размеров в графической или текстовой частях документа, корректировке автоматически созданного документа и т.п.

Подлог может выражаться в приобщении к материалам межевого дела, включении в качестве оснований подготавливаемых документов заведомо подложных документов, т.е. документов, в которых посредством материального либо интеллектуального подлога ложно удостоверены в действительности не имеющие места обстоятельства, например, касающиеся границ участков в натуре или расположен-

ных на них объектов. Это могут быть как технические (например, технический паспорт, топосъёмка и т.п.), так и иные документы (например, договор о приобретении части недвижимого объекта или земельного участка, согласие на изменение границ участка и т.п.).

В уголовном законодательстве Сингапура не закреплено нормы, предусматривающей ответственность исключительно за преступления в сфере кадастровой деятельности, вместе с тем, исходя из общей направленности законодательства страны, можно прийти к выводу, что в случае изменения границ земельного участка, внесения недостоверных сведений в кадастр недвижимости, совершения иных противоправных действий, непосредственно связанных с кадастровой деятельностью, виновное лицо будет нести ответственность за такой вид преступления, как взятка («коррупционное вознаграждение») [3].

В соответствии со ст. 5 Закона о предотвращении коррупции в Сингапуре от 1960 г., лицо виновно в коррупции, когда оно само, либо в соучастии с другими незаконно подкупает, получает или выражает согласие на получение любого вознаграждения для себя или другого человека; незаконно даёт, обещает или предлагает любому человеку вознаграждение, независимо от того, в своих или сторонних интересах делая это, вознаграждая или подстрекая любого человека к действию или бездействию в отношении любого дела, реального либо лишь задуманного [3].

Любой человек, вина которого в соответствии со ст. 5 указанного Закона доказана, должен выплатить штраф до 100 000 долларов, либо должен быть заключён в тюрьму на срок до 5 лет, либо и то, и другое. Если преступление связано с гражданской службой, срок заключения может быть увеличен до семи лет. Помимо штрафа и тюремного заключения, лицу, уличенному в коррупционном преступлении, судом может быть предписано вернуть полную сумму взятки [3].

Отличительной особенностью администрирования недвижимого имущества Королевства Таиланд является предание земельным участкам определённого статуса, определяющего право их продажи или передачи. Если земельный участок зарегистрирован в «Chanot» (самый высокий регистр, при котором земельный участок имеет сформированные границы, закреплённые в кадастровой системе), то с целью его размежевания на несколько меньших по площади или присоединения к нему другого земельного участка собственник может воспользоваться услугами частного геодезиста, после согласования работ с Земельным департаментом. В случае иного статуса земельного участка («NorSor3», «NorSor3 Gor» и ниже), межевание участка или совершение любых иных действий производится исключительно при участии сотрудника Земельного департамента, что может занять от нескольких месяцев до года [2].

Статьёй 152 Уголовного кодекса Королевства Таиланд предусмотрено, что любой, кто, будучи должностным лицом, в обязанности которого входит управле-

ние или надзор за какой-либо деятельностью, пользуется выгодой для себя или другого человека, имеющего отношение к данной деятельности, должен быть приговорён к тюремному заключению на срок от одного года до десяти лет и к штрафу в размере от двух тысяч до двадцати тысяч бат [6].

В соответствии со ст. 161 УК Королевства Таиланд, любой, кто, будучи должностным лицом, в обязанности которого входит составление документа, заполнение содержания документа, охрана или хранение документа, подделывает этот документ, пользуясь своим служебным положением, должен быть приговорён к тюремному заключению на срок до десяти лет и к штрафу в размере до двадцати тысяч бат [6].

Самое суровое наказание в виде пожизненного тюремного заключения или даже смертной казни должностное лицо может понести за вымогательство, получение взятки или присвоение с использованием своего положения чужого имущества.

Исследование вопросов ответственности в сфере кадастровой деятельности на основе уголовного законодательства отдельных стран АТР позволяет сделать следующие выводы.

Страны АТР характеризуются господством «землесберегающего» способа производства, при котором земля (ресурс, находящийся в минимуме), а не труд (ресурс, находящийся в максимуме) определяет параметры его развития.

Изначально уголовное законодательство СРВ и КНР имело в качестве образца уголовное законодательство СССР и других социалистических стран, впоследствии видоизменённое под национальный политический строй.

Уголовное законодательство дальневосточных стран не воспринимает правовые новации стран европейского и американского континентов, ориентируется исключительно на совершенствование национального уголовного законодательства, в связи с чем в уголовном законодательстве рассмотренных стран не предусмотрена специализированная ответственность за внесение заведомо ложных сведений в межевой или технический планы, акт обследования, проект межевания земельного участка либо карту-план территории, что свидетельствует о недооценке степени общественной опасности такого рода преступления, что было учтено отечественным законодателем, следствием чего стала ст. 170.2 УК РФ [7].

Отсутствие в уголовном законодательстве рассмотренных стран специальных норм, регламентирующих уголовную ответственность в сфере кадастровой деятельности, не означает, что она фактически не может наступать в отношении должностных лиц, злоупотребляющих своими должностными полномочиями в процессе реализации процедуры межевания земельного участка и постановки его на кадастровый учёт, а также последующей регистрации прав. Мотивы совершения данных преступлений отсутствуют как в отечественном уголовном законодательстве, так и в законодательстве Вьетнама, Сингапура и Японии; конкретизированы в Уголов-

ных кодексах Китая и Таиланда – корыстные побуждения и «пользуется выгодой для себя или другого человека».

В отличие от отечественного законодательства, страны АТР отдают предпочтение жёстким уголовным санкциям с высоким размером штрафа, обязательным лишением свободы, вплоть до смертной казни (Таиланд). Такая особенность продиктована авторитарностью, историей, этнической составляющей, географическим местоположением, немаловажным фактором также является активная борьба с коррупцией в государственных учреждениях.

Многие положения уголовной ответственности в сфере кадастровой деятельности в рассмотренных странах не могут быть автоматически перенесены в систему, существующую в нашей стране. Основными причинами этого являются различия в характере земельных отношений, размере территории и административно-территориальном устройстве, нормативно-правовом обеспечении, уровне материально-технической базы, современном состоянии и технологиях выполнения работ.

Вместе с тем, в процессе дальнейшего совершенствования уголовного законодательства Российской Федерации целесообразно учесть опыт стран Азиатско-Тихоокеанского региона в части пенализации преступлений в сфере кадастровой деятельности, предусматривающей в обязательном порядке лишение свободы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Варламов, А. А. Земельный кадастр. Т. 2 : Управление земельными ресурсами / А. А. Варламов. – М. : КолосС, 2004. – 528 с.
2. Геодезия и типы земельных документов [Электронный ресурс] // Информационный портал Тайско-российской ассоциации риелторов «ThaiProperty». – Режим доступа: <http://www.thaiproperty.ru/geodeziya-i-tipy-zemelnyh-dokumentov>.
3. Закон о предотвращении коррупции в Сингапуре от 17 июня 1960 г. (с изм. и доп. по состоянию на 1 марта 2012 г.) [Электронный ресурс] // Официальный сайт правительства Сингапура для публикации законодательства. – Режим доступа: <http://statutes.agc.gov.sg/aol/search/display/view.w3p?page=0;query=CompId%3Aca83fcad-3903-4a8a-a53f-93ae7c167568%20ValidTime%3A01%2F03%2F2012-00%3A00%20TransactionTime%3A27%2F11%2F2016;rec=0>.
4. Министерство земельных и природных ресурсов [Электронный ресурс] // Информационный портал о законодательстве Китайской Народной Республики. – Режим доступа: http://cnlegal.ru/china_administrative_law/ministry_of_land_and_resources.
5. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики (с изм. и доп. по сост. на 02 марта 2007 г.) [Электронный ресурс] // Федеральный правовой портал «Юридическая Россия». – Режим доступа: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1247252&subID=100110722,100110731,100110745,100110797#text>.

6. Уголовный кодекс Королевства Таиланд (с изменениями и дополнениями по состоянию на 01.01.2005 г.) / пер. с тайск. А. Четсумона ; под ред. А. И. Бойцова. – М. : Юридический центр Пресс, 2005. – 200 с.

7. Уголовный кодекс Российской Федерации (с изм. и доп. по сост. на 06 июля 2016 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/.

8. Penal Code No. 15/1999/QN10. [Электронный ресурс]. Socialist Republic of Viet Nam, Hà Nội, December 21, 1999. – Режим доступа: <http://vbpl.vn/TW/Pages/vbpqen-toanvan.aspx?ItemID=622&dvid=13>.

9. Уголовный кодекс Японии (с изм. и доп. по сост. на 11 января 2007 г.) [Электронный ресурс] // Федеральный правовой портал «Юридическая Россия». – Режим доступа: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1241616>.

10. Ха Хыу Зунг. Совершенствование правового регулирования поземельных отношений в современном Вьетнаме : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Зунг Ха Хыу. – М., 2005. – 22 с.

REFERENCES

1. Varlamov A.A. *Zemel'nyj kadastr. T. 2. Upravlenie zemel'nymi resursami* [Land Registry. Vol. 2: Land management]. Moscow: KolosS Publ., 2004. 528 p.

2. Surveying and types of land records. Available at: <http://www.thaiproperty.ru/geodeziya-i-tipy-zemelnyh-dokumentov> (accessed 5.2016).

3. The Law on the prevention of corruption in Singapore June 17, 1960 (as amended on March 1, 2012). *Official site of the Government of Singapore for the publication of legislation*. Available at: <http://statutes.agc.gov.sg/aol/search/display/view.w3p;page=0 ; zapros = BMNPR% 3Aca83fcad-3903-4a8a-a53f-93ae7c167568% 20ValidTime% 3A01% 2F03% 2F2012-00% 3A00% 20TransactionTime% 3A27% 2F11% 2F2016; ges = 0> (accessed 5 September 2016).

4. The Ministry of Land and Resources. *The information portal on the law of the People's Republic of China*. Available at: http://cnlegal.ru/china_administrative_law/ministry_of_land_and_resources (accessed 22 December 2016). (In Russian).

5. *The Criminal Code of the People's Republic of China (as amend. and supplement. by Ed. At the 02 March 2007)*. Available at: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1247252&subID=100110722,100110731,100110745,100110797#text> (accessed 5 September 2016). (In Russian).

6. Bojcov A.I., ed. *The Criminal Code of the Kingdom of Thailand (with alterations and amendments as of 1 Januar.2005)*. Moscow: Yuridicheskij tsentr Press Publ., 2005. 200 p.

7. *The Criminal Code of the Russian Federation (as amended as of July 6, 2016)*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (accessed 5 September 2016). (In Russian).

8. *Penal Code No. 15/1999/QH10. Socialist Republic of Viet Nam, Hà Nội, December 21, 1999*. Available at: <http://vbpl.vn/TW/Pages/vbpqen-toanvan.aspx?ItemID=622&dvid=13> (accessed 5 September 2016).

9. *Japan Penal Code (as amended as of 11.01.2007)*. Available at: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1241616> (accessed 5 September 2016). (In Russian).

10. Ha Hyu Zung. *Sovershenstvovanie pravovogo regulirovaniya pozemel'nyh otnoshenij v sovremennom V'etname* [Improving the legal regulation of land relations in contemporary Vietnam]. Cand. Diss. (Legal Sci.). Synopsis. Moscow, 2005. 22 p. (In Russian).

СВЕДЕНИЯ О ЧЛЕНАХ РЕДКОЛЛЕГИИ

Айриш Чарльз Роберт (Charles R. Irish), директор Восточноазиатского центра правовых исследований Университета Висконсин-Мэдисон, профессор Юридической школы Университета Висконсин-Мэдисон, США.

Бакланов Петр Яковлевич, академик РАН, доктор географических наук, директор Тихоокеанского института географии ДВО РАН, г. Владивосток, Россия.

Белкин Виктор Григорьевич, доктор экономических наук, профессор, Школа экономики и менеджмента ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Жариков Евгений Прокофьевич, доктор экономических наук, профессор, Школа экономики и менеджмента ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Князев Сергей Дмитриевич, доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда России, заслуженный юрист Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Россия.

Коробеев Александр Иванович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Юридической школы ДВФУ, заслуженный деятель науки Российской Федерации, г. Владивосток, Россия.

Курилов Владимир Иванович, доктор юридических наук, профессор, проректор ДВФУ, директор Юридической школы ДВФУ, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, г. Владивосток, Россия.

Ли Се Ун (Lee Se Ung), Председатель Совета, Shin IL Educational Foundation, Seoul Cyber University, г. Сеул, Республика Корея.

Пак Ноенг (Nohyoung Park), декан Юридического факультета Университета Корё, г. Сеул, Республика Корея.

Печерица Владимир Федорович, доктор исторических наук, профессор, Школа региональных и международных исследований ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Присекина Наталья Геннадьевна, кандидат юридических наук, доцент Юридической школы ДВФУ, заместитель директора Юридической школы по науке и инновациям, почётный консул Республики Чили, г. Владивосток, Россия.

Снайдер Дэниел (Sneider Daniel), заместитель директора по науке Центра Азиатско-Тихоокеанских исследований имени Шоренстайна Стэнфордского университета, США.

Фу Куен-чен (Kuen-chen FU), профессор Юридического института «Кайюань» Шанхайского транспортного университета, г. Шанхай, КНР.

Хуан Даосю (Huang Daoxiu), председатель Научно-исследовательского центра по изучению российского права, профессор, г. Пекин, КНР.

EDITORIAL BOARD'S DATA

Charles R. Irish, Senior Director, East Asian Legal Studies Center, Volkman-Bascom Professor of Law (emeritus), University of Wisconsin-Madison, USA.

Peter Y. Baklanov, the Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor in Geographical Sciences, Director of the Pacific Institute of Geography, Far Eastern Branch of the Academy of Sciences, Vladivostok, Russia.

Victor G. Belkin, Doctor in Economics, Professor, School of Business and Public Administration, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

Evgeny P. Zharikov, Doctor in Economics, Professor, School of Business and Public Administration, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

Sergey D. Knyazev, Doctor in Law, Professor, Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia.

Alexander I. Korobeev, Doctor in Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Chair of Criminal Law and Criminology Department, School of Law, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

Vladimir I. Kurilov, Doctor of Law, Professor, Honorary University Educationalist of the Russian Federation, Vice President of Far Eastern Federal University, Director & Dean, School of Law, FEFU, Vladivostok, Russia.

Lee Se Ung, Chair of the Board, Shin IL Educational Foundation, Seoul Cyber University, Republic of Korea.

Nohyoung Park, Ph.D., Dean, School of Law, Director of Cyber Law Center, Korea University, Seoul, Republic of Korea.

Vladimir F. Pecheritsa, Doctor in Historical Sciences, School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

Natalia G. Prisekina, Ph.D. in Law, Associate Professor, Honorary Consul of the Republic of Chile, Vice Director for Research and Innovation, School of Law, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

Daniel C. Sneider, Associate director for research at the Walter H. Shorenstein Asia-Pacific Center at Stanford University, USA.

Kuen-chen FU, Ko Guan Chair, Professor in Law, Ko Guan Law School, Shanghai Jiao Tong University, PRC.

Huang Daoxiu, Professor, Chairman of the Research Centre for the Study of Russian law, Beijing, PRC.

**АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКИЙ
РЕГИОН**



**ЭКОНОМИКА
ПОЛИТИКА
ПРАВО**

**Научный
и общественно-политический
журнал**

**2016
№ 4**

Главный редактор
В.И. Курилов, доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

Редакционная коллегия
Ч.Р. Айриш, П.Я. Бакланов, В.Г. Белкин,
Е.П. Жариков (зам. гл. ред.), С.Д. Князев, А.И. Коробеев (зам. гл. ред.),
Ли Се Ун, Пак Ноенг, В.Ф. Печерица, Н.Г. Присекина,
Дэниел Снайдер, Фу Куен-чен, Хуан Даосю

Ответственный за выпуск
В.В. Короченцев

Редактор *Т. Л. Федотова*
Перевод на английский язык *Н. В. Бетанкурт*
Редактор References *Т. В. Поликарпова*
Компьютерная вёрстка *С. А. Стогний*

Подписано в печать 28.12.2016 г.
Дата выхода в свет 27.03.2017 г.
Формат 70x100 1/16. Усл. печ. л. 11,61. Уч.-изд. л. 10,18.
Тираж 500 экз. Заказ 567.

Дальневосточный федеральный университет
690950, г. Владивосток, ул. Суханова, 8

Отпечатано в типографии
Дирекции публикационной деятельности ДВФУ
690990, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 10